

Российская Академия Наук

Кольский научный центр
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина

**СЕВЕР И РЫНОК:
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА**

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

5/2013 (36)

Тематический выпуск:
**ФИНАНСОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ИХ РЕГУЛИРОВАНИЕ НА СЕВЕРЕ РОССИИ**

Отв. редакторы выпуска: д.э.н. Скуфьина Т.П., к.э.н. Кобылинская Г.В.

Апатиты
2013

СЕВЕР И РЫНОК:

формирование экономического порядка
№ 5 (36) 2013

Научно-информационный журнал

Основан в 1998 году
чл.-корр. РАН Геннадием Павловичем
Лузиным

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт экономических
проблем им. Г.П.Лузина Кольского научного
центра Российской академии наук

ISSN 2220-802X

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. В.Б.Акулов; к.э.н., доц. Е.П.Башмакова;
к.э.н., доц. В.В.Дидык; к.э.н., доц. Л.О.Залкинд;
к.э.н., доц. Г.В.Кобылинская; чл.-корр. РАН
В.Н.Лаженцев; д.э.н., проф. Ф.Д.Ларичкин;
С.А.Павлова (отв. секретарь); д.т.н., проф.
В.А.Маслобоев; к.э.н., доц. Л.А.Рябова; д.э.н.,
проф. В.С.Селин (главный редактор); д.э.н.
Т.П.Скуфьина (зам. главного редактора); к.э.н.,
доц. А.В.Шпак; к.т.н., доц. В.А.Цукерман

184200, г.Апатиты Мурманской области,
ул. Ферсмана, 24а
Тел.: 8-81555-79-257
E-mail: pavlova@iep.kolasc.net.ru

Позиция редакции не всегда совпадает
с мнением автора

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования

Журнал включен в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ

© ФБУН
Институт экономических проблем КНЦ РАН, 2013
© ФБУН
Кольский научный центр РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Скуфьина Т.П.** Трактовки североведения как
особого направления научных исследований.....4
Крапивин Д.С. Показатели эффективности
производства и использования основных
средств как критерий оценки инвестиционной
деятельности хозяйствующих субъектов
с государственным участием.....8
Вербиненко Е.А., Бадылевич Р.В. Оценка
финансового потенциала Мурманской
области и направления повышения
эффективности его использования.....12

2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

- Серова Н.А.** Анализ стратегического
планирования в северных муниципалитетах
России.....18
Емельянова Е.Е. Инвестиционная политика
муниципальных органов власти в регионах
Севера: возможности и направления
реализации.....22
Дидык В.В., Емельянова Е.Е. Стратегическое
управление развитием территорий:
методические аспекты и практика
российских городов.....29

3. ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРА

- Биев А.А.** О необходимости трансформации
экономико-организационных механизмов
регулирования рынков нефтепродуктов
в России: опыт северных регионов.....37
Баранов С.В. Отражение межрегиональной
дифференциации в комплексных оценках
регионов по уровню социально-
экономического развития (на примере
субъектов Севера РФ).....43
Зубарева Т.А. Основой экономики северных
регионов остается добыча сырьевых
ресурсов.....48
Серова В.А. Специфика развития
транспортной системы в Арктике.....51

4. НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНАЯ СИСТЕМА И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Барашева Т.И.** Приоритеты
институциональных преобразований
в налогово-бюджетной сфере.....57
Дядик Н.В., Томилина Н.С. Проблемы
бюджетно-налоговой системы:
институциональная настройка.....61

Крапивин Д.С. Некоторые проблемы нормативно-правового регулирования инвестиционной деятельности компаний с государственным участием	68
Емельянова Е.Е. Инвестиционная политика северных территорий на федеральном, региональном и муниципальном уровнях власти.....	71
Кобылинская Г.В. Роль банковского сектора в кредитовании северных регионов	78
Чапаргина А.Н. Доходы и сбережения населения северных регионов.....	86

5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Марецкая В.Н., Тополева Н.О. Состояние и тенденции развития агропромышленного комплекса Мурманской области.....	92
Новосельцева В.Д., Николаева О.А. Устойчивое развитие экспортно-импортных производств минерально-сырьевого комплекса России: проблемы, перспективы.....	97
Симоненков В.П. Проблемы реализации инновационной стратегии в агропромышленном комплексе Европейского Севера.....	102
Симоненков В.П., Омелай А.Ю. Концепция реализации инноваций в агропромышленном комплексе Европейского Севера.....	107
Туинова С.С. Миграция и аккумуляция углеводородов при добыче со дна морей.....	113
Харитонов Г.Н. Государственное управление охраной окружающей среды в северных субъектах Федерации: время перелома тенденций	118
Иванова Л.В. Современное состояние лицензирования недропользования в Российской Федерации.....	124

1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

ТРАКТОВКИ СЕВЕРОВЕДЕНИЯ КАК ОСОБОГО НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Т.П. Скуфьина

доктор экономических наук, зав. отделом

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Североведение рассматривается как особое направление научных исследований. Приводятся трактовки термина «североведение», раскрывающие многообразие предмета исследования. Представлены определения, характерные для североведения, понятия и особенности проблематики исследований Севера. Рассмотрена история североведения в СССР, современной России, зарубежных странах.

Ключевые слова: североведение, история развития, направления научных исследований

INTERPRETATIONS OF NORTHERN STUDIES AS AN ESPECIAL RESEARCH DIRECTION

T.P. Skuffina

Doctor of Sciences (Economics), head of department

Luzin Institute for Economic Sciences, KSC of RAS

Abstract: The work considers North studies as a specific research direction. Interpretations of the term revealing the diversity of the research subject are given. The definitions typical for North studies, and concepts and specificities of the problem are presented. History of North studies in the USSR, contemporary Russia, and foreign countries is examined.

Keywords: North studies, development history, research directions

Одним из направлений регионоведения является североведение. В настоящее время трактовка термина «североведение» не только достаточно широка, но и многообразна. В связи с этим представляет определенный интерес рассмотрение специфики этих определений. Одновременно с основными трактовками представлены определения, характерные для североведения, понятия и особенности проблематики Севера.

Гуманитарный энциклопедический словарь определяет североведение как «условное наименование нескольких гуманитарных отраслей знаний, предполагающих изучение языков, этнографии, фольклора, истории, археологии народов Севера» [1].

В этом определении специфика североведения заключается в рассмотрении именно северных народов с приоритетом этнографического аспекта. Признавая значимость изучения этого аспекта Севера, мы, тем не менее, не можем согласиться с такой трактовкой, сужающей сложившийся объект исследования североведения. Однако, учитывая значимость современной трактовки понятия «народы Севера» для целей исследования и практики регулирования развития северных территорий, сразу определимся с этим понятием.

В понятие «народы Севера» включены народы, проживающие на арктическом побережье Европейского Севера, Сибири и Чукотки; коренное население нижнего и среднего течения Оби, Енисея и более южных регионов (Амур); малочисленные народности и племена, говорящие на палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских и самодийских языках; народности, говорящие на финно-угорских языках – саамы, ханты, манси, а также тюркская народность – долганы.

В таблице 1 приведен перечень коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации согласно Постановлению Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов РФ» (в ред. Постановления Правительства РФ от 30.09.2000 № 740; утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255).

* Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., № 2012-1.2.1-12-000-3002-007 по теме "Формирование стратегических приоритетов развития Российской Арктики".

Единый перечень коренных малочисленных народов Севера России

Коренные малочисленные народы	Субъекты РФ, на территориях которых проживают коренные малочисленные народы Севера РФ*
Алеуты	Районы Камчатской области, Корякский автономный округ
Алutorцы	Корякский автономный округ
Долганы	Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, районы Красноярского края, Республика Саха (Якутия)
Ительмены	Корякский автономный округ, районы Камчатской области, Магаданская область
Камчадалы	Районы Камчатской области, Корякский автономный округ
Кереки	Чукотский автономный округ
Кеты	Красноярский край
Коряки	Корякский автономный округ, районы Камчатской области, Чукотский автономный округ, Магаданская область
Кумандинцы	Алтайский край, Республика Алтай, Кемеровская область
Манси	Ханты-Мансийский автономный округ, районы Тюменской области, Свердловская область, Республика Коми
Нанайцы	Хабаровский край, Приморский край, Сахалинская область
Нганасаны	Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, районы Красноярского края
Негидальцы	Хабаровский край
Ненцы	Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ, районы Архангельской области, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Коми
Нивхи	Хабаровский край, Сахалинская область
Ороки (ульта)	Сахалинская область
Орочи	Хабаровский край
Саамы, Лопари	Мурманская область
Селькупы	Ямало-Ненецкий автономный округ, районы Тюменской области, Томская область, Красноярский край
Сойоты	Республика Бурятия
Теленгиты	Республика Алтай
Телеуты	Кемеровская область
Тофалары	Иркутская область
Тубалары	Республика Алтай
Тувинцы - тоджинцы	Республика Тыва
Удэгейцы	Приморский край, Хабаровский край
Ульчи	Хабаровский край
Ханты	Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, районы Тюменской области, Томская область, Республика Коми
Челканцы	Республика Алтай
Чуванцы	Чукотский автономный округ, Магаданская область
Чукчи	Чукотский автономный округ, Корякский автономный округ
Чулымцы	Томская область, Красноярский край
Шорцы	Кемеровская область, Республика Хакасия, Республика Алтай
Эвенки	Республика Саха (Якутия), Эвенкийский автономный округ, районы Красноярского края, Хабаровский край, Амурская область, Сахалинская область, Республика Бурятия, Иркутская область, Читинская область, Томская область, Тюменская область
Эвены	Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Корякский автономный округ, районы Камчатской области
Энцы	Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ
Эскимосы	Чукотский автономный округ, Корякский автономный округ
Юагиры	Республика Саха (Якутия), Магаданская область

*Наименования субъектов РФ приведены построчно, в порядке убывания численности каждого народа, проживающего на соответствующих территориях.

В отличие от представленного выше узкого этнографического понимания, термин «североведение» более традиционно воспринимается как целый комплекс «природоведческих и общественных наук, изучающих планетарный Север как единый природный и историко-географический район, расположенный к северу от 65-62⁰ с.ш.» [2].

Обычно в североведении выделяют Российский (ранее советский Север; Мурманский, Русский, или Поморский, Архангельский, Печорский, Сибирский Север, Чукотка) и зарубежный Север (Аляска, Канадский Север, Гренландия, Исландия, Свальбард, шведская, норвежская и финская Лапландия, иначе говоря, так называемый, Скандинавский Север).

В досоветский и советский периоды именно России принадлежало первенство в изучении и освоении Севера. На наш взгляд, это связано с целым комплексом как взаимосвязанных, так и «отдельномоментных» причин. Перечислим некоторые из них.

Во-первых, Россия – это исторически северная страна с огромной территорией, расположенной в суровых климатических условиях. В связи с этим закономерен и соответствующий интерес, как политический, так и научный.

Во-вторых, природные богатства Севера инициировали не только огромные экономические интересы, но и масштабные технические процессы освоения Севера.

В-третьих, уникальная возможность концентрации огромных ресурсов для достижения крупномасштабных задач не просто освоения, а именно, как говорят уже современные североведы, «обживания» Российского Севера в советский период.

Среди работ, в которых емко концентрируется история становления и развития североведения, как отечественного, так и зарубежного, выгодно выделяется краткостью, но одновременно и комплексностью предоставления информации «Советская историческая энциклопедия» [2].

Научный термин, означающий как изучение планетарного Севера (широкий смысл), так и краеведение отдельных участков советского и зарубежного Севера (узкий смысл), появился с середины 1920-х гг. До этого периода, несмотря на многочисленные попытки проникновения на Север и в Арктику, эти территории оставались малоизученными. Именно в период СССР исследованию и практическому освоению Севера и Арктики было придано значение государственной важности.

Изучение специфики северных исследований позволяет представить историю североведения в СССР и в постсоветской России в виде следующих этапов.

1-й этап (середина 1920-х – конец 1930-х гг.) условно назовем «комплексный». Советские исследования в области североведения отличались комплексным, междисциплинарным характером, как по природно-экономическим, так и по историко-этнографическим направлениям (работы А.И.Андреева, А.А.Евдокимова, А.А.Жилинского, С.Ф.Платонова, В.А.Радус-Зеньковича, Г.Ф.Чиркина и др.). Среди видных первых советских специалистов по Северу были и крупные деятели коммунистической партии: А.А.Евдокимов, В.А.Радус-Зенькович, О.Ю.Шмидт, Н.Н.Баранский, П.Т.Смидович.

2-й этап (начало 1940-х – середина 1970-х гг.) условно назовем «технократический» этап. К началу 1940-х гг. североведение разделяется на отдельные природоведческие и гуманитарные дисциплины, связанные с изучением производительных сил Советского Севера. Термин «североведение» практически исчезает из научного оборота. Но с конца 1940-х гг. термин «североведение» вновь возникает. Под ним понимается комплекс наук, изучающих проблемы, связанные с техническим освоением Севера.

В связи с усилением геополитического значения Севера и Арктики начинается изучение экономических процессов зарубежного Севера (ведется в основном Комиссией по проблемам Севера (с 1962 г. при Госплане СССР), а также Институтом Арктики и Антарктики).

В области североведения, включая область истории североведения, истории освоения Севера, следует отметить таких видных исследователей, как В.Ю.Визе, Н.Н.Зубов, А.В.Ефимов, М.И.Белов, С.В.Славин, М.Б.Черненко, Д.М.Пинхенсон и др., а в области изучения зарубежного Севера – Г.А.Агранат.

К научным изданиям, объединяющим результаты научных работ в области советского североведения, относится неперiodический сборник «Летопись Севера» (первый выпуск в 1949 г.), журнал «Проблемы Арктики и Антарктики».

3-й этап (с середины 1970-х гг. по 1991 г.) – период практической работы по обживанию Российского Севера и Арктики. Следует отметить масштабные комплексные исследования Арктики и Антарктики в области океанографии, физики льда, океана и вод суши, метеорологии, взаимодействия океана и атмосферы, геофизики, морского ледоведения, гляциологии, полярной географии,

гидрохимии, гидрологии устьев рек, водных ресурсов, экологии, взаимодействия корпуса судна и других инженерных сооружений со льдом, полярной медицины. Систематичность и комплексность исследований по Северному морскому пути (СМП) и Антарктике связана с созданием новых ледоколов типа «Арктика», позволивших выполнять круглогодичную навигацию по СМП. Одним из первых рейсов «Арктики» стал поход на Северный полюс в 1977 г., когда на судне отправились три группы исследователей во главе с полярником И.П.Романовым.

4-й, современный этап (с 1992 г. – по настоящее время) можно назвать «постсоветским» этапом. Этот период можно условно подразделить на два «подэтапа».

1-й «подэтап» (1991-2000 гг.) – общее свертывание активности в связи с двумя особенностями. Первая из них связана с развалом СССР, соответствующим сокращением ресурсных возможностей не только по углублению изучения, но и присутствия в зоне Севера и Арктики. В североведении стало углубляться природоведческое и общественно-политическое направление. Существенные усилия общественно-политического направления североведения были направлены на изучение исторической географии, истории географических открытий и исследований на Севере, а также экономико-географического анализа зарубежного Севера и опыта его освоения.

2-й «подэтап» (с 2000 г. по настоящее время) – восстановление научного интереса к экономико-социальным процессам на Севере.

В этих научных исследованиях усиливается внимание к теретико-методологическим основаниям развития Арктики, аргументирующим недостаточность современной политики и предлагающим возможные варианты устойчивого развития северных территорий. Анализ имеющейся литературы указывает, что особенное значение приобретают вопросы формирования политики по отношению к северо-арктическим территориям России [3, 4, 5]; управления регионами и муниципальными образованиями с учетом северной специфики [6, 7, 8]; демографические процессы [9]; диагностика проблем и перспектив развития [10, 11].

Что касается зарубежных исследований, то там термин «североведение» заменяется аналогами – терминами «полярное исследование» (*polarforschung* – немецкий, *polarforskning* – норвежский), «арктиковедение» (*arctic research* – английский). Как отмечалось большинством исследователей по североведению советского периода, мнение которых находит отражение и в соответствующих публикациях: «В период СССР общественные дисциплины в зарубежном североведении представлены сравнительно слабо. Североведением занимаются главным образом, в странах, обладающих полярными территориями, - скандинавских странах, Канаде, США, а также во Франции, Англии, ФРГ. Американско-канадское североведение, одним из основоположников которого в начале XX в. был В.Стефансон, ... ориентировано на изучение Севера под углом зрения возможности его использования в военных целях. Историей североведения в США, главным образом историей американских полярных исследований, в 1945-1967 гг. занимались Дж.Э.Касуэлл, Л.П.Кируэн, К.Андрус и др. К середине 1960-х гг. проблемами североведения и изучением Арктики в США занято свыше 50 научных учреждений, в Канаде – 17. Гуманитарное направление в североведении наиболее развивается в американско-канадском Арктическом институте Северной Америки в Монреале (*Arctic Institute of North America*), основанном в 1945 г., (филиалы в Нью-Йорке и Оттаве), издает журнал «*Arctic*» (с 1949 г.), а также в Университете Мак-Гилла (*McGill University*), основанном в 1821 г., Монреаль); Университете Аляски (*University of Alaska*) основанном в 1915 г., Фэрбенкс); Дартмутском колледже (*Dartmouth College*), основанном в 1769 г, Хановер (США, штат Нью-Хемпшир). В Европе североведением занимаются: «Центр по изучению Арктики и Фенно-Скандии» при Сорбонне (*Centre d'Etudes Arctiques et Fenno-Scandinaves* – отделение при *Ecole Pratique des Hautes Etudes*), основано в 1868 г, Париж); английский Институт полярных исследований им. Скотта (*Scott Polar Research Institute*), основанный в 1921 г, Кембридж, издает журнал «*The Polar Record*», с 1931 г.); Рабочая группа по изучению полярных районов (*Arbeitsgruppe Archiv für Polarforschung*), основана в конце 1950-х гг., Киль, издает журнал «*Polarforschung*» (с конца 1950-х гг.). В Скандинавских странах североведение направлено главным образом на изучение Скандинавского Севера. Оно сосредоточено в высших учебных заведениях и в научных учреждениях Осло, Бергена, Копенгагена, Лулео, Стокгольма, Рейкьявика» [2].

Современная специфика зарубежных исследований описывается в значительном количестве научных публикаций*. Один из основных выводов по результатам анализа – ориентация зарубежных

*См., напр.: Скуфьина Т.П. Российская Арктика: фундаментальные проблемы социально-экономического развития и позиции исследований // Фундаментальные исследования. 2012. № 11 (Ч. 3). С.790-794.

исследований на достижение социально значимых целей общественного развития северных и арктических территорий при приоритете практической составляющей в работах.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. В настоящее время термин «североведение» широко применяется при исследовании широкого класса явлений в природе и обществе Севера и Арктики. Не наблюдается кардинального изменения понимания этого термина (от его возникновения до настоящего времени). Однако происходят существенные изменения в специфике отражения проблем Севера в зависимости от политико-экономических целей и ресурсов общественного развития.

Литература

1. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>
2. Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия / под ред. Е.М.Жукова. 1973-1982. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie>
3. Акулов В.Б. Качество институциональной среды и макроэкономическая эффективность: «северная специфика» // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т. 3. № 31. С.4-6.
4. Зерщикова Н.И. Направления государственной политики Российской Федерации в освоении Арктики // Там же. 2011. Т. 2. № 28. С.21-23.
5. Баранов С.В. Теория государственного регулирования о решении задач проблемных территорий // Там же. 2010. Т. 2. № 26. С.3-6.
6. Корчак Е.А. Стратегические цели и направления муниципальной социальной политики в монопрофильных муниципальных образованиях Севера и Арктики Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 47. С.53-56.
7. Серова Н.А. Основные тенденции стратегического управления в городах Российского Севера // Там же. 2012. № 47. С.26-30.
8. Методология стратегического управления экономикой региона / Т.В.Светник, Е.В.Федюкович // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2010. № 4. С.96-102.
9. Самарина В.П. Социально-экономические факторы размещения населения зоны Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2007. № 2. С.150-160.
10. Баранов С.В. Динамика производственных характеристик экономического развития регионов Севера России // Там же. 2010. Т. 1. № 25. С.3-9.
11. Баранов С.В. Комплексные оценки регионов Севера по уровню социально-экономического развития // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С.429-429.

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

Д.С.Крапивин

аспирант, младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Исследуются показатели, влияющие на инвестиционную деятельность крупных корпораций с государственным участием, выявляются проблемы их учета как на этапе принятия, так и на этапе реализации инвестиционных проектов*.

Ключевые слова: государственные корпорации, эффективность капитальных вложений добавленная стоимость, инвестиционные проекты, капиталоемкость продукции

* Статья написана при поддержке гранта Минобрнауки РФ по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры современной России», № 2012-1.2.1-12-000-3002-007.

INDICATORS OF PRODUCTION EFFICIENCY AND USE OF FIXED ASSETS AS A EVALUATION CRITERION OF PERFORMANCE OF ECONOMIC ENTITIES WITH PUBLIC PARTICIPATION

D.S.Krapivin

Post-graduate student, junior researcher

Luzin Institute for Economic Sciences, KSC of RAS

Abstract. The article studies the indicators influencing investment activities of large corporations with state participation, the issues of their taking into consideration both at the stage of adoption and the stage of realization of investment projects are revealed.

Keywords: state corporations, investment efficiency, value added, investment projects, capital intensity of production

Воздействие государства на экономику России на данный момент является довольно ощутимым, поэтому госкорпорации и другие подконтрольные государству хозяйствующие субъекты являются своеобразным индикатором, характеризующим общее положение дел в стране. Данные предприятия вносят достаточно большой вклад в ВРП региона, в котором они осуществляют свою деятельность, а это влияет на общую оценку состояния территориальных систем [1], поэтому определение существующих недостатков, характерных для инвестиционной деятельности этих хозяйствующих субъектов, важно не только для предприятий, но и для любого региона, в котором они осуществляют свою деятельность. Ниже рассмотрена деятельность следующих компаний: ОАО «Газпром» и ОАО «НК «Роснефть» (добыча, переработка, транспортировка нефти и газа); ОАО «ФСК ЕЭС» (электроэнергетика); госкорпорация «Росатом» (атомная энергетика); ОАО «Аэрофлот», ОАО «РЖД», ОАО «Совкомфлот» (пассажирские и грузовые перевозки), ОАО «Связьинвест» (телекоммуникации).

В начале 2000-х гг. в российской экономике начался процесс стабилизации и постепенный подъем во всех сферах хозяйственной жизни. Это явилось одновременно и причиной и следствием роста инвестиций в основной капитал и активизации инвестиционной деятельности в целом [2]. В настоящее время все большую значимость приобретает рост экономической эффективности инвестиций, который в первую очередь необходим для обеспечения конкурентоспособности продукции. Только производство конкурентоспособной (дешевой и качественной) продукции позволяет также наращивать объемы производства, так как на рынках товаров (работ, услуг) чаще всего отсутствует дефицит, сокращается потребление отдельных видов продукции.

Анализ основных средств, проведенный для Мурманской области, свидетельствует об их неудовлетворительном состоянии, но это также характерно и для Российской Федерации в целом [3]. Кроме того следует рассмотреть показатели эффективности производства и использования основных средств, такие как рост добавленной стоимости; рост производительности труда; снижение себестоимости и капиталоемкости продукции; рост фондоотдачи.

Относительно роста добавленной стоимости Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 11 ноября 2009 года; в качестве ключевой задачи определена необходимость проведения программ развития секторов экономики, ориентируясь на повышение доли добавленной стоимости, производимой внутри страны; в Бюджетном послании от 29 июня 2010 года «О бюджетной политике в 2008 - 2013 годах» отмечено, что экономика страны по-прежнему зависима от конъюнктуры сырьевых рынков и пока не созданы условия и стимулы для развития производств, выпускающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости.

Анализ и сопоставление результатов эффективности капитальных вложений в инвестиционные проекты (рост производительности труда и фондоотдачи, снижение капиталоемкости и себестоимости) в настоящее время наиболее объективно отражают показатели, рассчитанные на основе добавленной стоимости.

Однако большинством компаний с государственным участием не организована работа по анализу деятельности на основе показателя добавленной стоимости, в том числе отсутствует методология определения этого показателя.

Одной из компаний, где рассматриваются вопросы эффективности капитальных вложений на основе показателей, рассчитанных по добавленной стоимости, является ОАО «НК «Роснефть». В добавленную стоимость включены: оплата труда; прибыль от продаж; налоги, включаемые в себестоимость; амортизационные отчисления.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос об использовании показателя добавленной стоимости в следующих материалах:

а) макроэкономических расчетах, прилагаемых в качестве обоснований к проектам федеральных бюджетов, в том числе по отраслям;

б) в отчетности, представляемой крупными компаниями с государственным участием в Росимущество;

в) в годовых отчетах крупных компаний с государственным участием.

Что касается производительности труда, фондоотдачи и фондовооруженности Президентом Российской Федерации неоднократно обращалось внимание на необходимость роста производительности труда, в том числе:

– в Бюджетном послании от 25 мая 2009 г. «О бюджетной политике в 2009-2012 годах» в числе задач указано, что формы поддержки реального сектора экономики должны исключать иждивенчество и создавать стимулы для повышения энергоэффективности экономики и производительности труда;

– в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 года отмечено, что необходимо провести независимый аудит корпораций, а также крупных компаний с госучастием, внедрить в каждой из них современные модели управления, а оплату труда руководства этих компаний прямо увязать с показателями снижения издержек, повышения энергоэффективности и, естественно, производительности труда, результатами внедрения технологий и инноваций;

– в Бюджетном послании от 29 июня 2010 г. «О бюджетной политике в 2010-2013 годах» обращено внимание, что пока не созданы достаточные условия и стимулы для внедрения и развития современных технологий, повышения энергетической и экологической эффективности экономики и производительности труда.

Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 г., утвержденными распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663-р, предусматриваются темпы роста производительности труда по отношению к уровню 2008 г. – 103% .

В финансовой отчетности, подготовленной согласно международным стандартам финансовой отчетности, должны содержаться системные сведения, в том числе данные о влиянии различных факторов, включая производительность труда, на прирост собственного капитала [4-6]. С ростом фондовооруженности должна расти и производительность труда. Однако установить количественную зависимость между ростом фондовооруженности и производительности труда весьма сложно – полной зависимости между ними не существует, так как на производительность труда оказывают воздействие и другие факторы. Несомненно одно: рост фондовооруженности сопровождается ростом производительности труда [7].

Однако по большинству компаний не представляется возможным проанализировать рост производительности труда (как производную величину от роста фондовооруженности и фондоотдачи), так как необходимые расчеты не выполняются.

Работы по снижению себестоимости в крупных компаниях во многом связаны со снижением эксплуатационных затрат. Не уделяется достаточно внимания вопросам снижения капиталоемкости продукции, а также анализу затрат на производство 1 рубля товарной продукции.

Постановлением Госкомстата Российской Федерации от 16 июля 1999 г. № 60 «Об утверждении статистического инструментария по определению эффективности инвестиций в основной капитал по проектам-победителям конкурса, имеющим государственную поддержку» в составе 12 показателей эффективности и окупаемости инвестиционного проекта предусмотрен показатель капиталоемкости продукции, который характеризует уровень инвестиционных затрат на создание единицы продукции и рассчитывается как отношение объема инвестиций в основной капитал к стоимости годового объема продукции.

Крупные компании при рассмотрении инвестиционных проектов, реализуемых за счет собственных средств, не учитывают капиталоемкость продукции. Также отсутствует использование этого показателя и компаниями, использующими государственные средства, хотя в генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2020 г.* и в федеральных целевых программах «Модернизация транспортной системы России (2002-2010 гг.)**», «Модернизация Единой системы

* Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2008 г. № 215-р.

** Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июля 2007 г. № 437 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Модернизация транспортной системы России (2002-2010 гг.)».

организации воздушного движения Российской Федерации (2009-2015 гг.)»^{*} отмечается влияние высокой капиталоемкости инвестиционных проектов, а также необходимость создания дополнительных гарантий для инвестора и снижения капиталоемкости.

В глобальной экономике «... чрезмерное наращивание темпов прироста капиталоемкости ВВП неминуемо ведет к резкому замедлению ее темпов прироста, а нередко и к сокращению данного показателя. Выделение пороговых значений капиталоемкости ВВП, вслед за которыми следует падение рынка, делает возможным получение сигнала о приближении кризисной ситуации на фондовом рынке» [8]. Поэтому в крупных компаниях целесообразно проанализировать капиталоемкость не только товарной (валовой, реализуемой) продукции, но также и добавленной стоимости, которая во многом является аналогом ВВП.

Следует отметить, что только в ОАО «НК «Роснефть» организован учет, позволяющий определить капиталоемкость добавленной стоимости. Капиталоемкость 1 рубля добавленной стоимости (ВВП), производимого ОАО «Роснефть», с 2007 г. увеличилась в 2 раза, то есть инвестиционная цена роста ОАО «НК «Роснефть» увеличилась в 2 раза. Пока цена на нефть росла – эта негативная динамика была скрыта.

Реализация ОАО «НК «Роснефть» Постановления Правительства Российской Федерации от 24 февраля 2009 г. № 165 «О внесении изменений в классификацию основных средств, включаемых в амортизационные группы» позволила компании увеличить источники финансирования капитальных вложений. Однако это не должно приводить к увеличению доли амортизации в добавленной стоимости.

Структура себестоимости показывает, что в отдельных компаниях увеличивается доля амортизационных отчислений в структуре себестоимости продукции (работ, услуг). Так, в себестоимости услуг ОАО «ФСК ЕЭС» удельный вес затрат на амортизацию увеличился с 34.6 (2008 г.) до 35.2% (2009 г.). В себестоимости продукции ОАО «Газпром» доля амортизационных отчислений увеличилась с 20.1 (6 месяцев 2009 г.) до 28.7% (6 месяцев 2009 г.) [9].

Представляется, что рост капиталоемкости продукции характерен также и для других компаний и экономики Российской Федерации в целом. Повышение инвестиционной цены роста приводит к снижению доходов федерального бюджета, росту банковских ставок, снижению интереса банков к кредитованию инвестиционных проектов, снижению инвестиционной привлекательности компаний и снижению стоимости их акций и, в некоторой мере, к росту инфляции.

Также следует обратить внимание на сравнение запланированных и достигнутых значений результатов инвестиционной деятельности.

Из числа экономических показателей, рекомендованных Госкомстатом (срок окупаемости; бюджетный эффект; чистый доход; капиталоемкость продукции; норма прибыли), никогда не рассматривается капиталоемкость.

Другие показатели учитываются при рассмотрении инвестиционных проектов, однако их значения в качестве заданий (ориентиров, индикаторов) в каких-либо материалах не устанавливаются (ОАО «Газпром», ОАО «ФСК ЕЭС», ОАО «Аэрофлот», ОАО «Совкомфлот», ОАО «Связьинвест») [9].

Так, в ОАО «ФСК ЕЭС» при формировании инвестиционных программ в анализируемом периоде технико-экономическое обоснование (ТЭО) включения в них инвестиционных проектов не осуществлялось. Более того, необходимость разработки ТЭО для включения объектов в инвестиционные программы не предусмотрено действующими нормативными документами, в связи с чем оценить экономическую целесообразность строительства объекта на стадии включения его в инвестпрограмму не представляется возможным.

В ОАО «РЖД» учитывается только срок окупаемости.

В отдельных компаниях эти показатели рассматриваются, устанавливаются их значения (Госкорпорация «Росатом», ОАО «НК «Роснефть») однако контроль их достижения осуществляется недостаточно.

Не принимаются во внимание показатели, характеризующие состояние и использование основных средств (износ; коэффициенты выбытия и обновления; загрузка мощностей; фондоотдача; фондовооруженность; рост производительности труда; снижение затрат и себестоимости).

^{*} Постановление Правительства Российской Федерации от 1 сентября 2008 г. № 652 «Об утверждении федеральной целевой программы «Модернизация Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (2009-2015 гг.)».

Имеются отдельные факты отсутствия промышленной эксплуатации созданных объектов, например, среди инвестиционных объектов ОАО «Газпром», в 2008-2009 гг. имелся ряд введенных и законсервированных объектов, в частности, на Бованенском месторождении.

Не достигаются отдельные производственные показатели и показатели экономической эффективности, учтенные при рассмотрении инвестиционных проектов ОАО «НК «Роснефть», в том числе нарушаются сроки реализации отдельных инвестиционных проектов и освоения месторождений [9].

Литература

1. Селин В.С. Оценка состояния экономики территориальных систем Севера РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 2. С.32-35.
2. Чапаргина А.Н. Инвестиции как фактор развития экономики региона // Там же. 2011. № 1. С.77-83.
3. Крапивин Д.С. Роль государственных инвестиций в обновлении основных фондов в реальном секторе экономики регионов (на примере Мурманской области) // Там же. 2010. № 2. С.130-136.
4. Соснаускене О.И. Как перевести российскую отчетность в международный стандарт: система «Гарант». 2008.
5. Синк Д.С. Управление производительностью. М.: Прогресс. 1989.
6. Генкин Б.М. Экономика и социология труда, 8-е изд. М.: Норма. 2009.
7. Синавина В.С. Оценка эффективности и достоверности хозяйственной деятельности, М.Экономика, 1991.
8. Макроэкономический анализ фондового рынка в исследовании причин мирового финансового кризиса / И.А.Николаев, Т.Е.Марченко // Финансовые и бухгалтерские консультации», 2008. № 11, нояб.
9. Счетная палата Российской Федерации. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Подготовка аналитической записки по аудиту эффективности мер по снижению затрат при реализации инвестиционных программ хозяйствующих субъектов с государственным участием», 2011 г. Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/ru/revision/analitic/?id=905>

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Е.А.Вербиненко

кандидат экономических наук, доцент, зав. отделом
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Р.В.Бадылевич

кандидат экономических наук, доцент
Филиал ФГБОУ ВПО СПбГИЭУ, г.Апатиты

Аннотация. Рассматривается содержание экономической категории «финансовый потенциал региона», приводится авторская методика количественной оценки данной категории, раскрываются основные направления повышения эффективности использования регионального финансового потенциала.

Ключевые слова: регион, финансовый потенциал региона, бюджетно-налоговый потенциал, потенциал хозяйствующих субъектов, потенциал домохозяйств, потенциал финансово-кредитной сферы, объем финансового потенциала и уровень финансового потенциала

ESTIMATION OF FINANCIAL POTENTIAL OF THE MURMANSK REGION AND DIRECTIONS OF INCREASING EFFICIENCY OF ITS USE

E.A. Verbinenko

PhD (Economics), head of department
Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

R.V. Badylevich

PhD (Docent)
Apatity Branch of St. Petersburg Economic University

Abstract. The article considers the contents of the economic category “financial potential of the region”, describes the authors’ methodology of quantitative estimations of the category, discloses the main directions of increasing efficiency of using the regional financial potential.

Keywords: region, financial potential of the region, budget-tax potential, potential of economic entities, potential of households, potential of the financial sphere, financial potential capacity and level

Особую значимость в комплексной оценке экономического потенциала региона играет финансовый потенциал. Оценка финансового потенциала необходима для построения эффективной системы межбюджетных отношений в Российской Федерации [1].

Изучение известных и опубликованных в тематической литературе трактовок понятия «финансовый потенциал» позволяет выделить три основных подхода к его определению: структурный, ресурсный, результативный (см. подробнее [2]).

На основании изучения различных подходов к пониманию категории «финансовый потенциал», а также его роли в системе региональных показателей нами предлагается следующее понимание данного термина.

В узком смысле «финансовый потенциал региона» можно трактовать как совокупность финансовых ресурсов, располагаемых регионом и способствующих эффективному функционированию его финансового механизма и развитию региональной финансовой системы.

В более широком значении под финансовым потенциалом региона можно понимать предпосылки к региональному экономическому развитию за счет формирования, привлечения и использования финансовых ресурсов в различных секторах регионального хозяйства.

Структурно финансовый потенциал состоит из налогово-бюджетного потенциала, финансового потенциала населения, финансового потенциала коммерческих и некоммерческих организаций, зарегистрированных на территории региона, и потенциала кредитно-финансовой системы региона с учетом внешних инвестиций и кредитных ресурсов.

Рассмотрим содержание расчетного механизма финансового потенциала.

Для характеристики финансового потенциала предлагается использовать показатели: объем финансового потенциала и Уровень финансового потенциала. Они могут быть рассчитаны на основании приведенных формул.

При оценке финансового потенциала следует выделять совокупность следующих блоков:

- бюджетно-налоговый потенциал (Пб-н);
- потенциал хозяйствующих субъектов (Пхс);
- потенциал домохозяйств (Пдх);
- потенциал финансово-кредитной сферы (Пф-к).

Финансовый потенциал в абсолютном выражении может быть определен по формуле:

$$\text{Пфин} = \text{Пб-н} + \text{Пдх} + \text{Пхс} + \text{Пф-к}. \quad (1)$$

Уровень финансового потенциала в относительном выражении может быть определен по формуле:

$$\text{Пфин} = \sqrt[4]{(\text{Кинтегр}(\text{Пб-н}) \cdot \text{Кинтегр}(\text{Пдх}) \cdot \text{Кинтегр}(\text{Пхс}) \cdot \text{Кинтегр}(\text{Пф-к}))}. \quad (2)$$

Соответственно для оценки совокупного финансового потенциала необходимо определить вышеуказанные показатели по каждому структурному элементу.

Методика расчета показателей по каждому указанному блоку представлена в табл.1.

Так, расчет бюджетно-налогового потенциала основан на таких показателях, как общий объем бюджетных доходов и расходов региона, сумма собственных доходов, величина трансфертов.

Расчет потенциала домохозяйств основан на таких показателях, как доходы физических лиц, проживающих на территории региона, доля сбережений и потребления в структуре доходов, а также величина прожиточного минимума в регионе.

Расчет потенциала хозяйствующих субъектов основан на таких показателях, как сальдированный финансовый результат хозяйствующих субъектов, объем амортизационных отчислений, рентабельность хозяйствующих субъектов региона, доля неубыточных предприятий. Расчет потенциала финансово-кредитной сферы основан на определении инвестиционных возможностей экономических субъектов региона, уровне развития финансовой инфраструктуры, а также основных показателях банковской системы.

Методика расчета показателей по четырем блокам финансового потенциала региона

<p>Бюджетно-налоговый потенциал региона (Пб-н)</p> <p>В абсолютном выражении :</p> $\text{Пб-н} = \text{НП} + \text{ННП} + \text{ТР} - \text{РО},$ <p>где</p> <ul style="list-style-type: none"> • НП – налоговые источники, формируемые регионом; • ННП – неналоговые источники, привлекаемые регионом; • ТР – межбюджетные трансферты; • РО – расходные обязательства. <p>В относительном выражении:</p> $\text{Кинтегр (Пб-н)} = \sqrt[4]{\sum K_i},$ <p>где</p> <ul style="list-style-type: none"> • K_i – индивидуальные показатели, характеризующие бюджетно-налоговый потенциал – K_1, K_2, K_3 и K_4. • K_1 – коэффициент покрытия расходов (K_1) • K_2 – коэффициент концентрации собственных доходов (K_2) • K_3 – коэффициент обеспеченности населения собственными бюджетными доходами (K_3) • K_4 – коэффициент отношения доходов к величине межбюджетных трансфертов 	<p>Потенциал домашних хозяйств (Пдх)</p> <p>В абсолютном выражении:</p> $\text{Пдх} = \text{ДОХ} - \text{РП},$ <p>где</p> <ul style="list-style-type: none"> • ДОХ – общие денежные доходы домохозяйств; • РП – расходы на потребление домашних хозяйств; <p>В относительном выражении:</p> $\text{Кинтегр (Пдх)} = \sqrt[4]{\sum K_i},$ <p>где</p> <ul style="list-style-type: none"> • K_i – индивидуальные показатели, характеризующие потенциал домохозяйств – K_1, K_2, K_3 и K_4. • K_1 – коэффициент, характеризующий отношение прироста финансовых активов населения к общим доходам (K_1) • K_2 – коэффициент, характеризующий отношение доходов домашних хозяйств к общему объему расходов (K_2) • K_3 – коэффициент характеризующий отношение среднедушевого доходов в регионе к уровню прожиточного минимума (K_3) • K_4 – доля населения с денежными доходами выше величины прожиточного минимума (K_4)
<p>Потенциал хозяйствующих субъектов (Пхс)</p> <p>В абсолютном выражении:</p> $\text{Пхс} = \text{Пр} + \text{Ис},$ <p>где</p> <ul style="list-style-type: none"> • Пр – прибыль хозяйствующих субъектов региона; • Ис – инвестиции в основные средства за счет собственных ресурсов хозяйствующих субъектов региона; <p>В относительном выражении:</p> $\text{Кинтегр (Пхс)} = \sqrt[4]{\sum K_i},$ <p>где</p> <ul style="list-style-type: none"> • K_i – индивидуальные показатели, характеризующие потенциал хозяйствующих субъектов – K_1, K_2, K_3 и K_4. • K_1 – коэффициент, характеризующий отношение сальдированного финансового результата хозяйствующих субъектов к валовому региональному продукту (K_1) • K_2 – коэффициент, характеризующий затраты на рубль продукции, работ услуг (K_2) • K_3 – коэффициент, характеризующий среднюю рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг хозяйствующих субъектов (K_3) • K_4 – коэффициент, характеризующий долю неубыточных хозяйствующих субъектов (K_4) 	<p>Потенциал финансово-кредитной сферы (Пф-к)</p> <p>В абсолютном выражении:</p> $\text{Пф-к} = \text{ОИВ} - \text{ИВвн} - \text{ИВбс},$ <p>где</p> <ul style="list-style-type: none"> • ОИВ – общий объем инвестиций в регионе; • ИВвн – инвестиционные вложения за счет внутренних источников хозяйствующих субъектов; • ИВбс – инвестиционные вложения за счет бюджетных средств; <p>В относительном выражении:</p> $\text{Кинтегр (Пф-к)} = \sqrt[4]{\sum K_i},$ <p>где</p> <ul style="list-style-type: none"> • K_i – индивидуальные показатели, характеризующие потенциал финансово-кредитной сферы – K_1, K_2, K_3 и K_4. • K_1 – коэффициент, характеризующий долю привлеченных источников (за исключением средств бюджетов) в структуре инвестиций (K_1) • K_2 – коэффициент, характеризующий уровень задолженности юридических лиц по кредитам (K_2) • K_3 – коэффициент, характеризующий объем вкладов в кредитные организации региона (K_3) • K_4 – коэффициент, характеризующий количество кредитных институтов в расчете на один хозяйствующий субъект в регионе (K_4)

Для проведения объективной оценки финансового потенциала и эффективной интерпретации полученных результатов необходимо учитывать следующие условия:

- систематизация сбора и обобщения показателей по каждому выделенному в структуре финансового потенциала региона блоку,
- проведение дополнительного факторного анализа по структурным блокам, позволяющего выявить влияние изменения отдельных элементов на динамику финансового потенциала,
- корректное сопоставление показателей финансового потенциала между регионами в условиях незначительных отличий при подсчете значений элементов системы оценки в отдельных субъектах РФ.

Проведем расчет финансового потенциала Мурманской области.

Исходные данные для расчетов взяты из официальной статистики [3] и представлены в табл.2.

Данные для расчета финансового потенциала региона

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.
По консолидированному бюджету Мурманской области			
Налоговые источники, формируемые регионом, млн руб.	31121	30996	38920
Неналоговые источники, привлекаемые регионом, млн руб.	1622	1433	1511
Межбюджетные трансферты, млн руб.	13357	13070	10533
Общая сумма доходов, млн руб.	47091	46315	52048
Расходные обязательства, млн руб.	47392	48878	49609
Население, тыс. чел.	850.93	842.45	836.67
Сальдированный финансовый результат, млн руб.	36059.7	35391.3	43165.9
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, %	19.9	9.2	17.3
Число убыточных организаций, шт.	686	625	619
Затраты на один рубль продукции, коп.	82.2	91.6	82.9
Общее количество организаций, шт.	23234	24494	22953
Валовой региональный продукт, в млн руб.	213733.5	201785.4	234649.2
Инвестиции в основной капитал организаций за счет собственных средств, млн руб.	17687.0	16678.7	11330.3
Общие доходы домохозяйств, млн руб.	190741.5	215110.3	232513.1
Расходы на конечное потребление домашних хозяйств, млн руб.	150962.6	165618.2	180392.4
Прирост финансовых активов населения, млн руб.	38100.8	47291.1	49865.2
Среднедушевой уровень доходов, руб.	18773.2	21351.4	24273.6
Прожиточный минимум в регионе, тыс. руб.	6290.8	8533.0	10287.4
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в% от общей численности населения	14.7	14.4	13.0
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	46843.6	41722.5	35039.7
Инвестиционные вложения в основной капитал за счет собственных источников хозяйствующих субъектов, млн руб.	17687.0	16678.7	11330.3
Инвестиционные вложения в основной капитал за счет бюджетных средств, млн руб.	7618.0	7304.1	5550.4
Долгосрочные финансовые инвестиции, млн руб.	6492.1	15219.0	51668.3
Краткосрочные финансовые инвестиции, млн руб.	82055.3	59871.2	52127.9
Долгосрочные финансовые инвестиции за счет собственных источников хозяйствующих субъектов, млн руб.	6233.4	14429.0	11705.7
Долгосрочные фин. инвестиции за счет бюджетных средств, млн руб.	24.0	0	0
Краткосрочные финансовые инвестиции за счет собственных источников хозяйствующих субъектов, млн руб.	79461.9	57857.1	34512.8
Краткосрочные фин. инвестиции за счет бюджетных средств, млн руб.	0	0	419.0
Валовой региональный продукт, в млн руб.	213733.5	201785.4	234649.2
Задолженность юридических лиц, по кредитам, выданным кредитными организациями, млн руб.	34651	33023	33300
Сумма вкладов в кредитные организации, млн руб.	41097.8	49137.2	61903
Общее количество кредитных институтов, шт.	30	29	31
Число хозяйствующих субъектов, шт.	23234	24494	22953
По консолидированным бюджетам субъектов РФ (всего)			
Налоговые источники, формируемые регионом, млрд руб.	4366.39	3774.89	4474.65
Неналоговые источники, привлекаемые регионом, млрд руб.	699.76	664.24	663.8
Межбюджетные трансферты, млрд руб.	1132.62	1487.49	1398.89
Общая сумма доходов, млрд руб.	6198.78	5926.62	6537.34
Расходные обязательства, млрд руб.	6253.15	6255.72	6636.90
Население, тыс. чел.	142008.8	141904.0	141914.5
Налоговые источники, формируемые регионом, млрд руб.	4366.39	3774.89	4474.65
Неналоговые источники, привлекаемые регионом, млрд руб.	699.76	664.24	663.8

Значения коэффициентов по основным составляющим финансового потенциала региона были рассчитаны с использованием статистических данных (табл.3).

Расчет финансового потенциала Мурманской области

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.
БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ			
В абсолютном выражении (Пб-н), млн руб.	- 1292	- 3379	1355
Коэффициент покрытия расходов (K_1)	0.691	0.663	0.815
Коэффициент концентрации доходов (K_2)	0.695	0.700	0.777
Коэффициент обеспеченности населения бюджет. доходами (K_3)	1.079	1.231	1.335
Коэффициент отношения доходов к величине трансфертов (K_4)	2.451	2.481	3.839
Интегральный коэффициент бюджетно-налогового потенциала ($K_{интегр(Пб-н)}$)	1.062	1.091	1.342
ПОТЕНЦИАЛ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ			
В абсолютном выражении (Пхс), млн руб.	53746.7	52070.0	54496.2
Коэффициент отношения сальдированного результата к валовому региональному продукту (K_1)	1.169	1.175	1.184
Коэффициент, характеризующий затраты на рубль продукции, работ, услуг (K_2)	1.178	1.084	1.171
Коэффициент, характеризующий среднюю рентабельность проданной продукции, работ, услуг (K_3)	1.199	1.092	1.173
Коэффициент, характеризующий долю неубыточных хозяйствующих субъектов (K_4)	0.970	0.974	0.973
Интегральный коэффициент потенциала хозяйствующих субъектов ($K_{интегр(Пхс)}$)	1.125	1.079	1.122
ПОТЕНЦИАЛ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ			
В абсолютном выражении (Пдх), млн руб.	39778.9	49492.1	52120.7
Коэффициент, характеризующий отношение прироста финансовых активов населения к общим доходам (K_1)	1.200	1.220	1.214
Коэффициент, характеризующий отношение доходов населения к общему объему расходов (K_2)	1.264	1.299	1.289
Коэффициент, характеризующий отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму (K_3)	1.166	1.600	1.576
Доля населения с денежными доходами выше величины прожиточного минимума (K_4)	0.853	0.856	0.870
Интегральный коэффициент потенциала домашних хозяйств ($K_{интегр(Пдх)}$)	1.211	1.214	1.210
ПОТЕНЦИАЛ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СФЕРЫ			
В абсолютном выражении (Пф-к), млн руб.	39778.9	20543.8	75317.7
Коэффициент оценки доли привлеченных источников (за исключением средств бюджетов) в структуре инвестиций (K_1)	1.180	1.176	1.542
Коэффициент, характеризующий уровень задолженности юридических лиц по кредитам (K_2)	1.162	1.164	1.142
Коэффициент, характеризующий объем вкладов в кредитные организации региона (K_3)	1.192	1.244	1.264
Коэффициент, характеризующий количество кредитных институтов в расчете на один хозяйствующий субъект (K_4)	1.129	1.118	1.135
Интегральный коэффициент потенциала финансово-кредитной сферы ($K_{интегр(Пф-к)}$)	1.166	1.175	1.261
Совокупный финансовый потенциал региона, млн руб.	132012.5	118726.9	183289.6
Общий интегральный коэффициент финансового потенциала ($K_{интегр}$)	1.140	1.138	1.231

На основании проведенного расчета можно сделать следующие выводы. Финансовый потенциал Мурманской области в 2009 г. снижается по сравнению с 2008 годом. Это снижение обусловлено негативными тенденциями в финансово-экономической сфере региона в связи с кризисными явлениями и, как следствие, уменьшением в данный период расчетных значений по такой составляющей финансового потенциала, как потенциал хозяйствующих субъектов.

В 2010 г. абсолютная и относительная оценка финансового потенциала Мурманской области повышается, прежде всего, за счет улучшения таких составляющих, как бюджетно-налоговый потенциал и потенциал финансово-кредитной сферы, что обусловлено повышением сбалансированности консолидированного бюджета региона, а также активизацией финансирования деятельности хозяйствующих субъектов со стороны кредитных организаций.

Большое значение при оценке финансового потенциала конкретного региона играет определение его используемой и неиспользуемой частей. В качестве неиспользуемого финансового потенциала следует выделять объем ресурсов, не задействованный в финансовом кругообороте региона в настоящий момент, но при этом он может быть вовлечен в региональную хозяйственную систему в будущем. Используемая часть финансового потенциала – это та часть, которая по состоянию на текущий момент реализована и участвует в обслуживании хозяйственных процессов региона.

К сожалению, в связи с недостаточной информационной базой в настоящий момент структурировать финансовый потенциал Мурманской области по критерию «используемый – неиспользуемый» представляется весьма затруднительным.

На возможность вовлечения в хозяйственный оборот региона неиспользуемого в настоящий момент финансового потенциала влияют объективные и субъективные факторы.

К объективным факторам можно отнести уровень развития регионального финансового рынка, сложившуюся структуру хозяйства, наличие в регионе ресурсной базы и т.д.

К субъективным факторам можно отнести целенаправленную деятельность региональных органов власти по формированию благоприятной финансовой среды в регионе, включающей в себя меры инвестиционной, институциональной и инфраструктурной направленности.

На базе проведенной оценки финансового потенциала целесообразно предложить следующие направления повышения эффективности его использования:

1. Обеспечение сбалансированного развития экономики региона. Финансовая и нефинансовая составляющие региональной экономики должны развиваться пропорционально. Формируемые механизмы финансового рынка должны в полной мере обеспечивать потребности в финансовых ресурсах реального сектора региональной экономики.

2. Формирование достаточного уровня инвестиционной активности в регионе как за счет создания условий для привлечения частных инвесторов (национальных и иностранных), так и за счет повышения степени участия органов власти в инвестиционных процессах. В данном аспекте большое значение имеет принятие и реализация региональных инвестиционных программ.

3. Создание условий для вовлечения свободных финансовых ресурсов в хозяйственный оборот. Для этого необходимо прежде всего создать механизмы для вовлечения в систему финансового кругооборота такого ресурса, как денежные средства домашних хозяйств. Среди данных механизмов выделяются самофинансирование и механизмы, привлекающие внешние для предприятий финансовые ресурсы (см. подробнее [4]).

4. Повышение заинтересованности промышленных предприятий, входящих в структуру крупных холдингов, в реализации инфраструктурных и коммерческих проектов непосредственно в регионе, что позволит более полно использовать финансовый потенциал хозяйствующих субъектов.

Оценка финансового потенциала может служить мерой сравнения возможностей формирования финансовых ресурсов регионов, а также основой для разработки направлений развития региональной финансовой сферы.

Необходимость определения финансового потенциала на уровне каждого региона является исходной ступенью в разработке сводных программ и прогнозов развития. От динамики, величины и качества финансового потенциала в значительной степени зависят уровень развития территории, стабильность политической ситуации, условия жизни населения, а также возможность государственного финансового регулирования социально-экономических процессов посредством финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении органов власти региона.

Корректная оценка финансового потенциала, а также вовлечение в региональный финансовый механизм неиспользуемого ранее финансового потенциала позволяет достичь более высоких темпов социально-экономического развития региона и достижения поставленных стратегических целей.

Литература

1. Зенченко С.В. Анализ методов оценки финансового потенциала региона. Режим доступа: http://science.ncstu.ru/artcticles/econom/2008_08/20.pdf/file_download
2. Финансовый потенциал как основа роста региона / Е.А.Вербиненко, Р.В.Бадылевич // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т. 2, № 30. С.58-62.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect>
4. Кобылинская Г.В. Оценка процессов трансформации сбережений в инвестиции в регионах Северо-западного федерального округа // Там же. 2010. Т. 2, № 26. С.125а-130.

2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СЕВЕРНЫХ МУНИЦИПАЛИТЕТАХ РОССИИ*

Н.А.Серова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассматривается опыт стратегического планирования в муниципальных образованиях Севера России, включающий в себя два вопроса: степень полноты стратегических документов (наличие целей, задач, миссии и др.); анализ достижения контрольных показателей реализации стратегий. Выявлен целый ряд проблем, как на этапах разработки стратегических документов и их содержания, так и в части реализации стратегий.

Ключевые слова: муниципальные образования, стратегическое планирование, Север и Арктика РФ

ANALYSIS OF STRATEGIC PLANNING IN NORTHERN MUNICIPALITIES OF RUSSIA

N.A.Serova

PhD (Economics), senior researcher
Institute for Economic Studies, KSC, RAS

Abstract. The article examines the experience of strategic planning in the municipalities of northern Russia, which includes two issues: the degree of completeness of the strategic document (the presence of goals, objectives, missions, etc.), analysis of achieving the targets of the strategy. A number of problems, both at the stage of development of strategic documents and their contents, and in terms of implementation of the strategies are revealed.

Keywords: municipalities, strategic planning, The Russian Arctic and the North

Первым в России опытом разработки стратегического документа городского развития стал Стратегический план Санкт-Петербурга, принятый в 1997 г. Его появление послужило стимулом к разработке стратегических документов во многих крупных (Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Нижний Новгород, Омск, Саратов, Хабаровск и др.), а в дальнейшем и в малых городах страны.

Однако многие российские исследователи отмечали декларативный характер разрабатываемых стратегических документов тех лет. Проводимые в 2010-2012 гг. в Институте экономических проблем им.Г.П.Лузина КНЦ РАН исследования опыта стратегического планирования в городских округах Севера России за десятилетний период, в которых принимал участие автор, подтвердили, что проблема декларативности разрабатываемых стратегических документов по-прежнему остается актуальной [1; 2, с.47-60].

В 2012 г. автором было проведено новое исследование, включающее анализ стратегического планирования не только в городских округах, но и в муниципальных районах Севера России [3]. Было исследовано 108 муниципальных образований с численностью от 20 до 100 тыс. чел. расположенных на территориях, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям. Выяснилось, что за период 2000-2012 гг. стратегический подход к управлению развитием применялся в 44 муниципалитетах (в 22 городских округах, в 19 муниципальных районах, в 3 административных центрах муниципальных районов), что позволило группировать их по дате принятия стратегических документов (табл.).

* Исследование проведено при поддержке гранта Минобрнауки в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», № 2012-1.2.1-12-000-3002-007, «Формирование стратегических приоритетов развития Российской Арктики».

Группировка муниципальных образований по дате принятия стратегических документов городского развития

Группа	Муниципальные образования	Дата принятия	Всего МО в группе
I	Мурманская область: Апатиты Республика Карелия: Костомукша, Олонецкий район Ханты-Мансийский АО: Урай* Ямало-Ненецкий АО: Губкинский*	2002-2004	5
II	Камчатский край: Вилючинск Красноярский край: Дудинка Магаданская область: Магадан Республика Коми: Прилузский район Республика Саха: Ленский район, Нерюнгринский район Сахалинская область: Охинский Ханты-Мансийский АО: Белоярский район, Березовский район, Кондинский район, Лангепас, Нижневартовский район, Радужный Ямало-Ненецкий АО: Салехард	2007-2009	14
III	Архангельская область: Вельский район, Котлас Мурманская область: Кировск Республика Коми: Воркута, Инта, Княжпогостский район, Муниципальный район «Печора», Сыктывдинский район, Удорский район, Усинск, Усть-Куломский район, Ухта Республика Саха: Ленск Ханты-Мансийский АО: Нефтеюганский район, Нягань, Мегион, Пыть-Ях, Советский район, Ханты-Мансийск Ямало-Ненецкий АО: Муравленко, Надым, Пуровский район	2010-2012	25
	Мурманская область: Мончегорск, Печенгский район Ямало-Ненецкий АО: Лабитнанги	В разработке	

* В этих образованиях в 2012 г. началась разработка новых стратегических документов.

Дальнейшее исследование основывалось на стратегических документах, представленных на официальных интернет-сайтах местных администраций, и включало в себя анализ достижения контрольных показателей реализации стратегии.

В *первую группу* вошли стратегические документы пяти северных муниципальных образований: г.Костомукша (Республика Карелия), Олонецкий район (Республика Карелия), г.Апатиты (Мурманская область), г.Губкинский (Ямало-Ненецкий АО), г.Урай (Ханты-Мансийский АО).

Как показали проведенные ранее исследования [1; 2; 4, с.47-60], наиболее эффективно в первой группе стратегический подход к управлению развитием применяется в Костомукше, где за первый этап реализации Стратегического плана социально-экономического развития города Костомукша до 2015 г. было решено большинство поставленных задач. В 2008 г. в Стратегический план были внесены корректировки и принята новая дополненная версия на период до 2020 г., а в 2011 г. после проведения публичных слушаний утвержден комплексный инновационный план модернизации моногорода Костомукша на период до 2020 года.

Еще одним муниципальным образованием Республики Карелия, разработавшим стратегию своего развития, в начале 2000-х гг. стал Олонецкий район. За период реализации стратегии развития Олонецкого района ее мониторинг не осуществлялся ни разу, тем не менее, в документ неоднократно вносились корректировки и дополнения, а на основе существующей стратегии разрабатывались все муниципальные программы района. В 2009 г. представителями группы стратегического планирования района была дана следующая оценка реализации проектов и мероприятий Стратегии, %: выполненных и перевыполненных – 95; близких к выполнению – 2; невыполненных – 3 [4].

Другим городом, начавшим применять стратегический подход к управлению развитием в начале 2000-х гг., является г.Апатиты (Мурманская область) [5]. Главная цель «Стратегии

социально-экономического развития города Апатиты Мурманской области до 2015 года» должна была достигаться за счет диверсификации экономики и развития малого бизнеса, развития города как наукограда и развития гражданского общества. Однако основным инструментом достижения главной стратегической цели города было выбрано его развитие как наукограда*. По сути, получение этого статуса, как источника внешнего финансового притока стало самоцелью, а изменившиеся условия (ужесточение законодательных требований к наукоградом, сокращение штатов академических институтов, демографический провал и т.д.) влияющие на получение статуса, повлекли за собой пробуксовку всей стратегии [1, с.147].

Еще одним городом, начавшим применять методы стратегического управления в начале 2000-х гг., является г.Урай (Ханты-Мансийский АО) – монопрофильный город, где на долю топливно-энергетического комплекса приходится более 95% промышленного производства. Как показали предыдущие исследования [1, с.148], стратегия развития Урая не стала документом, серьезно учитываемым в деятельности органов местного самоуправления, и за период ее реализации город достиг только одного из основных стратегических направлений – развития нефтегазового комплекса, остальные задачи достигнуты не были. В 2012 г. в Урае была принята новая «Стратегия социально-экономического развития города Урая до 2020 года».

Последним в первой группе исследуемых муниципальных образований является г.Губкинский, (Ямало-Ненецкий АО), где в 2003 г. была принята «Стратегия социально-экономического развития города Губкинский во взаимодействии со Стратегией социально-экономического развития Ямало-Ненецкого АО и Энергетической стратегией России на период до 2020 года». За десятилетний период реализации стратегии в городе произошли значительные изменения, в первую очередь в жилищном строительстве – по объему вводимого жилья в расчете на одного жителя город занимает лидирующую позицию среди муниципальных образований ЯНАО. В 2009 году был разработан «Комплексный инновационный план модернизации моногорода Губкинский на 2010-2016 годы», в котором были определены стратегические цели и задачи, приоритетные направления развития города, система мероприятий и ожидаемые результаты. Положения инвестиционного плана легли в основу «Стратегии социально-экономического развития города Губкинский до 2020 года», работа над которой началась в 2012 г. В новом документе уже конкретизированы аспекты, касающиеся непосредственно местных особенностей и факторов развития.

Во *вторую группу* вошли 14 муниципальных образований, разработавших стратегические документы в период 2007-2009 гг.

Наиболее успешным, на наш взгляд, является опыт г.Магадана, принявшего в 2007 г. «Стратегический план города Магадана на период до 2020 года». В документе предусмотрено два сценария развития города – позитивный и инерционный. Местным властям за короткий период удалось добиться положительных результатов – уже к 2010 году по большинству социально-экономических показателей в Магадане обеспечивалась реализация позитивного сценария: было достигнуто превышение контрольных значений позитивного сценария по уровню доходов населения, обороту розничной торговли и платных услуг, объему инвестиций в основной капитал. Следует также отметить, что в Магадане регулярно проводится мониторинг реализации стратегического плана, а соответствующая информация предоставляется на официальном сайте города. В целом, характеризуя опыт стратегического планирования в Магадане, можно оценить его положительно как в части содержания самого стратегического плана, так и в части его реализации.

В *третью группу* вошли 25 северных муниципалитетов, где стратегические подходы к управлению развитием стали применяться совсем недавно – в период 2010-2012 гг. На этом этапе было разработано и утверждено наибольшее количество стратегических документов – 22, еще три муниципалитета впервые начали разработку своих стратегий социально-экономического развития в конце 2012 г. В связи с тем, что стратегические документы этой группы муниципалитетов приняты недавно, провести анализ достижения контрольных показателей реализации стратегий пока невозможно. Однако можно выделить особенности стратегий развития некоторых городов.

Так, например, в Стратегическом плане развития Нягани, отличающемся высоким уровнем организации подготовки, проведен не только SWOT-анализ конкурентных возможностей внутренней среды, но и STEEPV-анализ внешних факторов развития города.

* В 2004-2005 гг. местными властями предпринимались две попытки разработки программы развития Апатитов как наукограда.

В стратегии г.Муравленко разработаны механизмы привлечения инвестиций, в частности: создание специального Агентства по работе с инвесторами; назначение специалистов, ответственных за взаимодействие с институтами развития (ВЭБ, Роснано и др.); заключение меморандума между администрацией города и Муравленковским советом предпринимателей; создание Совета по корпоративной социальной ответственности и заключение меморандума по реализации мероприятий в сфере корпоративной социальной ответственности с градообразующим предприятием; создание Фонда развития города Муравленко, куда будут поступать добровольные пожертвования бизнеса и отдельных граждан.

Отдельно можно выделить стратегические документы семи муниципальных образований Республики Коми (г.Воркута, г.Инта, г.Усинск, муниципальный район «Печора», Княжпогостский, Сыктывдинский, Удорский районы), разработанных в соответствии с распоряжением Правительства Республики от 18.06.2010 № 260-р. Концепции имеют одинаковое название – «Концепция социально-экономического развития муниципального образования «...» на период до 2020 года» – и разработаны в 2009-2012 гг. с учетом методических рекомендаций Министерства экономического развития Республики Коми.

В целом, анализ стратегического планирования за период 2000-2012 гг. в муниципальных образованиях Крайнего Севера РФ выявил ряд проблем как на этапах разработки стратегических документов и их содержания, так и в части реализации стратегий.

Во-первых, несмотря на соблюдение в большинстве муниципалитетов принципа открытости на этапе разработки стратегий (информировалась общественность, проводились публичные слушания, в некоторых городах проводились опросы общественного мнения и др.), в дальнейшем, как правило, стратегии носили непубличный характер (например, для настоящего исследования не удалось найти полноценный текст стратегических документов г.Надыма, Нефтеюганского и Вельского районов; в нормативно-правовых актах существуют лишь упоминания о принятии стратегий развития в указанных городах). Стратегические документы остальных исследуемых муниципальных образований размещены на официальных сайтах администраций, но в большинстве своем находятся в разделе «экономика» или в разделе нормативно-правовых актов, что существенно затруднило их поиск. Более того, телефонные интервью с представителями местных администраций (в частности, со специалистами отделов экономического развития) показали, что многие из них и сами не знают о наличии у города стратегии развития (характерным примером является г.Кировск, принявший свою стратегию менее года назад). Лишь в единичных случаях стратегические документы муниципалитетов размещены на главных страницах официальных сайтов администраций, что в полной мере обеспечивает их публичность.

Во-вторых, во многих муниципальных образованиях разработка стратегических документов инициировалась местными властями ради получения дополнительного финансирования из внешних источников (градообразующих предприятий, регионального, федерального бюджетов) или в случае прямого указания региональных властей (например, в муниципалитетах Республики Коми). Как следствие, стратегические документы разрабатывались в предельно сжатые сроки, а выбор основных стратегических направлений развития носил чрезмерно оптимистичный характер (например, стратегия развития г.Урай).

В-третьих, ориентация местных властей не на внутренние потребности города, а на внешние во многом обусловила низкое качество разрабатываемых стратегических документов, в первую очередь, в части их содержания. Общая методология стратегического планирования городского развития предполагает определение миссии, стратегических целей и приоритетных направлений развития, проведение SWOT-анализа, формулировку целевых показателей, разработку сценариев развития и системы конкретных мероприятий, реализацию стратегического плана и его мониторинг. Анализ показал, что полный спектр необходимых элементов присутствует в стратегических документах лишь четырех муниципалитетов (г.Костомукша, г.Котлас, г.Нягань, г.Урай). При разработке стратегических документов внимание, главным образом, было уделено формулировке целей и приоритетных направлений, разработке системы мероприятий и механизмов реализации намеченных целей и приоритетов стратегического развития муниципального образования. При этом существенным недостатком в большинстве разработанных стратегических документов явилось отсутствие SWOT-анализа, целевых показателей и системы мониторинга, слабость взаимосвязи с федеральными и региональными стратегиями.

В заключение необходимо отметить, что десятилетний опыт стратегического планирования в российских муниципалитетах позволяет утверждать, что оно становится неотъемлемой частью

системы муниципального управления. Общей тенденцией для всех городов является активная позиция местных властей на этапе подготовки стратегических документов (привлечение к подготовке стратегического документа общественности и бизнеса, проведение опросов и публичных слушаний и др.). В то же время при разработке стратегических документов местные власти сталкиваются с множеством проблем, решение большинства из которых мало от них зависит: отсутствие нормативно-правового, информационного и кадрового обеспечения; а также универсальной методики стратегического планирования городского развития; недостаточность доходных источников местных бюджетов из-за изменений налогового и бюджетного законодательства. Решение указанных проблем на федеральном уровне позволит успешно осуществлять управление развитием муниципальных образований.

Литература

1. Применение инструментов стратегического управления в малых городах Крайнего Севера РФ / Л.О.Залкинд, Н.А.Серова // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С.144-153.
2. Северные территории в общероссийском, региональном, муниципальном пространстве: монография / под ред. Т.П.Скуфьиной. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С.47-60.
3. Скуфья Т.П. Региональная политика и Север России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2010. Т. 2. № 26. С.60а-64.
4. Муниципальные стратегии: десять лет спустя / под ред. Б.С. Жихаревича. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2011. 136 с.
5. Баранов С.В. Организационные возможности и ограничения реализации долгосрочных целей и задач социально-экономического развития региона (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. № 1. С.38-42.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРА: ВОЗМОЖНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Е.Е.Емельянова

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация: Рассматриваются возможности и основные направления реализации инвестиционной политики на муниципальном уровне на примере городских округов северных районов. Проведен анализ бюджетной обеспеченности и структуры доходов муниципальных бюджетов. Дана характеристика финансовых возможностей инвестиционной деятельности муниципальных органов власти, рассмотрены источники финансирования инвестиционных потребностей муниципалитета.

Ключевые слова: инвестиционная политика, социально-экономическое развитие территорий, муниципальный бюджет, города Крайнего Севера

INVESTMENT POLICY OF MUNICIPAL AUTHORITIES IN REGIONS OF THE NORTH: OPPORTUNITIES AND IMPLEMENTATION DIRECTIONS

E.E.Emelyanova

Junior Researcher

Luzin Institute for Economic Sciences, KSC of RAS

Abstract. The article considers opportunities and main directions of implementation of the investment policy at the municipal level using the case study of urban districts of the Northern regions. Fiscal capacity and structure of municipal budgets revenues are analyzed. Financial potentialities of investment activities of the municipal authorities are characterized, sources of financing investment needs of the municipality are considered.

Keywords: investment policy, socio-economic development of territories, municipal budget, cities of the High North

Инвестиционная политика является составной частью экономической политики и может осуществляться на различных уровнях управления – федеральном, региональном и муниципальном.

Муниципальные органы власти в отличие от других участников инвестиционных проектов вынуждены преследовать специфические цели и задачи, ориентированные на комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования и улучшение качества жизни населения, что оказывает непосредственное влияние на формы и методы управления инвестиционной деятельностью [1, с.22].

На особенность регулирования инвестиционных процессов влияет также тип муниципального образования. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. выделяет три типа муниципальных образований: поселения, муниципальные районы и городские округа и разграничивает их полномочия и вопросы ведения. Так, наиболее полный перечень вопросов, входящих в ведение муниципальных органов власти, получают городские округа, а, следовательно, и возможность реализации собственной муниципальной политики, в том числе и инвестиционной. На реализацию инвестиционной политики влияет также и социально-экономическое положение муниципалитета, материальная база, наличие ресурсов, инфраструктурная развитость, наличие в собственности муниципалитета недвижимого имущества, к которому, согласно ст. 130 Гражданского кодекса РФ, относятся земельные участки, участки недр, водные объекты, леса, здания и сооружения.

Основными нормативно-правовыми документами, определяющими инвестиционную деятельность в Российской Федерации, являются Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений (ред. от 12.12.2011 г.)», а также Федеральный закон от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах (ред. от 28.07.2012 г.)».

Одним из важнейших вопросов осуществления муниципальной инвестиционной политики является ее ресурсное, в частности финансовое обеспечение. Основным постоянным источником доходов муниципального бюджета служат налоги и сборы, которые и составляют базу муниципального бюджета.

После реформы самоуправления, проведенной в 2005-2007 гг., в качестве местных налогов были определены только земельный налог и налог на имущество физических лиц. Данные виды налогов являются наиболее трудоемкими с точки зрения сбора и мало доходными. Удельный вес налога на имущество физических лиц в доходах местных бюджетов большинства северных территорий не превышает 0.1% , земельного налога – 1% [2. С.6-7]. Ранее действовавшие налоги на рекламу, на наследование и дарение, а также местные лицензионные сборы были отменены. Принципиально были изменены и нормативы отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов в местные бюджеты [3, с.20].

С 2008 по 2012 годы в Бюджетный кодекс РФ были внесены дополнительные изменения, которые, помимо очередного перераспределения доходов и нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов, обязали органы государственной власти субъекта РФ установить единые и (или) дополнительные нормативы отчислений в местные бюджеты от налога на доходы физических лиц, исходя из зачисления в местные бюджеты не менее 20% налоговых доходов консолидированного бюджета региона от указанного налога, что должно привести к увеличению доли собственных доходов в муниципальных бюджетах. Эти изменения вступили в силу с 1 января 2013 г. [4], и на данный момент из-за отсутствия статистических данных нельзя проанализировать, насколько эти изменения повлияли на структуру доходов муниципальных бюджетов.

Так, после проведения реформ произошло снижение нормативов отчислений от единственного, наиболее доходного для местных бюджетов налога на доходы физических лиц (на 10%) и увеличены нормативы от единого сельскохозяйственного налога и налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности, которые также имеют крайне низкий удельный вес в общих доходах северных муниципалитетов.

В дальнейшем был проведен анализ средних и малых городских округов Севера с численностью населения от 20 до 100 тыс. человек. Областные центры не исследовались в связи с тем, что они находятся в более выгодном положении и имеют свою определенную специфику. Для анализа финансовой обеспеченности муниципальных образований использовались статистические данные Федеральной службы государственной статистики /5/.

Анализируя бюджеты муниципальных образований Севера за 2004-2012 гг., можно сделать вывод, что большинство муниципальных образований в регионах Севера по-прежнему являются

дефицитными. С профицитом в среднем по муниципальным образованиям в 2012 г. закончили Архангельская и Мурманская области, а также Ненецкий АО. В среднем происходит увеличение доходов муниципальных бюджетов в Северных регионах и дефицит по муниципальным образованиям составляет -0.8% против -3.7% в целом по Российской Федерации.

Несмотря на рост доходов местных бюджетов регионов Севера, большинство из муниципальных образований по-прежнему лишены финансовой самостоятельности и остаются дотационными.

Из результатов проведенного анализа бюджетов городских округов Севера за 2007 и 2011 гг. (табл.1) видно, что доля собственных доходов в общем объеме доходов бюджета муниципальных образований в 2011 г. выросла в 1.3 раза по сравнению с 2007 г. и составила в среднем 83.0%, а доля налоговых поступлений в общем объеме собственных доходов, наоборот, сократилась в 1.5 раза и составила 43.2%. Наибольший рост доли собственных доходов произошел в городах Республики Коми и некоторых городах Ханты-Мансийского АО, а также в г.Мончегорске Мурманской области.

Собственные доходы муниципальных образований выросли за счет неналоговых поступлений в муниципальный бюджет, куда входят доходы от предпринимательской и другой деятельности, продажа материального и нематериального муниципального имущества, платежи за пользование природными ресурсами, доход от использования государственного и муниципального имущества и др.

Таблица 1

Доля собственных и налоговых доходов бюджетов муниципальных образований

№ п/п	Городской округ, субъект РФ	Доля собственных доходов в общем объеме доходов, %		Доля налоговых доходов в собственных доходах, %	
		2007 г.	2011 г.	2007 г.	2011 г.
Республика Карелия					
1	Костомукша	96.4	82.7	56,6	49.4
Республика Коми					
2	Инта	22.4	86.9	96.1	35.4
3	Усинск	83.1	84.1	66.9	67.0
4	Воркута	35.3	86.0	92.6	50.0
5	Ухта	63.8	86.0	83.5	52.6
Архангельская область					
6	Коряжма	73.7	76.0	92.9	96.9
7	Новодвинск	71.0	74.5	89.7	89.0
8	Котлас	71.6	77.2	90.5	64.0
Мурманская область					
9	Апатиты	70.1	74.5	57.4	50.4
10	Кировск	77.4	82.5	47.7	52.1
11	Мончегорск	26.1	81.3	72.7	58.3
Ямало-Ненецкий АО					
12	Губкинский	47.2	84.1	90.7	24.1
13	Муравленко	85.6	82.0	33.5	17.9
14	Лабытнанги	78.7	87.5	23.0	15.2
Ханты-Мансийский АО					
15	Урай	26.8	83.1	61.8	29.5
16	Лангепас	85.5	81.5	23.9	28.2
17	Радужный	25.6	82.1	90.0	30.8
18	Пыть-Ях	85.5	79.1	29.4	33.0
19	Нягань	85.1	81.9	26.2	31.2
20	Мегион	83.2	77.2	29.4	34.9
Сахалинская область					
21	Охинский	57.5	93.6	34.2	35.1
22	Корсаков	40.0	94.0	85.0	25.9
23	Холмск	36.9	93.3	79.1	23.9
В среднем по городам		62.1	83.0	63.2	43.2

Анализ структуры доходов (табл.2), а именно доходов от налоговых, безвозмездных и от использования государственного и муниципального имущества, в общем объеме доходов бюджета, говорит о том, что особых изменений в структуре доходов муниципальных образований не произошло. Бюджеты муниципальных образований по-прежнему сильно зависят от безвозмездных поступлений, в то время как доля дохода от налоговых поступлений составляет в среднем 34%. При этом, если сравнивать с другими регионами России, наименьшая доля налоговых доходов отмечается в местных бюджетах именно северных регионов России.*

Таблица 2

Структура доходов муниципальных бюджетов городских округов

№ п/п	Городской округ, субъект РФ	Доля налоговых доходов,%		Доля доходов от использования гос. и муниципального имущества,%		Доля доходов от безвозмездных поступлений,%	
		2007 г.	2011 г.	2007 г.	2011 г.	2007 г.	2011 г.
Республика Карелия							
1	Костомукша	54.5	40.8	4.7	3.4	34.6	51.1
Республика Коми							
2	Инта	21.0	30.8	1.9	2.5	77.4	66.7
3	Усинск	55.2	56.1	13.1	12.2	31.7	32.0
4	Воркута	32.7	43.0	0.2	3.7	64.8	53.4
5	Ухта	53.2	45.3	10.8	6.4	36.2	41.7
Архангельская область							
6	Коряжма	49.3	71.7	5.2	3.2	28.7	26.2
7	Новодвинск	62.7	62.3	3.0	2.5	35.3	36.0
8	Котлас	62.8	48.4	6.8	4.3	34.0	48.2
Мурманская область							
9	Апатиты	40.2	37.5	4.6	8.4	56.9	55.7
10	Кировск	34.9	43.0	5.4	13.0	61.0	41.5
11	Мончегорск	19.0	34.4	3.0	7.8	73.9	61.2
Ямало-Ненецкий АО							
12	Губкинский	42.8	20.3	1.6	1.3	54.0	77.2
13	Муравленко	28.7	14.7	1.4	1.5	64.1	83.0
14	Лабытнанги	18.1	13.3	1.8	1.5	78.8	85.1
Ханты-Мансийский АО							
15	Урай	16.6	24.5	2.5	4.2	73.2	71.8
16	Лангепас	20.4	22.9	3.2	2.4	69.1	74.8
17	Радужный	23.0	25.3	2.6	2.2	69.0	72.2
18	Пыть-Ях	25.1	26.1	2.4	4.0	68.8	70.7
19	Нягань	22.3	25.5	2.4	2.5	61.5	73.2
20	Мегион	24.4	26.9	2.2	3.7	67.9	67.7
Сахалинская область							
21	Охинский	19.6	32.8	1.1	1.9	55.3	65.1
22	Корсаков	34.0	24.4	6.9	2.7	51.1	73.6
23	Холмск	29.2	22.3	1.1	0.8	63.0	78.0
В среднем по городам		32.2	34.4	3,8	4,1	57,0	61,1

Наибольшие доли налоговых доходов отмечаются в городах Архангельской области (в среднем 60.8%), а наименьший показатель в городах Ямало-Ненецкого АО (около 16%). Соответственно доля безвозмездных поступлений наибольшая в Лабытнанги Ямало-Ненецкого АО (85%), а наименьшая в Коряжме Архангельской области (26%). В среднем по городским округам Севера безвозмездные поступления составляют более 60%.

* На основе результатов НИР «Институциональные реформы и социально-экономическое развитие городов на Севере России» (3-07-1017), проводившихся в 2007-2009 гг. в ИЭП КНЦ РАН под рук. В.В.Дидыка, г.Апатиты.

Доля доходов от использования государственного и муниципального имущества колеблется от 13% в Кировске Мурманской области до 0.8% в Холмске Сахалинской области и в среднем по городским округам составляет около 4%. Наиболее благополучная ситуация в этой части доходов муниципальных бюджетов складывается в Мурманской области, где данный показатель в среднем достигает 9.7% от общего дохода местных бюджетов.

Что касается безвозмездных поступлений, то до 2008 г. намечалась тенденция к переходу от перечисления дотаций, направления расходования которых определяются муниципалитетами самостоятельно, к субсидиям, т.е. долевого участию вышестоящего уровня бюджетной системы в расходах, которые он считает необходимым [6, с.39].

В ходе реформы местного самоуправления значительная роль была отведена поддержке местных бюджетов из бюджетов вышестоящего уровня бюджетной системы с помощью целевых трансфертов – субсидий (для долевого финансирования приоритетных расходов) и субвенций (для финансирования расходов по переданным полномочиям).

За последние годы соотношение дотаций, субсидий и субвенций (табл.3) зависит от того, к какому субъекту Федерации относится тот или иной городской округ. Так, в Костомукше Республики Карелия доля дотаций от вышестоящих бюджетов в 2011 г. почти нулевая, невысокая доля дотаций городским округам также в Архангельской и Мурманской областях. В остальных северных субъектах РФ доля дотаций в 2011 г. составляет около 40%. Причем в Сахалинской и Архангельской областях, наоборот, произошло перераспределение безвозмездных поступлений в пользу дотаций.

Таблица 3

Доля дотаций, субсидий и субвенций в объеме безвозмездных поступлений местных бюджетов, %

№ п/п	Городской округ, субъект РФ	Доля в общем объеме безвозмездных поступлений, %					
		дотации		субсидии		субвенции	
		2007 г.*	2011 г.**	2007 г.	2011 г.	2007 г.	2011 г.
Республика Карелия							
1	Костомукша	3.2	0.3	32.7	36.5	64.1	33.8
Республика Коми							
2	Инта	43.4	59.6	10.1	13.8	46.5	19.6
3	Усинск	29.1	24.5	18.1	23.2	52.9	49.5
4	Воркута	45.5	46.1	12.4	25.2	42.1	26.3
5	Ухта	25.9	32.1	21.3	29.7	52.8	33.6
Архангельская область							
6	Коряжма	-	-	7.9	15.9	91.7	82.1
7	Новодвинск	-	23.0	19.9	9.9	79.8	70.7
8	Котлас	-	7.2	19.1	15.1	80.7	46.4
Мурманская область							
9	Апатиты	30.6	19.1	18.5	34.1	50.9	45.9
10	Кировск	6.6	6.2	56.7	47.2	36.4	42.2
11	Мончегорск	19.9	25.3	60.8	42.8	19.3	30.1
Ямало-Ненецкий АО							
12	Губкинский	53.3	40.9	0.7	36.5	43.9	20.5
13	Муравленко	57.5	48.8	0.9	28.1	41.5	21.7
14	Лабытнанги	72.4	47.6	0.6	37.8	27.0	14.7
Ханты-Мансийский АО							
15	Урай	43.1	37.5	31.2	31.5	17.3	23.6
16	Лангепас	33.2	47.4	36.3	17.0	21.2	24.7
17	Радужный	43.8	46.3	35.7	25.3	20.0	24.7
18	Пыть-Ях	39.2	44.1	38.2	13.9	21.0	29.4
19	Нягань	48.0	35.8	26.1	36.0	24.7	24.6
20	Мегион	37.9	41.8	35.1	21.1	24.9	33.6
Сахалинская область							
21	Охинский	7.3	36.7	62.5	32.6	28.8	9.7
22	Корсаков	2.4	29.1	15.7	45.7	81.8	8.0
23	Холмск	2.4	48.5	60.6	16.3	35.7	8.5
В среднем по городам		28.0	32.5	27.0	27.6	43.6	31.4

* Дотации, субсидии, субвенции от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации до 2008 г.

** Дотации, субсидии, субвенции бюджетам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований после 2008 г.

Анализируя данные бюджетной обеспеченности за 2007 и 2011 гг., можно сделать вывод, что городские округа в различных регионах имеют различные возможности реализации собственной инвестиционной политики, в связи с тем, что доля дотаций, направления расходования которых определяется муниципалитетом самостоятельно, колеблется от 0.3% до 59.6%, что дает (или не дает) определенную свободу в реализации муниципальной инвестиционной политики.

Применительно к субсидиям субъекты Федерации получили свободу действий по выбору направлений финансирования. В итоге приоритетные направления социально-экономического развития городов финансируются в тех направлениях, которые региональные власти считают приоритетными, а собственные направления развития финансируются местными бюджетами по остаточному принципу.

В целом, структура доходов говорит о том, что основной проблемой осуществления муниципальной инвестиционной политики является недостаток бюджетных средств и дотационный бюджет большинства муниципальных образований Севера, а также зависимость муниципальных образований от субъектов Федерации в части финансового обеспечения и, как следствие, в части реализации собственной социально-экономической политики и инвестиционной, в частности.

Инвестиционная деятельность муниципальных образований в основном осуществляется в форме капитальных вложений в основные средства предприятий, направленные на постройку, реконструкцию или приобретение объектов.

Анализируя долю бюджетных инвестиций на увеличение стоимости основных фондов по отраслям, можно сделать вывод, что в 2011 г. по сравнению с 2008 г. доля бюджетных инвестиций сократилась в 16 исследуемых городах – в среднем в 2 раза. Наибольший рост бюджетных инвестиций в основные фонды отмечается в Воркуте Республики Коми и Корсакове Сахалинской области. Направления и доли бюджетных инвестиций во всех городах различные, но традиционно высокие доли финансирования составляет жилищно-коммунальное хозяйство (в среднем 43%), на финансирование объектов образования и здравоохранения направляются примерно 20 и 15% инвестиций соответственно и около 2% на объекты культуры. Что касается спортивных объектов, то если в 2008 г. на их инвестирование в среднем приходилось около 8%, а в некоторых городских округах эта величина достигала 63% (Костомукша, Республика Карелия), то в 2011 г. ни в одном из городских округов спортивные объекты не предусматривают инвестиций из муниципального бюджета.

В различных городских округах доли и направления финансирования существенно отличаются. Так, например, на развитие ЖКХ в одних городах идет около 90% инвестиций (Холмск, Сахалинская область), а в других 5% и менее (Костомукша, Инта). Акцент на развитии здравоохранения делается в Коряжме и Котласе Архангельской области, а на образовании – в Пыть-Ях Ханты-Мансийского АО. По регионам также нечетко прослеживаются направления развития городских округов. С определенной долей уверенности можно говорить, что в городских округах Сахалинской области и Ямало-Ненецкого АО основные усилия направлены на ЖКХ, в Ханты-Мансийском АО – на ЖКХ и образование, в Мурманской – на образование и здравоохранение, в Архангельской области основные инвестиции сосредоточены на здравоохранении.

Таким образом, направления бюджетных инвестиций в различных городских округах существенно отличаются и зависят от развития и потребностей самого муниципального образования, что говорит о специфичности и уникальности развития каждого отдельно взятого муниципалитета.

Можно выделить три основных источника финансирования инвестиционных потребностей муниципалитета:

- средства муниципальных (в том числе заемные) и вышестоящих бюджетов;
- прямые инвестиции и различные формы муниципального сотрудничества;
- средства организаций различных форм собственности, в случае, если проект может генерировать доходы (например, проекты в области жилищно-коммунального хозяйства) /7/.

Если рассматривать инвестиции в основной капитал за счет средств муниципального бюджета, инвестиции, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) и организациями муниципальной формы собственности, то по сравнению с 2008 г. во многих городах произошло существенное сокращение инвестиций в основной капитал за счет средств муниципального бюджета. Из 23 городов только в 6 этот показатель не уменьшился, и только в двух городах (Котласе и Ухте) увеличился в 4 и 2 раза соответственно. Инвестиции организаций, находящихся на территории муниципального образования, наоборот, в большинстве своем (за исключением «городов-рекордсменов») выросли примерно в 1.3 раза. Особо стоит отметить Инту Республики Коми и Охинский Сахалинской области, где рост данного показателя увеличился в 42 и 27 раза

соответственно по сравнению с 2008 г. В 6 городских округах участие в инвестициях в основной капитал за счет средств организаций сократилось. Инвестиции за счет организаций муниципальной формы собственности несколько сократились, за исключением городов Охинский и Корсаков Сахалинской обл., где этот показатель увеличился в 185 и 40 раз соответственно.

В среднем удельный вес инвестиций за счет средств муниципального бюджета составляет всего 5.6%, в то время как удельный вес инвестиций организаций, находящихся на территории муниципального образования, в среднем составляет почти 90%, на организации муниципальной формы собственности приходится около 7%.

Разброс денежных сумм также весьма значительный, особенно в инвестициях организаций, находящихся на территории муниципалитета. Там, где находятся довольно успешные крупные предприятия, в том числе и градообразующие, суммы инвестиций увеличиваются в разы. Так, если взять, к примеру, Мурманскую область, то в Кировске и Мончегорске, на территориях которых расположены крупные градообразующие предприятия, объем инвестиций за счет организаций на несколько порядков выше, чем в Апатитах. Так, объем инвестиций организациями г.Кировска в 33 раза превышает Апатитский уровень, сумма инвестиций организаций в г.Мончегорске в 3 раза выше.

Таким образом, в связи с тем, что финансовая обеспеченность и ограниченный бюджет муниципальных образований не позволяют в полной мере и в полном объеме осуществлять инвестиционную политику муниципального образования, для развития территории необходимо привлечение организаций и предприятий к инвестиционной деятельности. Эффективным механизмом привлечения средств является развитие частно-муниципального партнерства, предполагающего объединение материальных и нематериальных ресурсов местного самоуправления и частного сектора (частных предпринимателей, компаний, предприятий) на долговременной и взаимовыгодной основе для создания общественных благ (благоустройство и развитие территории, развитие инженерной и социальной инфраструктуры) или оказания общественных услуг (в области образования, здравоохранения, социальной защиты и т.д.) [1, с.20-23].

Муниципально-частное партнерство является формой государственно-частного партнерства и на сегодняшний день выступает актуальным механизмом привлечения инвестиций для модернизации экономики и социальной сферы. В настоящее время основная позиция руководства страны во многом ориентирована на привлечение в инвестиции именно частного капитала.

В зарубежной практике привлечение бизнеса в развитие муниципалитетов имеет очень широкий спектр и используется практически во всех социально значимых областях. В Российской Федерации наибольшее число подобного рода проектов реализуется в сфере ЖКХ, инженерной и транспортной инфраструктуре [8, с.10].

Применение механизмов муниципально-частного партнерства дает возможность для осуществления общественно значимых проектов, малопривлекательных для традиционных форм частного финансирования, повысить эффективность проектов за счет участия в них частного бизнеса, а также позволяет снизить нагрузки на бюджет за счет привлечения частных средств.

Подводя итог, можно констатировать, что муниципальная инвестиционная политика как часть социально-экономической политики муниципалитета, может оказывать значительное влияние на развитие территории, стимулирование экономического роста и совершенствование социальной сферы муниципального образования. Цели и задачи, а также направления инвестиционной политики на муниципальном уровне существенно зависят от типа муниципального образования, особенностей его развития, в связи с чем в каждом муниципальном образовании должна формироваться своя уникальная система управления муниципальными инвестициями на основе применения различных инструментов, определения целей и задач, объектов и субъектов регулирования инвестиционных процессов.

На основе анализа бюджетной обеспеченности муниципальных образований можно сделать вывод, что недостаток собственных средств муниципальных образований не позволяет муниципалитетам достаточно эффективно распоряжаться денежными ресурсами, что делает их финансово зависимыми от вышестоящих органов власти.

Анализ структуры доходов муниципальных образований показал, что большинство городских округов Севера остаются дотационными, а инвестиционная политика муниципальных органов власти напрямую зависит от инвестиционной политики региональных органов власти. Это связано с тем, что самостоятельная инвестиционная политика муниципальных образований возможна только в очень редких случаях и в высокодоходных образованиях. Большинство муниципалитетов вынуждено искать финансовую поддержку в вышестоящих бюджетах и тем самым учитывать приоритеты развития региональных и федеральных программ. При этом огромное влияние оказывает наличие на территории муниципалитета

предприятий и привлечение инвестиций частных инвесторов. Поэтому муниципальная инвестиционная политика не может рассматриваться отдельно от инвестиционной политики федерального и регионального уровня власти, а также без развития частно-муниципального партнерства.

Литература

1. Инвестиционная активность муниципальных властей как фактор территориального развития (на примере республики Башкортостан) / И.Ф.Зиннуров, И.А.Ситнова // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 8 (65). С.20-23.
2. Материалы парламентских слушаний «Проблемы развития муниципальных образований в жизнеобеспечении населения в северных районах Российской Федерации», г. Москва, 29 марта 2007 г. М., 2007. С.6-7.
3. Российское местное самоуправление: Итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // Вопросы местного самоуправления: стратегия и практика муниципального развития. 2009. № 3 (25). С.20.
4. Федеральный закон от 25 июня 2012 г. № 94-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Информационно-поисковая система КонсультантПлюс
5. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: www.gks.ru
6. Емельянова Е.Е. Анализ системы управления и механизмов реализации местной социально-экономической политики северного города // Север и рынок, 2010.1/2010 (25). С.39.
7. Источники финансирования инвестиционных потребностей муниципальных образований и факторы их кредитоспособности / Д.Жигалов, И.Мещеряков. Режим доступа: http://www.urbanecomomics.ru/publications.php?folder_id=103&mat_id=822
8. Частно-государственное партнерство при реализации стратегических планов: практика и рекомендации. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2005. С.10.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

В.В.Дидык

кандидат экономических наук, зам. директора по научной работе
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Е.Е.Емельянова

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация: Рассматриваются методические особенности использования технологии стратегического планирования и управления применительно к территориальным социально-экономическим системам, существующее положение нормативно-правового регулирования данного процесса. Рассмотрена практика разработки документов стратегического планирования в стране, в том числе в городах Крайнего Севера. Подчеркнуто ключевое значение публичного характера разработки стратегий и организации взаимодействия широкого круга участников для обеспечения их результативности.

Ключевые слова: стратегическое управление, стратегическое планирование, социально-экономическое развитие территорий, города Крайнего Севера

STRATEGIC MANAGEMENT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT: METHODICAL ASPECTS AND PRACTICE OF RUSSIAN MUNICIPALITIES

V.V.Didyk

PhD (Economics), Research Director

Luzin Institute for Economic Sciences, KSC of RAS

E.E.Emeljanova

Junior Researcher

Luzin Institute for Economic Sciences, KSC of RAS

Abstract. The article discusses the methodical specificity of applying the technology of strategic planning and management to territorial socio-economic systems, and the present situation with regulation of the process. The practice of producing strategic planning documents in the country including that in municipalities of the High North is considered. The key importance of the public character of elaborating strategies and organizing interactions of a broad circle of participants in order to ensure their efficiency is stressed.

Keywords: strategic management, strategic planning, socio-economic development of territories, High North municipalities

Развитие территориальных социально-экономических систем России происходит в условиях долговременных системных вызовов глобализации, ускорения научно-технологических изменений, повышения роли человеческого фактора в экономическом развитии, исчерпания потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, нерешенности ряда острых социальных, экологических и институциональных проблем*. Это объективно обуславливает необходимость повышения эффективности управления такими системами, принятия решений, носящих долгосрочный, стратегический характер (со сроком реализации более 5 лет), увязки средне- и краткосрочных задач, подчиненных одной общей цели.

Признанной во всем мире, наиболее адекватной условиям быстро меняющейся внешней среды технологией управления считается система стратегического управления. Предназначавшаяся первоначально для использования в коммерческих организациях, эта система стала постепенно применяться для управления в территориальных системах на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Несмотря на то, что за последние 50 лет сформировалось более десяти различных школ стратегического управления, сущность последнего достаточно универсальна. Она состоит в формировании и реализации стратегии развития организации на основе непрерывного контроля и оценки происходящих изменений в ее деятельности, направленной на достижение стратегических целей в условиях нестабильной внешней среды.

Особенность управления территориальными социально-экономическими системами по сравнению с предпринимательскими состоит в том, что в первом случае в качестве объекта управления выступают общественные отношения и связи множества разнородных, иерархически не связанных, но пространственно локализованных организаций и институтов, а главные цели направлены на повышение качества жизни людей. Субъектами управления в таких системах выступают государственные и муниципальные органы власти, а действенность управления достигается при условии привлечения к процессу принятия решений структур гражданского общества, механизмов общественно-частного партнерства и других форм общественного участия. Процесс стратегического управления, как правило, включает следующие обобщенные этапы [1, с.137-144; 2, с.37-41]:

стратегический анализ (диагностика территории, оценка ресурсов, внешних и внутренних факторов развития, SWOT-анализ);

стратегическое планирование (включая формирование системы целей и критериев их достижения, оценку стратегических альтернатив, выбор базовых стратегий для основных региональных подсистем, определение программ, проектов и механизмов реализации стратегии);

реализация стратегии и стратегический контроль (включая мониторинг и управление изменениями).

Одним из базовых требований и в то же время методологическим подходом к стратегическому управлению территориальными социально-экономическими системами на национальном, региональном и муниципальном уровнях в современных условиях является использование концепции устойчивого развития. Императив перехода к устойчивому развитию как условие выживания человечества в XXI в. был провозглашен на исторической Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., где была принята «Повестка дня на XXI век». Данный документ, являясь программой действий перехода к устойчивому развитию в международном масштабе, призвал правительства всех стран принять национальные стратегии перехода к устойчивому развитию. Ответом России на этот призыв было принятие в апреле 1996 г. Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию**. Вслед за этим в соответствии с поручением Президента РФ был разработан проект Государственной стратегии устойчивого развития, однако он не был утвержден и не приобрел статус официального нормативного документа.

* Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 № 1662-р. // Справочно-поисковая система «Консультант плюс».

** Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 "О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // СПС «Консультант плюс».

Анализ, выполненный в работе [3, с.44-49], показал, что применение концепции устойчивого развития в качестве методологической основы при разработке большинства документов стратегического планирования и управления развитием территориальных систем на общероссийском и региональном уровнях реализовано далеко не в должной мере. Такое положение обусловлено тем, что в стране пока не сформирована, во-первых, системная нормативно-правовая база стратегического планирования и управления, во-вторых, общепризнанная методическая основа построения механизмов устойчивого территориального развития.

Министерство экономического развития РФ в 2009 г. разработало проект Федерального закона «О государственном стратегическом планировании»^{*}, который в настоящее время находится на согласовании в правительственных ведомствах. Данный законопроект в случае его принятия создаст правовую основу системы государственного стратегического планирования в стране. Одновременно он выполняет методическую функцию, поскольку включает определение основных понятий стратегического планирования, регламентирует процедуры разработки, рассмотрения и утверждения документов стратегического планирования как на федеральном, так и региональном уровнях. Законопроект предусматривает формирование комплексной системы государственного стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации с определением целей этой системы, ее функций, определение полномочий всех участников государственного планирования, в число которых входят и региональные органы исполнительной власти. Очевидно, что примененный системный подход к организации стратегического планирования и его законодательное закрепление окажет действенное влияние на применение технологий стратегического управления не только на государственном, но и муниципальном уровне и, в особенности, в практике городского управления.

К настоящему времени почти во всех субъектах Федерации уже разработаны и приняты документы стратегического планирования. Применение же стратегического подхода в управленческой практике российских городов хотя и находит постепенное распространение, однако далеко не стало общепринятым. Даже крупнейшие города-миллионники, которые имеют относительно более благоприятные возможности для разработки и реализации стратегических планов с учетом их ресурсного и интеллектуального потенциала, не все приняли и руководствуются долгосрочной стратегией социально-экономического развития или стратегическим планом [4]. Первые городские стратегии развития стали появляться во второй половине 1990-х гг. Наиболее известным примером является Стратегический план Санкт-Петербурга, разработанный в 1997 г. Ценность этого примера состояла в том, что здесь впервые в российской практике были разработаны и успешно применены научно обоснованные методические подходы к организации стратегического планирования развития города с учетом лучшего мирового опыта. Сущность этого подхода состояла в привлечении к процессу планирования и последующей реализации стратегии максимально широкого круга заинтересованных сторон городского сообщества – представителей властей, бизнеса, науки, общественных и неправительственных организаций. Научно-методическое обеспечение разработки стратегического плана осуществлял Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», а координацию подготовки и организацию мероприятий в процессе его подготовки (конференции, семинары, совещания, выставки) – специально созданное в администрации города проектное бюро. Наряду с этим были сформированы руководящие структуры разработки и реализации стратегического плана – Генеральный совет, во главе с губернатором города, состоящий из руководителей предприятий и организаций, участвующих в подготовке стратегического плана (146 членов от 90 организаций), исполнительный комитет, состоящий из руководителей тематических направлений плана во главе с первым вице-губернатором по экономике. Дополнительно были созданы структуры, так называемого технического уровня: тематические комиссии по основным направлениям плана, Рабочие группы, Экспертный совет, научно-методический семинар при экспертном совете. Только тематические комиссии, обеспечивающие разработку «частных» стратегий по основным направлениям, объединили около 450 человек – сотрудников городской администрации, представителей крупных фирм, ассоциаций и общественных организаций**.

* Проект Федерального закона "О государственном стратегическом планировании". Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/regulation/gsp>

** Подробное описание опыта организации разработки стратегического плана Санкт-Петербурга, а также других городов представлены в материалах «Ресурсного центра по стратегическому планированию», созданного при «Леонтьевском центре». Режим доступа: <http://www.city-strategy.ru/1>

Опыт работы над стратегическим планом Санкт-Петербурга, который наиболее успешно использовали города Екатеринбург, Новосибирск, Омск, Тюмень и ряд других, послужил основой для организации ежегодных (начиная с 2002 г.) общероссийских форумов стратегического планирования. Данные форумы вносят большой вклад в развитие и пропаганду теории и лучшей практики стратегического планирования и управления: например, последний из состоявшихся таких форумов – IX общероссийский форум "Стратегическое планирование в регионах и городах России", прошедший под девизом «Стратегии модернизации и модернизация стратегий», прошел в Санкт-Петербурге 18-19 октября 2010 г. На нем было свыше 1000 участников из 159 городов и регионов, проведено 28 заседаний, на которых выступили свыше 200 участников*. Такой масштаб форума свидетельствует о возрастающем интересе к идеям стратегического планирования как одного из элементов и условий перехода к использованию технологий стратегического управления в регионах и городах России.

Наряду с положительными примерами и определенным прогрессом в распространении лучших практик стратегического планирования и управления, сложность данного процесса, особенно для уровня муниципальных образований (городов), с учетом незрелости института местного самоуправления в России и экономических трудностей большинства муниципалитетов, определяет множество проблем как в процессе разработки стратегических планов, так и в их реализации. Так, по результатам исследования Р.Богавеевой [5, с.73-79], выявлены следующие типичные проблемы разработки и реализации стратегий и программ развития российских городов:

противоречия и проблемы, касающиеся содержания стратегии развития города (нечеткий выбор приоритетов, отсутствие обоснованного выбора сценария развития; имиджевый (оптимистичный) характер стратегии; отсутствие местной специфики в стратегиях городов; отсутствие качественных показателей развития и др.);

слабая позиция гражданского общества (отсутствие механизма стимулирования к участию в осуществлении изменений, а также качественной оценки социально-экономического развития города и его проблем гражданами, представителями бизнеса и некоммерческими организациями; отсутствие мониторинга комфортности проживания в городе, социального настроения граждан и качества жизни населения и др.);

несогласованность программных документов (несистемное применение всех разрабатываемых в городе видов стратегических документов (стратегия, генеральный план, бюджетный план города); несогласованность городских программ, что обуславливает дублирование предпринимаемых мер, рассеивание финансовых средств и невыполнение программных мероприятий из-за ограниченности ресурсов;

несовершенство методологии и законодательного регулирования процесса стратегического планирования (отсутствие нормативной базы стратегического планирования развития муниципального образования; отсутствие конкретных механизмов, обеспечивающих открытость процесса планирования социально-экономического развития города; неединообразие в понимании терминов и понятий, касающихся стратегического управления городом и др.);

недостаток финансовых средств (зависимость от трансфертов из вышестоящих бюджетов и резкое сокращение объемов финансирования государственных программ).

Помимо указанных, следует указать на проблемы, связанные с организацией процесса стратегического планирования во многих городах. Суть их состоит в распространенной практике перекладывания задач разработки стратегий на коммерческие консалтинговые фирмы. Сам по себе факт привлечения к разработке стратегии специализированных профессиональных организаций вполне оправдан и может приветствоваться, однако при неправильной организации такой путь может оказаться бесполезной тратой бюджетных средств. Подробный анализ организации такого процесса представлен в статье О.И.Столярова [6], где отмечены следующие ошибки:

при формировании технического задания на разработку стратегии (недостаточное включение в техническое задание задач стратегического планирования в области образования, здравоохранения, социальной защиты и жилищно-коммунального хозяйства, в пользу экономических задач, определения конкурентных позиций основных предприятий, что приводит к практической недостижимости цели повышения качества жизни населения);

* Большинство докладов, представленных на Форуме, размещены для свободного доступа на его интернет-сайте. Режим доступа: www.forumstrategov.ru

при организации разработки стратегии (в качестве фактического заказчика стратегии выступает тактическое подразделение администрации, беря на себя только функции поставщика информации, устранившись, наряду с первыми руководителями, из процесса стратегического планирования);

при приемке стратегии (заказчик становится в позицию критики проекта стратегии, а не конструктивных предложений);

в организации реализации стратегии (заказчик ограничивается функциями мониторинга, отсутствуют комплексные программы развития, увязанные со стратегией).

В результате подобной организации вместо процесса стратегического планирования, который призван наладить координацию и консолидировать усилия органов местного самоуправления, бизнеса и городского сообщества, порождаются конфликты интересов, а сам документ стратегического планирования, подготовленный кулуарно, ложится на полку. Как показывают лучшие практики стратегического планирования, важнейшими условиями действенности и реализуемости разрабатываемых стратегий является привлечение в этот процесс как можно более широкого круга заинтересованных в развитии города сторон, неформальное общественное участие. Такой подход будет способствовать формированию института городского сообщества, которое отличается от населения (как статистической совокупности проживающих людей) наличием у каждого жителя и у всех жителей, вместе взятых, чувства принадлежности месту проживания, сознания своего права и возможностей влиять на ход жизни в нем и ответственности за него.

Принцип широкого общественного участия в стратегическом планировании может вызвать подозрения высоких транзакционных издержек его использования. Однако альтернатива ему – бесполезность кулуарной стратегии.

Ценность расширения участников стратегического планирования и разносторонней координации была подчеркнута в заключительном документе (рекомендациях) IX Общероссийского форума "Стратегическое планирование в регионах и городах России" 2010 г. В преамбуле этого документа отмечен путь модернизации стратегий с использованием опыта развитых стран, где «центр тяжести смещается от плана как документа к планированию как процессу. Ключевым результатом этого процесса является не документ планирования, а улучшение координации участников, развитие сетевых взаимодействий, распространение и масштабирование лучших практик, развитие потенциала. ... От эффективного сотрудничества выигрывают все участники взаимодействия»*.

Хотя, как здесь отмечено, более важным следует рассматривать не итоговый документ стратегического планирования, а сам процесс, то насколько он выражает истинные интересы и цели городского сообщества, тем не менее, представляет интерес оценить, насколько широко уже применяются документы стратегического планирования в управленческой практике городов. В качестве примера нами рассмотрена выборка наиболее крупных городов (с численностью населения более 40 тыс. чел.) субъектов Российской Федерации, полностью относящихся к районам Крайнего Севера (табл.).

Для городов Крайнего Севера актуальность разработки и реализаций стратегий социально-экономического развития обусловлена рядом дополнительных факторов по сравнению с муниципальными образованиями, расположенными в экономических центрах и благоприятных природно-климатических условиях. Это связано, во-первых, с особенностями структуры экономики (как правило, природно-ресурсного профиля с естественными ограничениями возможностей диверсификации); во-вторых, с повышенными расходами местных бюджетов на обеспечение жизнедеятельности, социального обслуживания населения в условиях хронического недостатка средств; в третьих, с более острыми демографическими проблемами, а также с рядом других факторов [7, с.20-23].

Как видно из приведенных в таблице данных, почти во всех городах рассматриваемой выборки принят или находится в разработке тот или иной документ стратегического планирования. В большинстве городов (12 из 21) такие документы приняты в 2009-2010 гг., а первой стратегия была утверждена в г.Апатиты Мурманской области еще в 2002 г.

* Рекомендации IX Общероссийского форума "Стратегическое планирование в регионах и городах России" (Санкт-Петербург, 18-19 октября 2010 г.). Режим доступа: <http://www.forumstrategov.ru/upload/documents/recommendations.pdf>

Города Крайнего Севера России с численностью населения от 40 до 100 тыс. человек
и документы их стратегического планирования

№ п/п	Регион, город, тип муниципального образования	Численность населения на 01.01.2010г., тыс. чел.	Наименование документа стратегического планирования	Утверждающий документ
1	2	3	4	5
1	Магадан, ГО	99.0	МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ Стратегический план (Концепция стратегического развития) г.Магадана до 2020 г.	Утверждено решением Магаданской городской думы от 19.10.2007 г. № 63-Д
2	Нерюнгри, МР	63.2	РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ) Целевая программа «Социально-экономическое развитие МО «Нерюнгринский район» РС (Я) на 2007-2011 гг. и основные направления до 2015, 2020 г.	Утверждена на 34-й сессии депутатов Нерюнгринского района, 2006 г.
3	Салехард, ГО	42.5	ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ Стратегия социально-экономического развития г.Салехарда на 2007-2012 гг. и до 2020 г.	Утверждена решением Городской думы от 16 апреля 2007 г. № 10
4	Надым, ГП	47.3	Стратегия социально-экономического развития муниципального образования г.Надым до 2020 г.	Собранием депутатов от 10 июня 2010 г. № 116 были назначены публичные слушания (о принятии данных нет)
5	Воркута, ГО	71.4	РЕСПУБЛИКА КОМИ Концепция развития социально-экономического развития городского округа «Воркута» на 2010-2015 гг. и на период до 2020 г.	Разработана и заслушана 25.11.2010 г. на Городском совете депутатов
6	Печора, МР	46.1	Концепция социально-экономического развития муниципального образования муниципального района «Печора» на период до 2020 г.	Утверждена Администрацией муниципального района «Печора» 19 октября 2010 г. № 1885
7	Инта, ГО	38.1	Концепция социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Инта» на 2010-2015 гг. и на период до 2020 г.	Утверждена Советом МО ГО «Инта» в 2010 г.
8	Усинск, ГО	43.6	Концепция социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Усинск» на 2011-2015 гг. и на период до 2020 г.	Утверждена на 11 сессии Совета МО ГО «Усинск» от 14.10.2010 г.
9	Апатиты, ГО	61.6	МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ Стратегия социально-экономического развития г.Апатиты	Утверждена решением Апатитского городского Совета народных депутатов № 106 от 19.12.2002 г.
10	Североморск, ГО	53.5	Программа социально-экономического развития ЗАТО г.Североморск на 2011-2015 гг.	Нет данных
11	Мончегорск, ГО	48.1	Разрабатывается комплексный план развития в рамках федеральной программы поддержки моногородов	-
12	Котлас, ГО	59.0	АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования "Котлас" до 2030 г.	Постановление и решение 21 сессии Совета депутатов от 16 сентября 2010 г.
13	Новодвинск, ГО	42.0	Разрабатывается комплексный план развития в рамках федеральной программы поддержки моногородов	По распоряжению губернатора Архангельской области от 12.04.2010 г. № 374

1	2	3	4	5
14	Коряжма, ГО	42.6	Программа социально-экономического развития муниципального образования «Город Коряжма» на 2003-2005 гг.	Решение Городской думы от 28.08.2003 г. № 260
			ХАНТЫ-МАНСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ	
15	Когалым, ГО	59.2	-	-
16	Нягань, ГО	56.5	Стратегический план развития муниципального образования г.Нягань на период до 2020 г.	Утвержден 18 октября 2010 г. на 55 внеочередном заседании Думы г.Нягань
17	Радужный, ГО	47.8	Программа социально-экономического развития города Радужный на 2010-2015 годы	Утверждена решением Думы города от 29.10.2009 г. № 633
18	Мегион, ГО	57.9	Стратегия социально-экономического развития г.Мегиона и поселка городского типа Высокий на период до 2020 г.	Утверждена решением Думы г.Мегиона от 26.11.2010 г. № 84
19	Пыть-Ях, ГО	41.4	Программа социально-экономического развития муниципального образования городской округ г.Пыть-Ях на 2010-2015 гг.	Утверждена решением Думы г.Пыть-Яха от 16.06.2010 г. № 551
20	Лангепас, ГО	42.2	Стратегия социально-экономического развития МО городской округ г.Лангепас до 2020 г.	Разработана и утверждена 17.12.2009 г.
21	Урай, ГО	43.2	Стратегия социально-экономического развития муниципального образования г.Урай на 2004-2010 гг.	Утверждена решением Думы муниципального образования г.Урай от 22 апреля 2004 г. № 18

ПРИМЕЧАНИЕ. ГО – городской округ, ГП – городское поселение, МР – муниципальный район.

Обращает на себя внимание идентичность названия и синхронность принятия документов стратегического планирования в Республике Коми. Это объясняется тем, что разработка концепций социально-экономического развития муниципальных образований здесь была организована в соответствии с распоряжением Правительства Республики Коми от 18.06.2010 г. № 260-р и с учётом методических рекомендаций Министерства экономического развития Республики Коми. Решение о разработке концепций развития муниципальными образованиями впоследствии контролировалось руководством республики. Так, на заседании координационного совета по вопросам местного самоуправления 12 ноября 2010 г., которое провел глава Республики Коми, было принято решение, обязывающее все муниципальные районы и города утвердить концепции развития до 1 января 2011 г.* Кроме того, на этом заседании были подвергнуты критике многие, уже разработанные концепции, которые не соответствовали требованиям, предъявляемым к стратегическим документам. Подверглась критике также низкая публичность разработки концепций, которые нередко даже не доводились до сведения населения.

Активная позиция правительства Республики Коми, вызванная желанием ускорить внедрение методов стратегического управления в практику работы муниципальных образований понятна. Вместе с тем, предъявляемые требования по форсированию этого процесса вряд ли оправданы, поскольку не создают условий для возможности вовлечения в процесс стратегического планирования широкого круга участников и в целом местного сообщества, что, как было показано выше, является важнейшим условием результативности стратегического планирования.

По всей вероятности, определенное влияние на распространение представления о стратегии развития территории в узкой трактовке, при которой может недооцениваться роль общественного участия при ее разработке, т.е. как документа преимущественно органов власти, оказал нормативный документ Минрегионразвития РФ «Требования к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации»**. В этом документе стратегия определена как «система мер

* «Муниципалитеты Коми должны утвердить концепции социально-экономического развития до 1 января 2011 года». Сообщение Информационного агентства «Коминформ» 12.11.2010. Режим доступа: <http://www.komiinform.ru/news/72387/>

** Утверждены приказом Министерства регионального развития РФ от 27 февраля 2007 г. № 14.

государственного управления, опирающихся на долгосрочные приоритеты, цели и задачи политики органов государственной власти». Возможность узкой трактовки не способствует повышению значимости стратегии развития территории, которая должна быть, прежде всего, документом общественного согласия. Цели и приоритеты стратегии должны разделяться всем региональным (местным) сообществом и служить ориентирами его согласованной деятельности, а не быть руководством к действию только для органов государственной власти. Соответственно разработка и реализация стратегии в таком, более широком понимании, предполагает необходимость активного участия всех заинтересованных представителей местного сообщества.

Таким образом, предварительная оценка практики распространения технологий стратегического управления в развитии территорий показывает, что к настоящему времени в стране достаточно широко применяется одна из его начальных составляющих – стратегическое планирование. Долгосрочные стратегии социально-экономического развития разработаны и приняты почти во всех субъектах Федерации, идет активное распространение документов стратегического планирования на уровне городов и муниципальных районов. Вместе с тем, остается еще немало проблем полноценного применения управленческих инструментов стратегического планирования. Не решены пока вопросы нормативно-правового, методического и экономического обеспечения процесса внедрения стратегического планирования в практику управления развитием регионов и городов. Не преодолен формальный подход, когда игнорируются такие важнейшие условия эффективности стратегического планирования, как публичность данного процесса, необходимость привлечения широкого круга участников и налаживания конструктивного взаимодействия между ними для совместного поиска механизмов достижения стратегических целей развития.

Литература

1. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / под ред. Д.С.Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина; ООН РАН, НИМБ. М.: Экономика. 2004. 605 с.
2. Управление современным городом: направленная модернизация / Т.В.Ускова, Н.В.Нестеров; под ред. В.А.Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 196 с.
3. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2010. № 1(25). С.44-49.
4. Российские и мировые тенденции и тренды в сфере стратегического территориального планирования городов, агломераций и регионов. Режим доступа: http://glava.perm.ru/upload/pages/1005/Rossijskije_i_mirovyje_tendencii_i_trendy_v_sfere_strategichesk.pdf
5. Богавеева Р. Стратегическое планирование развития крупных городов: основные принципы // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 5. С.73-79.
6. Серова Н.А. Институциональные ограничения формирования и реализации социально-экономической политики в городах Севера России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 32(89)ноябрь. С.20-23.
7. Столяров О.И. Стратегия развития муниципального образования: типовые ошибки заказчика. Режим доступа http://www.megacities.ru/analitika/index.php?ELEMENT_ID=1025

3. ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРА

О НЕОБХОДИМОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКОВ НЕФТЕПРОДУКТОВ В РОССИИ: ОПЫТ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

А.А.Биев

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы обеспечения устойчивости российского внутреннего рынка нефтепродуктов (моторного топлива). Предпринята попытка обобщения соответствующего опыта федеральных и региональных органов управления на территориях нескольких российских северных регионов по преодолению последствий, так называемого, «бензинового кризиса», произошедшего в 2011 г. Материалы подготовлены при поддержке гранта Министерства образования и науки по ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013гг., № 2012-1.2.1-12-000-3002-007, "Формирование стратегических приоритетов развития Российской Арктики".

Ключевые слова: Россия, Север, рынки нефтепродуктов, кризис

ON THE NECESSITY OF TRANSFORMATION OF ECONOMIC-ORGANIZATIONAL MECHANISMS OF REGULATING OIL PRODUCTS MARKETS IN RUSSIA; EXPERIENCE OF NORTHERN REGIONS

A.A.Biev

PhD (Economics), senior researcher
Luzin Institute for Economic Sciences, KSC of RAS

Abstract. The article is devoted to the problem of ensuring sustainability of the domestic oil products (engine fuel) market in Russia. The work attempts to generalize the experience of federal and regional authorities in several Russian regions to overcome the "gasoline crisis" consequences taken place in 2011. The research is supported by the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the federal target program «Scientific and pedagogical staff of innovational Russia» for the period 2009-2013, No. 2012-1.2.1-12-000-3002-007, «Formation of strategic priorities for the Russian Arctic development»

Keywords: Russia, North, oil products markets, crisis

Произошедший в апреле-мае 2011 г. в России топливный кризис выявил очередной сбой системы региональных систем нефтепродуктообеспечения (снабжения моторным топливом). Применявшиеся тогда меры по его преодолению и его ближайшие двухлетние последствия свидетельствуют о том, что процесс модернизации российского внутреннего рынка нефтепродуктов и обслуживающих его подсистем продолжается и пока далек от своего завершения. В общем виде основные причины снижения устойчивости внутреннего рынка моторного топлива были сформулированы В.Путиным, бывшем в 2011 г. Председателем Правительства РФ. Он считает, что сложности, возникшие тогда в ряде регионов с поставками нефтепродуктов, носили системный характер. Прежде всего, они были связаны с формированием «диспаритета между добычей, производством и поставками нефтепродуктов на внутренний рынок», «происходящими изменениями в структуре производства и потребления нефтепродуктов», «нехваткой производственных мощностей вторичной нефтепереработки» [1]. Некоторыми специалистами считается, что возникновение такой ситуации на рынке именно моторного топлива далеко не случайно, так как только здесь, в отличие от рынка потребителей котельно-печного топлива, на протяжении последних десяти лет происходит устойчивое, а иногда почти ажиотажное возрастание спроса, которое ростом внутренних цен не останавливается, а, наоборот, только усиливается. Это свидетельствует, с одной стороны, о продолжающейся монополизации и слабой применимости к национальным и региональным энергетическим подсистемам принципов исключительно рыночного регулирования, с другой –

о необходимости дальнейшего совершенствования экономико-организационных и законодательных механизмов внутреннего рынка топливных поставок.

Среди всех российских регионов наибольшие трудности в организации регулярных поставок, а также последовавшие за ними активные меры местных органов власти к сдерживанию роста цен на энергоносители отмечались в Алтайском крае, Республике Тыва, Иркутской, Мурманской, Архангельской, Сахалинской областях, Камчатском крае, С-Петербурге. Ожидание появления и развития ситуации острой нехватки нефтепродуктов в тех субъектах Федерации, где в территориальной организации производства отсутствует сфера нефтегазодобычи и переработки, было вполне закономерным. Однако внезапное возникновение недостаточного предложения на рынке автомобильных бензинов в Ярославской или, например, Иркутской области, где успешно функционируют крупные предприятия отечественного ТЭК, является нехарактерной тенденцией. Это дает повод к рассуждениям о том, что развитие рыночной инфраструктуры и совершенствование организационных механизмов сферы регионального нефтепродуктообеспечения становятся задачами не менее важными, чем вопросы расширения территориального топливно-энергетического производства и транспортно-энергетических систем.

Действительно, задача построения конкурентных отношений в сфере регионального нефтепродуктообеспечения в последние годы приобретает первостепенное значение. Но решение ее происходит, на наш взгляд, не поступательно, а в обратном направлении. Например, 2010 г. более чем в 50 субъектах Федерации доля крупнейших вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК), в рознице превышала 35%. В каждом третьем регионе она составляла 50-60%. Крупнейшая российская нефтяная компания «Роснефть» доминировала в 15 регионах, ОАО «ЛУКОЙЛ» – в 11, «Сургутнефтегаз» – в 4, «ТНК-ВР» и «Газпромнефть» – доминировали в 3 регионах каждая. Независимые участники рынка доминировали в 20 регионах [2]. Если сравнивать динамику разделения внутреннего рынка по сравнению с 2008 г., то закрепление региональных рынков за российскими ВИНК за 3 года существенно усилилось. В 2008 г. крупнейшие компании удерживали ключевые позиции в 49 регионах, из них «Роснефть» контролировала рынки в 14 субъектах Федерации, «ЛУКОЙЛ» – в 9 (по данным Федеральной антимонопольной службы в 2008 г.) [3].

На Севере РФ достаточно широко представлены независимые структуры мелкооптовой и розничной продажи нефтепродуктов со значительными долями рынка (свыше 5%). Они практически монополично работают как минимум в 5 регионах (Республика Саха (Якутия), Республика Тува, Магаданская область, Камчатский край, Чукотский АО), но практически все они занимаются закупками топлива у одного крупнейшего оптового поставщика, и с точки зрения закупочной логистики являются зависимыми. Наиболее масштабные поставки нефтепродуктов для нужд потребителей северных субъектов Федерации осуществляют 4 вертикально интегрированные компании. В 10 северных субъектах Федерации лидирующие позиции на крупнооптовом рынке моторного топлива принадлежат ОАО «НК «Роснефть». Ведущая роль в региональном нефтепродуктообеспечении за этой компанией удерживается в наиболее проблемных с точки зрения топливной логистики северных регионах – республиках Тува, Саха (Якутия), Магаданской и Сахалинской областях, Камчатском крае и др. Второй по значимости своего влияния на топливных рынках северных территорий является ОАО «ЛУКОЙЛ». Оно также осуществляет поставки на постоянной основе в направлении северных регионов, за исключением рынков Восточной Сибири и Дальнего Востока. Основной зоной рыночного присутствия «ЛУКОЙЛА» являются регионы Северо-Западного федерального округа (СЗФО), Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО), Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) – территорий, куда традиционно поставляется продукция наиболее близкорасположенного Ухтинского нефтеперерабатывающего завода (НПЗ). Нефтепродукты, производимые и поставляемые ОАО «ТНК-ВР Холдинг», реализуются на Севере, в основном, в 3 регионах (Республика Карелия, ХМАО, ЯНАО). ОАО «Газпромнефть» доминирует на рынках Центральной Сибири, Республики Саха (Якутия), ХМАО И ЯНАО.

В связи с усилением монопольного влияния крупнейших российских компаний на внутреннем рынке газа, нефти и нефтепродуктов Президентом В.Путиным в своем послании Федеральному собранию 10 мая 2006 г. была напрямую озвучена необходимость организации продаж нефтепродуктов на внутреннем рынке с использованием механизма биржевых торгов. Считалось, что это приведет к оптимизации логистической цепи поставок, сокращению числа контрагентов, задействованных в схемах завоза, гарантированному обеспечению условий сделок купли-продажи их участниками, большей прозрачности процессов формирования стоимости и конечного ценообразования на региональных рынках. Цены биржевых торгов в соответствии с Налоговым

кодексом РФ признаются рыночными и соответственно наиболее справедливыми. Но, как показывает практика прошедших 6 лет, внедрение данного рыночного механизма и запуск торговли на 3 специализированных биржевых площадках пока не приносит ожидаемых результатов. В 2011 г. только 8 компаний участвовало в торгах, организуемых на площадке Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой биржи (ЗАО «СПбМТСБ»), которая этим же нефтяным компаниям и принадлежит. В ходе продаж эксперты Федеральной антимонопольной службы (ФАС) неоднократно отмечали применение, так называемых, «адресных сделок» между аффилированными структурами ВИНК [4]. Нефтепродукты, выставяемые на торги, быстро скупались другими крупными нефтяными компаниями, происходило «отсечение» независимых трейдеров и сетей независимых АЗС. Мелкие региональные потребители, если они вообще допускались к участию в торгах (например, стоимость участия и прямого доступа к торгам на СПбМТСБ в 2010 г. составляла порядка 3 млн руб., помимо этого, необходимо было несколько раз пройти аккредитацию), были вынуждены закупать продукцию нефтеперерабатывающих заводов ВИНК в условиях сокращения предложения [5]. Недостаточный объем предложения приводил к росту цен, что давало региональным сбытовым филиалам, входящих в ВИНК, лишний повод увеличивать оптовые цены для независимых АЗС, в том числе со ссылкой на цены неконкурентных биржевых торгов [6].

Несмотря на вышеуказанные особенности формирования отечественного биржевого механизма, по мнению Правительства РФ, сила воздействия этого инструмента на внутренний рынок вполне достаточна (в 2011 г. объем биржевых торгов нефтепродуктами был способен удовлетворить около 10% внутреннего рынка), но существует необходимость дополнять его другими средствами стимулирования рыночного спроса и предложения. Стимулировать спрос предполагалось также и за счет государственного финансирования. В первой половине 2011 г. в Правительстве и Государственной думе активно обсуждалась инициатива перевода сферы государственных закупок нефтепродуктов с электронных на биржевые торговые площадки [7]. Таким образом, не менее половины от общего объема нефтепродуктов для организаций, финансируемых из бюджетных источников, в том числе финансируемых по программе «северного завоза», должна была приобретаться на одной из трех биржевых торговых площадок. Позднее вице-премьер И.Сечин своей рекомендацией в целях роста ликвидности торгов и выработки единых ценовых индикаторов «сократил» предлагаемый список бирж до одной (ЗАО «СПбМТСБ»).

Для усиления других инструментов рыночного регулирования, в частности, формирования адекватного существующим потребностям отечественной экономики рыночного предложения Правительство совместно с Федеральной антимонопольной службой и Министерством энергетики также разрабатывало ряд направлений по наращиванию устойчивости национального рынка нефтепродуктов. В этом ряду особо выделялась необходимость создания «...независимого переработчика, создание или покупка на рынке нефтеперерабатывающих мощностей», которые можно было бы использовать для процессинга нефти для малых и средних компаний, «для тех, кто не имеет вертикальной структуры своего акционерного капитала» (И.Сечин, май 2011г.). Одной из причин проблемы поставок моторного топлива, возникших на рынках ряда северных и «несеверных» регионов в 2011 г., принято считать искусственно созданный дефицит в тех субъектах Федерации, где значительную долю рынка мелкооптовых и розничных поставок нефтепродуктов занимают не входящие в интегрированные компании поставщики. Они представляют собой сбытовые структуры, занимающиеся закупкой топлива у крупных компаний, завозом его в регион и мелкооптовой (розничной) перепродажей. По утверждению заместителя министра энергетики РФ (С.Кудряшов, 2011 г.), «... в основном, в этих регионах и возникли наибольшие сложности» [8]. Появление проблем надежности и регулярности внутренних поставок обусловлено отсутствием у независимых предприятий выбора различных вариантов источника закупок. Того же мнения придерживалась экс-министр экономического развития Э.Набиуллина: «Я считаю, что наряду с ВИНК на рынке должны быть независимые нефтеперерабатывающие заводы. Сегодня, на наш взгляд, текущую ситуацию с бензином можно регулировать оперативными мерами. Но чтобы кризисы не повторялись, нужно развитие конкуренции в широком смысле слова» [9]. Вопрос о реализации данного направления уже рассматривался в 2009 г., однако дальнейшего разрешения тогда не получил. Первым предприятием, способным стать основным источником целевых поставок нефтепродуктов для обеспечения продаж независимых торговых структур, по мнению экспертов, мог быть один из активов ОАО «Руснефть» (АФК «Система») – оренбургский завод «Орскнефтеоргсинтез». Предполагалось, что в 2012 г. данное предприятие войдет в состав государственного концерна ОАО «Роснефтегаз» и основным источником поставок нефти для него станет также входящая в данный концерн «Роснефть». Таким

образом, проблема создания независимого переработчика была бы решена за счет государства, но остается непонятным, каким образом развитию конкуренции на региональных топливных рынках способствовала бы перспективная зависимость от поставок нефти компанией, заинтересованной в дальнейшем переделе рынков и имеющей прямой интерес в получении от этого процесса коммерческой прибыли. В любом случае продажа «Орскнефтеоргсинтеза» «Роснефтегазу», как планировалось в 2011-2012 гг., так и не состоялась. Поэтому Минэнерго и Минэкономразвития рассматривались и другие альтернативы, в том числе вариант не приобретения, а строительства совершенно нового предприятия, контроль над функционированием которого не будет находиться в единоличном ведении одной структуры, пусть даже и государственной.

Автору представляется, что в аспекте поиска путей оптимизации сферы поставок нефтепродуктов в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока, разрешения существующих там проблем энергодефицита привлечение независимого нефтеперерабатывающего предприятия, расположенного на юге России, наоборот, только усложнило бы транспортные схемы организации завоза, тем более, что для этих целей оно и не предназначалось. В целях достижения территориальной энергетической безопасности и надежности снабжения потребителей зоны Севера и Арктики РФ совершенствование существующей системы топливно-энергетического обеспечения должно идти здесь классическим путем, то есть за счет приближения центров производства к центрам потребления и развертывания энергопроизводства на самих северных территориях.

Таким образом, помимо вопросов совершенствования организационно-законодательных и административных механизмов регулирования внутреннего рынка, высокую перспективность представляет собой направление развития местного энергетического производства. Принято считать, что сокращение «транспортного плеча» перевозок приводит к снижению доли транспортной составляющей в конечной стоимости поставок нефтепродуктов. В связи с этим, например, заслуживает пристального внимания положительный опыт регионального руководства и коммерческих структур Кемеровской области (ЗАО «Нефтехимсервис», ООО «ХК «Кем-Ойл»)), где достаточно успешно реализуются проекты строительства формально независимого от крупнейших нефтяных компаний комплекса нефтепереработки (НПЗ в Яйском и Анжеро-Судженском районах Кемеровской области). В ЯНАО то же направление разрабатывало ООО «Пурнефтепродукт», возведя в конце 2007 г. собственный малый комплекс нефтепереработки, вынужденное, таким образом, решать задачу снижения зависимости от ценовой политики своих поставщиков.

Идея создания в приарктической зоне России достаточно крупного предприятия нефтепереработки, способного покрыть внутренние потребности региона в нефтепродуктах, поставлять свою продукцию в другие северные регионы по программе «северного завоза» с использованием трассы Северного морского пути и одновременно участвовать в экспортных поставках, тоже появилась сравнительно давно. Примерами таких проектов являются планы создания объектов нефтепереработки в Мурманской области, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области и других. Вследствие традиционно базовой роли Мурманской области в обеспечении поставок по Северному морскому пути и выгодного транзитного расположения наиболее масштабные проекты предлагались к реализации в данном регионе. В числе разработчиков были как крупные интегрированные (ОАО «ЛУКОЙЛ», «Газпром»), так и независимые компании (ООО «Гамма Север», ЗАО «Корпорация Синтез»), тем не менее, до стадии начала возведения производственных объектов федеральными и территориальными надзорными органами региона ни одна компания допущена не была [10].

В целом, практика преодоления последствий сбоя в организации региональных поставок нефтепродуктов свидетельствует о том, что роль органов федеральной и региональной власти в качестве посредника между потребителями и производителями энергоресурсов в применяемой схеме управления подсистемами организации поставок топливных ресурсов и регулирования региональных топливных рынков в России остается неизменной. В условиях хозяйствования российских северных территорий она еще более усиливается. Реализация посреднической функции государства происходит при участии государственных нефтегазовых корпораций. В целом ряде северных регионов государственные компании ОАО «НК «Роснефть» и ОАО «Газпромнефть» используются как инструменты сохранения устойчивости сложившейся системы топливных поставок. С точки зрения рядового потребителя именно они, а не независимые поставщики являются гарантом бесперебойности снабжения нефтепродуктами региона. Примеры использования посреднических усилий государственных и региональных органов власти во взаимодействии с крупнейшими хозяйствующими субъектами при преодолении последствий сбоя систем

регионального нефтепродуктообеспечения достаточно широко известны. Ситуации, подобные событиям апреля-мая 2011 г., происходили в России и ранее (Московская область, Центральный регион, август-июнь 1997 г.; С.-Петербург, апрель 1999 г., Камчатский край, декабрь 2007 г.; Иркутская область, апрель-июнь 2008 г. и т.д.). В конечном итоге общая последовательность шагов по преодолению региональными органами власти различных последствий как «бензиновых», так и «мазутных» кризисов, приводила лишь к укреплению позиций изначально доминирующих на региональных рынках нефтепродуктов крупных интегрированных компаний. А увеличение на рынке доли независимых компаний вовсе не становилось гарантией роста предложения и стабилизации цен на топливо. Например, в 2011 г. одним из северных регионов, где ситуация с поставками моторного топлива была наиболее напряженной, стала Республика Тыва. На территории республики отсутствуют сбытовые филиалы крупных нефтегазовых компаний, поэтому основное снабжение осуществляется независимыми коммерческими структурами. Закуп топлива производится предпринимателями Республики Тыва у оптовых поставщиков – предпринимателей, юридических лиц Республики Хакасия и Красноярского края. Региональные поставщики не смогли в условиях возникновения дефицита бензина напрямую выступить субъектами отношений с крупными нефтеперерабатывающими заводами. Экстренно и самостоятельно организовать такую схему доставки оказалось не под силу ни одному из операторов республиканского рынка нефтепродуктов. В результате оптовые партии бензина доставлялись компаниями ОАО «Роснефть», «Газпромнефть», «Башнефть», «Газпромгазэнергосеть» под гарантии правительства республики. Цены на поставляемое топливо также регулировались местными органами власти. Финансирование закупок и транспортировки осуществлялось за счет специального резервного фонда правительства республики. По итогам решения проблемы топливного кризиса властями Республики Тыва была выдвинута инициатива о создании на ее территории регионального оптового и сбытового звена с финансовым и организационным участием правительства Тувы, а также формирования регионального топливного резерва. Аналогичные меры предприняло руководство Сахалинской области, где в мае и декабре 2011 г. наблюдался дефицит топлива на региональных автозаправочных станциях и последовавший за ним рост розничных цен. В декабре 2011 г. – январе 2012 г. в результате одновременного выведения на внеплановый ремонт парома Ванино (Хабаровский край) – Холмск (о. Сахалин) и роста экспортной загрузки Дальневосточной железной дороги на острове в очередной раз возникли перебои в снабжении моторным топливом. ОАО «Роснефть» было вынуждено дополнительно завозить танкерами нефтепродукты на Сахалин без участия в схеме поставки железнодорожной транспортировки. Правительством региона для повышения надежности снабжения Сахалинской области был разработан и согласован с «Роснефтью» ряд дополнительных инициатив. Среди них – увеличение на острове объемов топливных хранилищ компании, а также создание дочерней структуры «Роснефти» в регионе – ОАО «Роснефть-Сахалиннефтепродукт». Кроме того, областная администрация предполагает формирование и использование специального областного топливного резерва, который будет использоваться для стабилизации товарного предложения и приостановки роста цен. Чтобы избежать монополизации рынка, правительство Сахалина намерено также дополнительно привлечь крупного оптового поставщика в лице НК «Альянс».

Осенью 2011 г. Правительство РФ начало реализацию программы по резервированию нефтепродуктов для предотвращения топливных кризисов. Основным исполнителем данного государственного проекта вновь должно было стать ОАО «Роснефтегаз». Для накопления резерва, включающего в себя светлые нефтепродукты (автомобильные бензины, дизельные топлива и авиакеросины), им были заключены контракты на закупку топлива с компаниями «ТНК-ВР», «ЛУКОЙЛ» и «Газпромнефть». Общий объем резерва, по оценке Минэнерго, должен составить около 2 млн т, что составляет примерно 2.2% от национального годового потребления. Для создания резерва указанных нефтепродуктов по действующим на тот момент оптовым ценам понадобилось бы в общей сложности более 56 млрд руб. Источниками финансирования закупок должны были стать собственные средства компании, либо краткосрочные кредитные займы. Кроме резервуарного парка «Роснефтегаза», планировалось задействовать мощности по хранению ОАО «АК «Транснефтепродукт»».

Исходя из вышесказанного, альтернативным направлением разрешения проблемы надежности регионального снабжения нефтепродуктами (моторного топлива) стала идея формирования специальных федеральных и региональных резервов, которая получила широкое признание вплоть до самого высокого правительственного уровня. Эти резервы предполагалось использовать для товарной интервенции и выравнивания ценовых скачков в периоды, когда возникает ажиотажный

спрос, значительно превышающий существующее рыночное предложение. Спецификой северных территорий нашей страны является широкое использование в этих районах значительного количества накопительных и распределительных баз, которые теоретически могут быть использованы для этих целей [11]. Межнавигационные товарные резервы (в основном топливо) формируются на Севере практически в каждом регионе, где есть районы с ограниченной транспортной доступностью. Примером практического подхода в применении этих резервов может стать опыт организации системы централизованных топливных поставок в ЯНАО, где компанией «Ямалгосснаб» по согласованию с региональными органами власти ежегодно накапливается страховой резервный запас моторного и авиационного топлива (например, в 2010 г. он составил около 18 тыс. т различных видов нефтепродуктов).

С 1 января 2013 года в России введены в действие положения технического регламента «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и топочному мазуту», согласно которому в нашей стране запрещается производство топлива экологического класса ниже «Евро-3». В связи с этими изменениями в очередной раз высказываются опасения о возможном сокращении предложения на внутреннем рынке нефтепродуктов и возникновении новых «бензиновых кризисов». Правительством РФ предусматривается достаточно жесткий график перехода ТЭК страны на производство топлива высоких экологических стандартов (уже с 1 января 2016 г. планируется внедрение стандарта «Евро-5»), что означает возрастание организационных, технологических, финансовых и других рисков обновления производственного оборудования российских нефтеперерабатывающих предприятий, которые будут переложены на отечественного потребителя. Таким образом, продолжение медленного, но устойчивого роста цен на внутреннем рынке нефтепродуктов и колебаний товарного предложения представляется неизбежным.

Литература

1. ИА «ИТАР-ТАСС», 8 июля 2011 г. Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c1/181967.html>
2. Гудков А. Нефтяным компаниям не подзаправиться. Коммерсантъ 2011. № 167 (4708). 8 сент. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1768287>
3. ИА «Аи-92», 27 июня 2008 г. Режим доступа: http://www.ai92.ru/msg/20080627_8062708.html
4. ИА «БалтИнфо», 28 июля 2011 г. Режим доступа: <http://www.baltinfo.ru/2011/07/28/Birzham-nefteproduktov-ne-khvataet-prodavtcov--eksperty-219514>
5. Биржи нефтепродуктов: кошелек или механизм? // Oil. Эксперт. Режим доступа: http://www.oilexp.ru/news/russian_rinok/birzhi-nefteproduktov-koshelek-ili-mekhanizm/27447/
6. ИА «Sakh.com». ФАС вновь обеспокоена ситуацией на сахалинском рынке нефтепродуктов, 26 апреля 2011 г. Режим доступа: <http://www.sakhalin.info/>
7. ИА «РИА Новости», 17 февраля 2011 г. Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20110217/335181843.html>
8. Хасанов Т. Один честный нефтеперегонный завод на всю Россию // За рулем. 2022. № 2, июнь. Режим доступа: <http://www.zr.ru/a/323328/http://www.ancentr.ru/data/media/media4511.html>
9. Швед А. Лекарство от кризиса // ТЭК России: информационно-аналитический журнал. 2012. № 5. Режим доступа: <http://www.tek-russia.ru/>
10. Биев А.А. Региональный рынок нефтепродуктов Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 2(28). С.120-122.
11. Шпак А.В. Организация современной системы товародвижения в регионе: проблемы и возможности // Там же, 2009. № 3(24). С.87.

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В КОМПЛЕКСНЫХ ОЦЕНКАХ РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ СЕВЕРА РФ)

С.В.Баранов

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник
Институт экономических проблем им.Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассматривается проблема межрегиональной дифференциации. Приведены оценки этого феномена в регионах Севера России.* Определено, что проблема межрегиональной дифференциации регионов Севера по социально-экономическим составляющим развития остается острой. Констатируется, что для оценки проблемы неравномерности развития регионов следует использовать комплекс методов.

Ключевые слова: межрегиональная дифференциация, комплексные оценки, регионы, Север России

REFLECTION OF INTERREGIONAL DIFFERENTIATION IN COMPLEX EVALUATIONS OF REGIONS BY LEVEL OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT (CASE STUDY OF RF REGIONS)

S.V.Baranov

PhD (Physics and Mathematics), Senior researcher,
Luzin Institute for Economic Sciences, KSC of RAS

Abstract. The problem of interregional differentiation is considered. Evaluations of the phenomenon by regions of the Russian North are given. It is designated that the problem of interregional differentiation of northern regions by socio-economic components remains topical. It is stated that for evaluation of the problem of development unevenness a complex of methods should be used.

Keywords: interregional differentiation, complex evaluations, regions, Russian North

Проблема межрегиональной дифференциации является одной из базовых проблем регионального развития России. Ряд особенностей и неблагоприятных последствий усиления этого феномена неоднократно являлся предметом обсуждения теоретиков и практиков [1, 2]. При этом ряд авторов подчеркивают особую остроту проблемы для субъектов Севера России [2].

Частично проблема межрегиональной дифференциации отражается в комплексных оценках, наглядно отображающих ее размеры. Комплексные оценки традиционно занимают значительное место в региональных исследованиях. Это обусловлено удобством представления и использования обобщенного материала по каким-либо составляющим регионального развития. Цена этого удобства – потеря части информации исходных при агрегировании, что является специфическим свойством комплексных оценок. Таким образом, применение той или иной методики обуславливается в первую очередь мерой возможной и (или) допустимой ошибки результатов [3, 4].

Для исследований по северной проблематике комплексные оценки субъектов РФ важны для понимания места регионов Севера в социальных и экономических процессах, выявления долгосрочных тенденций и перспективной динамики регионов Севера. Необходимость подобного рода исследований диктуется нарастанием системных проблем Севера, определяющих необходимость возврата к практике признания регионов Севера особым объектом управления. Эти тезисы подтверждены нами в рамках работы над проектом гранта Минобрнауки по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., № 2012-1.2.1-12-000-3002-007 «Формирование стратегических приоритетов развития Российской Арктики» [5]. Особая острота проблемы дифференциации, в частности, для северных субъектов изучается нами в рамках работы над проектом Российского фонда фундаментальных исследований ««Эконометрическая оценка развития межрегиональной дифференциации в России и прогноз влияния ВТО на динамику процесса», № 13-06-00030.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00030 «Эконометрическая оценка развития межрегиональной дифференциации в России и прогноз влияния ВТО на динамику процесса»; гранта Минобрнауки по ФЦП Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, № 2012-1.2.1-12-000-3002-007 «Формирование стратегических приоритетов развития Российской Арктики».

Информационной базой комплексной оценки служили данные статистики, представленные в сборниках «Регионы России».

Базовые показатели оценки (используются во всех методиках, приведенных ниже): ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, стоимость основных фондов отраслей экономики на душу населения, доходы консолидированного бюджета на душу населения, отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму, процент населения с доходами выше прожиточного минимума, численность врачей на 10000 чел. населения, объем платных услуг на душу населения.

Типовая методика рейтинговой (комплексной) оценки регионов, применяемая как на уровне государственного управления, так и в ряде научных исследованиях, основана на, так называемой, методической схеме «по сумме мест показателей относительно среднего уровня» («среднее мест»).*

Сущность заключается в следующем:

1. Для каждого региона вычисляется разница мест, которые занимают его показатели и средние значения по этим показателям:

$$\text{BALL}(i)j = \text{RANG}(\text{RF})j - \text{RANG}(i)j,$$

где $\text{RANG}(\text{RF})j$ – ранг (место) среднего значения по j -му показателю; $\text{RANG}(i)j$ – ранг региона с номером i .

2. Затем комплексная оценка каждого региона вычисляется как среднее:

$$\text{ComplexBALL}(i) = (\text{BALL}(i)1 + \dots + \text{BALL}(i)n) / n,$$

где n – число используемых показателей.

Такое определение комплексной оценки позволяет судить лишь о том, какой регион имеет более высокое социально-экономическое развитие, а какой – более низкое относительно среднероссийского уровня. Задачу определения именно меры различий регионов данный подход не решает. Единственный «плюс» этой методики – наглядность результатов.

В таблице 1 приведены результаты расчетов рейтингов регионов Севера по «среднему мест», наилучшие позиции по используемым показателям стабильно демонстрируют: Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ненецкий автономные округа, наихудшие – республики Тыва, Карелия, Камчатский край.

На предшествующих этапах исследования была разработана авторская методика на основе метода главных компонент (МГК). Подробное описание авторской методики приведено в работе [6]. Методика по МГК позволяет количественно характеризовать «разрыв» между показателями.

В таблице 2, где приведены результаты комплексной оценки регионов Севера по этой методике, наилучшие результаты, причем с существенным «отрывом» от остальных регионов, стабильно демонстрируют: Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа. Наихудшие позиции в 2009-2010 гг. начинает демонстрировать Саха (Якутия), отгнав Тыву, Коми, Карелию, стабильно занимающие наихудшие позиции в предшествующие годы.

Приведем результаты оценки по индексу Джини (RDI). Анализ индексов указывает, что наибольшую вариацию в период 1998-2010 гг. ожидаемо демонстрируют показатели, характеризующие экономическую составляющую развития регионов Севера (табл.3):

- ВРП на душу населения;
- инвестиции в основной капитал на душу населения;
- стоимость основных фондов отраслей экономики на душу населения;
- доходы консолидированного бюджета на душу населения.

Необходимо обратить внимание на стабильный рост дифференциации по ВРП на душу населения – от 34 (1998 г.) до 54% (2010 г.).

Этим объясняется рост дифференциации по инвестициям в основной капитал на душу населения – от 55 в 1998 г. до 74% в 2010 г.

Кроме того, этим же объясняется значительный разброс показателей по экономическим составляющим регионального развития. Так, дифференциация стоимости основных фондов отраслей экономики на душу населения колеблется в пределах от 24 до 53%. Индекс Джини по доходам консолидированных бюджетов достаточно стабильно колеблется около отметки в 40%.

* Наиболее популярными методиками этого подхода считаются: методика СОПС, методика расчета комплексной оценки социально-экономического развития регионов, используемая в федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 гг. и до 2015 г.)».

Таблица 1

Рейтинги регионов Севера по методике «среднее мест» показателей

Регион	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Республика Карелия	-3.75	-2.88	-3.00	-3.63	-3.50	-4.38	-5.25	-4.75	-4.88	-6.13	-5.88	-6.13	-4.78
Республика Коми	-1.50	-1.75	-1.88	-1.38	-1.38	-1.88	-2.38	-1.63	-1.63	-2.38	-2.88	-3.25	-3.20
Республика Саха (Якутия)	-1.13	0.13	0.50	-0.38	-0.63	-0.75	-1.88	-1.75	-2.13	-2.13	-2.00	-1.50	-2.00
Республика Тыва	-7.75	-7.63	-7.75	-7.38	-7.25	-7.25	-7.88	-7.50	-7.75	-7.75	-7.50	-7.38	-7.08
Архангельская область	-5.25	-4.88	-4.50	-4.38	-4.13	-4.38	-4.13	-3.63	-4.13	-3.50	-3.00	-3.63	-4.09
Камчатский край	-2.00	-1.50	-1.63	-2.75	-3.63	-3.75	-4.88	-4.63	-4.88	-4.88	-5.00	-4.38	-4.96
Магаданская область	0.13	-0.13	-0.38	0.00	0.63	0.50	-0.13	-1.38	-1.13	-1.25	-1.00	-0.63	-0.98
Мурманская область	-1.75	-1.13	-2.00	-2.38	-3.13	-3.38	-3.63	-3.88	-3.50	-2.38	-2.25	-2.38	-3.20
Сахалинская область	-3.00	-1.50	-2.88	-3.25	-3.00	-2.88	-2.75	-1.25	-0.38	0.00	1.00	0.88	-1.23
Ненецкий АО	0.50	1.63	0.88	0.13	0.38	1.13	0.88	1.13	1.13	1.38	1.88	2.13	1.89
Ханты-Мансийский АО – Югра	3.00	3.38	3.13	2.75	2.75	2.25	1.38	2.38	2.13	2.38	2.50	1.38	2.09
Чукотский АО	1.13	1.25	1.00	0.13	1.38	1.75	1.25	2.50	1.50	1.13	1.75	2.38	1.96
Ямало-Ненецкий АО	3.63	3.25	3.00	3.50	4.00	3.75	3.13	3.38	2.88	2.75	3.13	3.25	3.67

Таблица 2

Комплексная оценка регионов по методу главных компонент

Регион	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Республика Карелия	-4.27	-5.10	-6.47	-4.80	-5.42	-6.07	-7.16	-8.08	-8.46	-8.79	-8.61	-8.42	-9.00
Республика Коми	-5.34	-10.13	-6.95	-8.37	-9.94	-10.71	-10.78	-9.52	-8.41	-10.06	-7.85	-8.50	-6.99
Республика Саха (Якутия)	-4.83	6.03	7.38	-6.88	-4.15	-4.62	-1.37	-3.46	-0.40	-1.71	-4.66	-10.71	-9.67
Республика Тыва	-10.57	-10.45	-9.96	-10.43	-10.52	-10.55	-10.84	-10.39	-10.09	-10.05	-8.60	-8.66	-8.70
Архангельская область	-5.81	-6.36	-4.11	-4.88	-5.47	-6.23	-5.11	-8.08	-9.44	-6.59	-5.44	-2.90	-3.20
Камчатский край	-4.35	-3.13	-5.59	-7.28	-7.57	-5.13	-1.22	-2.69	-3.36	-1.71	-6.26	-6.46	-5.54
Магаданская область	5.27	-6.57	-4.77	0.00	3.19	1.99	-7.47	-1.84	-2.01	-4.71	-3.30	-3.57	-4.09
Мурманская область	-6.40	-2.27	-5.78	-1.97	-1.30	-2.07	-1.82	-2.86	-4.97	-1.95	-2.03	-2.36	-1.97
Сахалинская область	-6.82	-6.03	-4.46	-2.98	-5.39	-5.35	-7.94	-7.14	-5.90	0.00	5.64	5.53	4.09
Ненецкий АО	10.80	9.98	10.33	10.75	10.89	10.90	10.80	10.21	10.81	10.99	10.88	10.49	9.85
Хатны-Мансийский АО - Югра	10.26	9.47	9.91	11.03	10.34	10.64	9.57	9.87	10.73	10.85	10.88	6.44	7.89
Чукотский АО	10.26	10.55	9.27	10.33	10.81	10.68	11.01	10.81	10.33	10.95	10.98	11.03	10.01
Ямало-Ненецкий АО	11.02	9.94	11.02	11.03	11.01	11.06	10.91	11.06	11.07	10.95	10.86	10.94	10.40

Таблица 3

Индекс Джини по показателям

Показатели	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
ВРП на душу населения	0.34	0.36	0.43	0.43	0.45	0.46	0.48	0.48	0.50	0.51	0.48	0.51	0.54
Инвестиции в основной капитал на душу населения	0.55	0.59	0.60	0.59	0.63	0.63	0.60	0.58	0.65	0.71	0.65	0.54	0.74
Стоимость основных фондов отраслей экономики на душу населения	0.29	0.24	0.32	0.46	0.50	0.47	0.47	0.51	0.51	0.48	0.53	0.53	0.50
Доходы консолидированных бюджетов	0.41	0.40	0.45	0.43	0.45	0.45	0.52	0.46	0.40	0.42	0.37	0.40	0.39
Отношение среднедушевых доходов населения к прожиточному минимуму	0.24	0.23	0.22	0.21	0.18	0.18	0.19	0.18	0.18	0.20	0.19	0.15	0.16
Количество населения с доходами выше прожиточного минимума, %	0.11	0.16	0.13	0.09	0.07	0.06	0.06	0.06	0.05	0.05	0.04	0.04	0.05
Численность врачей на 10 тыс. чел. населения	0.08	0.08	0.08	0.08	0.08	0.09	0.09	0.09	0.09	0.09	0.09	0.09	0.09
Объем платных услуг на душу населения	0.24	0.23	0.24	0.22	0.22	0.21	0.20	0.21	0.19	0.18	0.18	0.18	0.19

Что касается показателей, характеризующих развитие социальной составляющей развития, следует отметить ряд тенденций, считающихся позитивными.

1) устойчивое снижение различий по показателю «отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму» – от 24% (1998 г.) до 15-16% (2009-2010 гг.);

2) снижение различий по показателю «объем платных услуг на душу населения» – от 24% (1998) до 18% (2007-2009 гг.), в 2010 г. – 19%;

3) снижение различий по показателю «процент населения с доходами выше прожиточного минимума» – колебания от 16% (1999 г.) до 4-5% (2008-2010 гг.);

4) также позитивна устойчиво незначительная дифференциация по численности врачей на 10000 человек населения – 8-9% в течение всего исследуемого периода.

Подводя итоги, можно сделать два основных вывода: проблема межрегиональной дифференциации регионов Севера по социально-экономическим составляющим развития остается острой; для оценки проблемы неравномерности развития следует использовать комплекс методов.

Литература

1. Самарина В.П. Оценка неравномерности социально-экономического развития субъектов Центрально-Черноземного района // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 8. С.33-38.
2. Скуфьина Т.П. Социально-экономическая асимметрия регионов зоны Севера в общероссийском контексте // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12, № 11. С.35-38.
3. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Методические особенности и результаты исследования межрегиональной дифференциации // Север и рынок: формирование экономического порядка. - 2005. Т. 1. № 14. С.3-9.
4. Скуфьина Т.П. Проблемы измерения социально-экономического неравенства регионов Российской Федерации // Там же. 2007. Т. 2, № 18. С.160-170.
5. Скуфьина Т.П. Российская Арктика: фундаментальные проблемы социально-экономического развития и позиции исследований // Фундаментальные исследования. 2012. № 11-3. С.790-793.
6. Баранов С.В. Свойства методов определения положения регионов по уровню социально-экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 19. С.81-88.

ОСНОВОЙ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ ОСТАЕТСЯ ДОБЫЧА СЫРЬЕВЫХ РЕСУРСОВ

Т.А.Зубарева

старший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассмотрены и проанализированы вопросы экономической деятельности хозяйствующих субъектов северных регионов, которые подтверждают сырьевую направленность экономики этих регионов.

Ключевые слова: северные регионы, оборот, сырьевая направленность экономики, производительность труда по обороту

EXTRACTION OF RAW MATERIAL RESOURCES REMAINS THE BASIS OF NORTHERN REGIONS' ECONOMIES

T.A.Zubareva

Senior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, KSC, RAS

Abstract. Issues of activities of economic entities in northern regions confirming the raw material orientation of these regions' economies are considered and analyzed.

Keywords: northern regions, turnover, raw material orientation of the economy, labor productivity in terms of turnover

В данной статье в качестве северных регионов приняты те регионы, территория которых полностью относится к европейской и азиатской частям Российского Севера. Перед автором стояли задачи показать, что в экономике северных регионов по-прежнему преобладает сырьевая направленность; что производительность труда в северных регионах, рассчитанная по такому показателю, как оборот, превышает аналогичный показатель по России.

Одним из показателей экономической деятельности хозяйствующих субъектов является оборот. В оборот организаций включается стоимость отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами, а также выручки от продажи приобретенных ранее на сторону товаров (без НДС, акцизов и аналогичных платежей). Рассмотрим динамику оборота северных регионов за 2005-2011 гг. и его долю в обороте по России.

Анализ данных таблицы 1 показал, что самый большой оборот из северных регионов имеет Ханты-Мансийский автономный округ (далее ХМАО). Этот регион, как известно, является одним из основных разработчиков крупных месторождений углеводородного сырья в России. С 2005 по 2011 гг. оборот ХМАО вырос с 1793.0 до 3579.1 млрд руб., или в 2 раза. Вторым регионом по объему оборота является Ямало-Ненецкий автономный округ (далее ЯНАО), для которого так же, как и для ХМАО, основным видом экономической деятельности является добыча газа. Его оборот за исследуемый период увеличился с 496.1 до 1184.9 млрд руб., или в 2.4 раза. Следует отметить, что самый значительный рост оборота наблюдался в Сахалинской области. За семь лет этот показатель здесь вырос с 69.0 до 634.4 млрд руб., или в 9.2 раза, что также связано с тем, что драйверами экономического роста Сахалинской области сейчас и в ближайшие годы будут являться нефтегазовый, топливно-энергетический и рыбопромышленные комплексы. На втором месте по росту оборота среди северных регионов является Чукотский автономный округ, где в 2009 г. по сравнению с 2008 г. произошло почти трехкратное увеличение оборота. Основной составляющей в экономике этого округа является золотодобывающая отрасль, на долю которой приходится 44% в объеме промышленного производства региона. В 2009 г. округ вышел на второе место по добыче золота среди субъектов РФ. Резкий рывок в производстве золота и серебра здесь произошел благодаря началу добычи золота и серебра на уникальном месторождении Купол, где эти драгоценные металлы находятся в виде руды.

Таблица 1

Оборот хозяйствующих субъектов северных регионов в 2005-2011 гг., млрд руб.*

Регион	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Российская Федерация	28287.3	35603.0	44577.6	53819.4	52219.3	63540.5	79039.4
Республика Карелия	85.1	87.3	109.0	115.5	104.5	136.3	163.8
Республика Коми	284.7	338.9	370.8	420.8	396.8	465.8	545.8
Республика Саха (Якутия)	204.4	224.7	260.7	290.4	272.9	344.5	431.2
Республика Тыва	3.5	3.9	4.6	5.7	6.5	8.9	10.2
Камчатский край	42.0	48.7	58.2	65.6	70.0	78.2	84.9
Архангельская область	170.1	172.4	221.1	236.7	260.6	308.0	327.9
Магаданская область	29.2	30.7	30.8	37.2	48.2	59.1	81.9
Мурманская область	139.2	165.3	199.2	220.5	214.8	263.7	298.5
Сахалинская область	69.0	157.0	307.4	345.7	378.7	483.1	634.4
Ханты-Мансийский АО	1793.0	2150.5	2303.3	2714.9	2623.4	2976.3	3579.1
Ямало-Ненецкий АО	496.1	593.9	651.6	818.1	803.1	934.7	1184.9
Чукотский АО	14.9	14.4	16.3	16.9	50.5	49.5	54.5
Всего по северным регионам	3331.2	3987.7	4532.3	5287.6	5230.0	6108.1	7396.8
Доля северных регионов в РФ, %	11.8	11.2	10.17	9.82	10.01	9.61	9.36

* Здесь и в остальных таблицах данные взяты из Статистического бюллетеня «Структура и основные показатели деятельности хозяйствующих субъектов за 2005-2011 гг. (без субъектов малого предпринимательства)» и расчетов автора.

Как мы видим, в экономическом развитии северных регионов России наблюдается неравномерность, которая связана с наличием на территории данных регионов тех или иных полезных ископаемых. Успешными являются северные регионы, наделенные углеводородным сырьем*.

В целом по России оборот хозяйствующих субъектов, представленных крупными и средними организациями (юридическими лицами), вырос с 28287.3 в 2005 г. до 79039.4 млрд руб. в 2011 г., или в 2.8 раза. В то же самое время рост суммарного оборота северных регионов составил 2.2 раза, а доля его в обороте по России снизилась с 11.80% до 9.36%, или на 20.7%. При этом следует отметить, что в 2009 г. как по России, так и по шести северным регионам наблюдалось снижение темпов роста оборота по сравнению с 2008 г. Это связано с общемировым экономическим кризисом.

* Селин В.С. Механизм промышленной инновационной политики в территориальных системах. Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 1.

Теперь рассмотрим, какова динамика средней численности работников в хозяйствующих субъектах северных регионов и их доля в средней численности работников по России. Данные для такого анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Средняя численность работников в хозяйствующих субъектах северных регионов России в 2005-2011 гг., тыс. чел.

Регион	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Российская Федерация	24120	23660	23716	22502	20714	19852	19978
Республика Карелия	107.6	99.7	94.6	77.8	68.7	62.8	59.8
Республика Коми	180.3	170.4	167.0	148.2	132.3	124.4	120.1
Республика Саха (Якутия)	175.1	175.0	182.1	169.5	153.1	154.4	145.6
Республика Тыва	15.1	14.6	13.0	12.3	11.0	11.2	10.4
Камчатский край	45.9	45.7	44.4	42.3	40.4	38.7	36.7
Архангельская область	216.9	209.1	200.8	180.7	160.0	150.6	140.5
Магаданская область	29.3	27.6	25.5	24.0	22.8	23.6	23.7
Мурманская область	145.0	142.1	134.9	118.4	107.2	102.3	97.7
Сахалинская область	77.6	80.7	82.1	80.0	71.6	66.4	63.9
Ханты-Мансийский АО	477.4	485.7	502.4	500.4	480.7	484.0	474.3
Ямало-Ненецкий АО	170.8	163.8	168.4	176.1	168.3	167.8	180.4
Чукотский АО	14.5	13.9	13.9	13.6	14.1	14.1	15.6
Всего по северным регионам	1655.5	1628.2	1629.2	1543.3	1430.3	1400.3	1368.7
Доля северных регионов в РФ, %	6.90	6.88	6.87	6.86	6.90	7.05	6.85

Как показал анализ данных таблицы 2, с 2005 по 2011 гг. средняя численность работников в хозяйствующих субъектах в целом по России уменьшилась с 24120 до 19978 тыс. чел., или на 17.2%. В то же самое время по северным регионам (суммарно) наблюдалось почти такое же снижение средней численности работников, как и по России в целом. За исследуемый период оно составило 17.3%.

Более детальный анализ средней численности работников в хозяйствующих субъектах северных регионов свидетельствует о том, что темпы снижения этого показателя различны по отдельным северным регионам. Так, наибольшее снижение средней численности работников за период 2005-2011 гг. отмечено, %: в Республике Карелия – на 44.4, в Архангельской области – на 35.2, в Республике Коми – на 33.4, в Мурманской области – на 32.6 и Республике Тыва – на 31.1. В других северных регионах снижение средней численности работников было не столь значительным, %: в Камчатском крае на 20.1, в Магаданской области на 19.1, в Сахалинской области на 17.7, в ХМАО на 0.7. В двух северных регионах – Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах – отмечен рост средней численности работников на 7.5 и 5.6% соответственно. Как видим, значительное уменьшение средней численности работников в хозяйствующих субъектах северных регионов России наблюдалось в регионах Европейского Севера. Это связано с тем, что трудоспособное население в этих регионах является более мобильным с точки зрения перемены места работы, тогда как трудоспособное население остальных северных регионов не так мобильно в силу его географической и транспортной удаленности от центра России.

Доля северных регионов России в средней численности работающих в хозяйствующих субъектах в течение семи лет (2005-2011 гг.) практически находилась на уровне 6.9% ежегодно. Сравнение долей средней численности работников и оборота северных регионов этих показателей в целом по России показало, что 6.9% работников создают в среднем около 10% оборота. Это свидетельствует о том, что в северных регионах в целом оборот на одного работника значительно превышает данный показатель по России. Подтверждением этого являются данные таблицы 3.

Так, доля северных регионов в обороте на одного работника в 2005 г. составила 171.5%. При этом за период 2005-2011 гг. эта доля снизилась до 136.6%, или на 20.4%. Более детальный анализ показал, что самый большой рост оборота на одного работника наблюдался в Сахалинской области – за семь лет он вырос в 11.1 раза. Это объясняется тем, что сам оборот за это время вырос в 9.2 раза, а снижение средней численности работников произошло на 17.7%. В таких северных регионах, как Республика Тыва, рост оборота на одного работника за семь лет составил 4.2 раза, а в Чукотском автономном округе – 3.4 раза. Так же, как и в Сахалинской области, в этих регионах оборот рос более быстрыми темпами, чем снижение средней численности работников. В двух северных регионах, основой экономики которых является добыча углеводородного сырья, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах рост оборота на одного работника не был столь значительным и составил 1.9 раза и 2.3 раза соответственно.

Таблица 3

Оборот на одного работника хозяйствующих субъектов северных регионов в 2005-2011 гг., руб/чел.

Регион	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Российская Федерация	1173.0	1504.8	1879.6	2391.6	2521.0	3200.7	3956.3
Республика Карелия	791.0	875.4	1151.7	1484.6	1520.6	2172.3	2739.1
Республика Коми	1579.4	1988.7	2219.8	2838.6	2998.3	3744.1	4542.0
Республика Саха (Якутия)	1167.0	1284.3	1428.0	1713.6	1782.4	2230.9	2961.5
Республика Тыва	232.0	268.8	352.1	465.3	589.6	794.7	980.8
Камчатский край	913.9	1064.1	1309.4	1549.4	1731.5	2023.3	2313.3
Архангельская обл.	784.5	824.5	1100.9	1310.2	1629.3	2045.5	2333.8
Магаданская обл.	995.9	1115.2	1208.4	1554.1	2112.9	2504.2	3455.7
Мурманская обл.	960.0	1163.6	1477.1	1862.3	2003.3	2578.4	3055.3
Сахалинская обл.	889.6	1945.0	3745.8	4322.6	5290.1	7272.5	9928.0
Ханты-Мансийский АО	4007.1	4427.7	4584.9	5425.8	5457.1	6149.6	7546.1
Ямало-Ненецкий АО	2904.9	3629.6	3869.1	4645.2	4772.1	5569.1	6568.2
Чукотский АО	1025.4	1033.8	1171.6	1239.1	3577.0	3510.0	3493.6
Всего по северным регионам	2012.2	2449.1	2781.9	3426.2	3656.6	4362.0	5404.2
Доля северных регионов в РФ,%	171.5	162.7	148.0	143.3	145.0	136.3	136.6

В фактически действовавших ценах самый большой оборот на одного работника наблюдался в 2011 г. в Сахалинской области – 9928.1 руб/чел., что в 2.5 раза превышало аналогичный показатель по России в целом. На втором месте и третьем местах по данному показателю были ХМАО и ЯМАО – 7546.1 и 6568.2 руб/чел. соответственно. Таким образом, можно говорить о том, что в целом по северным регионам и в 5 из 12 северных регионов оборот на одного работника в течение исследуемого периода превышал данный показатель по России. По своей экономической сути, оборот на одного работника есть производительность труда, а значит, в отдельных северных регионах производительность труда практически превышает общероссийскую.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на давно уже декларируемую диверсификацию производства основой экономики северных регионов по-прежнему остаются сырьевые отрасли, и в ближайшее время вряд ли эта ситуация изменится.

2. Производительность труда, измеренная как оборот на одного работника, в северных регионах в 2 раза выше, чем в целом по крупным и средним предприятиям России.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ В АРКТИКЕ

В.А. Серова

научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. В настоящее время существует большое количество проектов транспортной инфраструктуры в развитии Арктики, в планово-прогнозных документах заявлены колоссальные суммы на их создание. Автор анализирует важные проблемы в их реализации в современных условиях.

Ключевые слова: территории Арктики, транспортная доступность, транспортная инфраструктура, грузопотоки, транспортные проекты

THE SPECIFICITY OF THE ARCTIC TRANSPORT SYSTEM

V.A. Serova

Researcher,

Luzin Institute for Economic Studies, KSC, RAS

Abstract. Currently, there are many transport infrastructure projects in Arctic development, planning and forecasting documents include huge sums for their realization. The author analyzes the important issues in their implementation under the current conditions.

Keywords: Arctic regions, accessibility, transport infrastructure, traffic flows, transportation projects

В Арктике сосредоточены стратегические запасы природных богатств, именно они в ближайшее десятилетие во многом будут определять развитие российской экономики. Но неразвитость или отсутствие транспортных коммуникаций препятствует не только освоению самой арктической зоны страны, но и других ресурсных регионов, реализации заявленных инвестиционных проектов, так как любые экономические планы всегда будут «упираться» в инфраструктурные ограничения.

По различным оценкам, общий грузооборот в Арктике может достигнуть 30 млн т в 2016 г. и более 80 млн т к 2030 г. Основу этого грузопотока составят добываемые в Арктике углеводороды и транзит грузов из портов Европы в Азию. Обслуживание такого грузопотока требует создания необходимой транспортной инфраструктуры, включая грузовые терминалы, системы обеспечения безопасности, системы предупреждения и ликвидации разливов нефти и т.п. В связи с этим важно проанализировать, насколько транспорт лимитирует разработку местного сырья (табл.) [1].

Транспортная доступность месторождений Арктической зоны (восточный сектор)

Минеральное сырье	Месторождения минеральных ресурсов	Транспортные подходы	Транспортная доступность
Марганец	Огангско-Талотинская зона, Нундерминское	Ж/д Котлас-Воркута	Слабая
Вольфрам	Чурпунья, Одинокое	Авиа, СМП (порт Тикси), р. Яна	То же
Вольфрам	Крутой Штокверк, Светлое	СМП (порт Певек)	«
Олово	Депутатский ГОК	Воздушный транспорт	«
Олово	Валькумейское, Иультинское	СМП (порт Певек)	«
Газ	Бованенковское, Харасавейское	Ж/д Харп –Бованенково, трубопровод Ухта-Бованенково, СМП (порт Харасавей)	Достаточная
Газ	Шельфы восточных арктических морей, хребет Ломоносова	СМП (порт Тикси, порт Певек)	Слабая
Нефть	Ванкорское	Трубопровод Ванкор-Пурпе, СМП (порт Дудинка, р.Бол. Хета)	Достаточная
Золото	Майское, Купол, Ревеемское, Кулар	СМП (порт Певек), автозимники	Слабая

Транспортная доступность характеризуется как «достаточная», если с месторождением возможно круглогодичное сообщение: необходимые транспортные коммуникации уже созданы или же существующие железные дороги пролегают вблизи перспективного участка. Когда же существующие мощности указанных привязок недостаточны для целей нового освоения, особенно велики транспортные издержки (как, например, воздушный транспорт для Депутатского), транспортная доступность характеризуется как «слабая». В этих случаях именно транспорт в большей степени лимитирует возможности освоения.

Специфика северных и арктических территорий характеризуется труднорегулируемыми или фактически не поддающимися регулировке факторами, определяющими особенности работы транспорта: природно-климатические условия (суровый климат, мерзлота, заболоченность); географические особенности (удаленность районов освоения) и повышенные эксплуатационные расходы. Наряду со сложными условиями промышленного и транспортного строительства в арктических регионах, существенным фактором развития транспортной системы является пассивная транспортная политика государства в отношении данных территорий и, в первую очередь, проживающих здесь людей. Принятые с небольшим разрывом во времени транспортные стратегии государства до 2020 и 2030 гг. только подтверждают неопределенность сроков и конечных результатов [2].

Основные стратегические и программные решения по развитию Арктики нацелены на модернизацию Северного морского пути и создание опорного транспортного каркаса в Арктической зоне Российской Федерации. Заявлены глобальные проекты по развитию транспортной системы Арктики. Однако в нынешней, слабо контролируемой государством экономической ситуации, которая характеризуется крайне низким транспортным развитием, деградацией материально-

технической базы, множеством дисбалансов, в том числе в нормативно-правовой сфере, успешное ее осуществление, на наш взгляд, вызывает больше пессимизма, чем наоборот. Совокупность всех этих факторов не позволяет оптимистично смотреть в будущее. Вызывают опасение и темпы, и сроки, и методы, и в целом, возможности скорейшего освоения Арктической зоны. В связи с этим возникает немало вопросов: какая транспортная сеть нужна, где, на основе каких решений, с учетом каких принципиальных ограничений и возможностей?

Ситуация осложняется тем, что Россия, имея самую большую территорию и акваторию в Арктической зоне, уже не является лидером ни в одном из новых направлений арктических исследований. И в этом, по мнению директора Центра экономики Севера и Арктики, эксперта Александра Пилясова, заключается «опасный парадокс» [3]. Риск увеличения нашего отставания становится все более существенным. Так, относительно экономической целесообразности разработки арктического шельфа существуют разные мнения, при этом западные эксперты утверждают, что Россия без участия иностранных компаний не сумеет реализовать шельфовые проекты. У России довольно небольшой опыт глубоководного бурения на нефть, и это еще больше ограничивает ее возможности по эксплуатации. Сегодня возраст линейных атомных ледоколов приближается к критическому и практически все они нуждаются в замене в течение ближайших 5-7 лет. В последние годы планомерно обосновывается необходимость закладки новых судов, однако на деле актуальность строительства современных ледоколов только декларируется [4].

Промедление может дорого обойтись России, рискующей в перспективе потерять лидирующую позицию на мировом энергетическом рынке. Для России, едва приступающей к освоению арктического шельфа, каждый сценарий создает и риски, и возможности. Причем исходные позиции нашей страны и стоящие перед нею проблемы достаточно «специфичны и неоднородны по природе» [5]. Для России, с одной стороны, существует угроза «засидеться на старте» и упустить начало активного передела Арктики, включившись в него с опозданием, без сложных технологических, финансовых, кадровых ресурсов. С другой стороны, налицо риск вложить крупные ресурсы в развитие отрасли, которая окажется «тупиковым направлением». Залог успеха, очевидно, прежде всего заключается в том, чтобы реалистично спрогнозировать развитие событий.

Согласно принятой в этом году стратегии развития Арктической зоны, созданию единой транспортной системы Арктики будет уделено главное внимание, а возрождение Северного морского пути и создание арктической морской инфраструктуры (порты, ледоколы, транспортные суда) станет приоритетной задачей. Вместе с тем, наблюдатели отмечают, что продвижение России в Арктику происходит очень медленно, а подписание стратегии является лишь промежуточным этапом этого затянувшегося процесса. Для реализации стратегии необходимо принятие соответствующей госпрограммы, а ее создание возможно только после определения границ Арктической зоны, которое без выраженной политической воли может занять много времени.

Стержнем арктической транспортной системы должен стать СМП с примыкающими к нему железнодорожными и речными маршрутами, авиацией, автомобильными дорогами, а также береговой инфраструктурой. Развитие СМП предполагает как модернизацию действующих арктических портов (Хатанга, Тикси, Певек, Дудинка, Диксон), так и создание новых портовых или транспортно-логистических комплексов, рейдовых отгрузочных терминалов, например, таких как Индига, Харасавей, Мурманск, Варандей, Сабетта. Также необходимо развитие системы логистики, системы контроля за воздушной, надводной и подводной обстановкой в Арктической зоне, совершенствование системы управления. Одной из важных задач является разработка новой тарифной политики. Прежние тарифы, действующие на трассах СМП, в 4-6 раз превышали тарифы, например, Суэцкого канала, что делало северную трассу мало востребованной. Чтобы активизировать СМП, необходимо выработать продуманную тарифную политику, что позволит переключить транспортировку как российских, так и мировых грузов с южного маршрута на северный.

Важнейшая проблема развития СМП связана с системной модернизацией арктического флота, что подразумевает расширение роли перспективных ледоколов, транспортных средств двойного и универсального назначения, которые в условиях современной Арктики наиболее эффективны, а также мало- и среднетоннажных судов класса «река-море», сухогрузно-наливных теплоходов и т.п. Обеспечение безопасности плавания, организация ледовых проводок на СМП предполагает, в свою очередь, и кардинальное обновление ледокольного флота, и строительство специализированных судов усиленного ледового класса, двухкорпусных танкеров, имеющих дополнительное аварийное снабжение. Однако общая стратегия дальнейшего развития Арктической транспортной системы будет определяться прогнозируемым объемом ежегодных перевозок по СМП. Но возникают и такие

вопросы: что станет точкой роста для Севморпути, что позволит ему развиваться: развитие инфраструктуры или наличие грузопотока?

При прогнозе дальнейшего развития СМП следует исходить из необходимости создания ориентированного на круглогодичное функционирование Северного транспортного коридора СТК – российской национальной трансарктической морской магистрали от Мурманска до Петропавловска-Камчатского. Сезонный арктический транспортный коридор практически не имеет перспектив. В целом, на прогноз роста грузопотоков по СМП и на его привлекательность в XXI в. оказывают влияние два основных фактора. В первую очередь, это широко обсуждаемая в последнее время проблема глобального потепления. Не меньшее влияние на прогноз грузопотоков оказывают сценарии развития Арктической зоны РФ [6]. Инерционный сценарий предполагает конфликт интересов полярных стран и усиливающуюся конкуренцию между ними за богатые природными ресурсами спорные зоны. В этих условиях доля перевозок внутренних и внешнеторговых грузов флотом под Государственным флагом РФ снизится до 2% [4]. Инновационный сценарий предполагает тесное сотрудничество полярных стран по широкому спектру направлений, в том числе, в совместном освоении крупных месторождений шельфа, и потому прогнозируемый грузопоток по СМП резко возрастет.

При этом также планируется создание автодорожных и железнодорожных сетей, необходимых для освоения новой ресурсной базы, повышения транспортной доступности и инвестиционной привлекательности региона [7]. В частности, по арктическим регионам можно выделить группу крупных транспортных проектов.

Крупные перспективные транспортные проекты Арктической зоны

Мурманская область	Мурманский транспортно-логистический узел Целью проекта является использование потенциала Мурманского транспортного узла для обслуживания грузопотоков Северного морского пути, международного транспортного коридора «Север – Юг», а также грузов углеводородного сырья, связанных с разработкой и эксплуатацией шельфовых месторождений. Ориентировочная стоимость всего строительства в рамках ФЦП – 117.4 млрд руб.
Архангельская область	Проект Белкомур: строительство линий Карпогоры – Вендинга, Сыктывкар – Кудымкар. «Северное звено» этой магистрали Карпогоры – Вендинга, протяженность 215 км, железнодорожная ветка пройдет по территории Архангельской области и Республики Коми. Цель проекта – ликвидация инфраструктурных тупиков, обеспечение доступа к ныне неиспользуемым сырьевым ресурсам, создание нового короткого транзитного пути, связывающего Урал и Сибирь с северными российскими портами. Объем инвестиций составляет 118 млрд руб., в т.ч. «Северное звено» – 35 млрд руб.
Ненецкий АО	Проект Баренцкомур: железная дорога пройдет через Индигу – Сосногорск – Троицко-Печорск – Полуночное – Сургут. Протяженность участка Индига – Сосногорск – 612 км. Проект позволит решить многие социально-экономические проблемы региона, в том числе обеспечит выход нефти и конденсата Ямала на мировые рынки. Ориентировочное время постройки – 2020 г.
Ямало-Ненецкий АО	1. Проект магистрали « Северный широтный ход » является частью проекта "Урал Промышленный – Урал Полярный". Это железная дорога, проходящая по маршруту ст. Обская 2 – Салехард – Надым – Коротчаево – Русское (Южно-Русское НГМ) – Ермаково – Игарка – Дудинка – Норильск. Стоимость проекта составляет около 134.2 млрд руб. 2. Формирование третьей широтной транспортной магистрали « Полярная ». Первоочередной участок этой магистрали (2015-2020 гг.) Норильск – Игарка – Уренгой – Салехард с дальнейшим переходом на левый берег р.Оби в г.Лабитнанги
Якутия (Саха), Чукотский АО	Рассматривается проект строительства железнодорожной линии Якутск – Магадан как продолжение железнодорожной линии Беркабит – Томмот – Якутск. Железная дорога пойдёт на восток с ответвлением на Магадан и далее на Чукотку, Берингов пролив, на Аляску – до соединения с сетью железных дорог североамериканского континента

Параллельно должно идти развитие северных территорий, а также всего научно-исследовательского комплекса в Арктике. Необходим поиск новых транспортных средств и инновационных технологий транспортного строительства для условий Севера, а также применение интеллектуальных транспортных систем (ИТС).

Следует сказать, что в транспортных стратегиях определены различные риски, которые могут препятствовать достижению запланированных результатов, но серьезный анализ многих из них отсутствует. Так, большие риски связаны с возможностью возникновения острого дефицита трудовых ресурсов как при реализации самих транспортных проектов, так и при последующей эксплуатации новых железных и автомобильных дорог и разработке тех месторождений, к которым предполагается транспортное строительство. За последние три десятилетия транспортная система СМП понесла существенные потери высокопрофессионального кадрового состава. Игнорирование кадровых проблем может существенно затруднить реализацию намеченных программ и стратегий.

В планах строительства транспортных магистралей обычно слабо учитывается их мультипликативный общеэкономический и социальный эффект. Кроме того, большая часть новых железнодорожных линий (почти три четверти) приходится на, так называемые «грузообразующие» и «технологические», предназначенные, главным образом, для освоения месторождений полезных ископаемых. Однако в планах строительства этих магистралей сооружение подъездных круглогодичных автомобильных дорог к опорным пунктам прилегающих районов было не предусмотрено.

При разработке прогнозов крупных проектов в сибирских регионах следует учитывать и не самый удачный претендент в виде БАМа, который был создан для хозяйственного освоения природных богатств, но так и не превратился «в стержень устойчивого развития второго индустриального пояса на востоке страны» [8]. Не повторится ли подобная ситуация с новыми проектами, в частности, с проектом Северосибирской магистрали (Севсиб), которая является, по сути, западным продолжением БАМа?

Существует множество реальных и нереальных проектов развития Арктики, политическая и экономическая значимость которых должна быть рассмотрена независимой экспертизой и ранжирована. Многие из них нуждаются в научном обосновании. Выдвигаются поистине масштабные амбициозные проекты строительства железнодорожных линий. Например, есть идея связать Чукотку с Аляской тоннелем или мостом через Берингов пролив (ширина пролива – 86 км). Предлагаются проекты строительства железнодорожных линий Томмот-Якутск-Магадан, Севсиб (длиной более 2 тыс. км). Однако их приоритетность не установлена, технико-экономические эффекты не проработаны.

В настоящее время одна из важнейших проблем в развитии Арктики – *несформированное правовое поле* для реализации экономических проектов. Законы у нас принимаются очень медленно, причем за последние 15 лет по Северу приняты сотни нормативных актов, но зачастую они имеют формальный характер и низкий уровень исполнения. Только в 2013 г. утверждена и сама стратегия развития Арктики, хотя в других приарктических странах она была принята значительно раньше. В Норвегии стратегия принята в 2006 г., в Дании и Канаде – в 2008 г., США – в 2009 г., Финляндии – в 2010 г.

До сих пор не принят базовый закон «Об Арктической зоне Российской Федерации». При этом в 85% стран мира подобные законы уже действуют давно, например, в США закону о прибрежной зоне уже 40 лет [5]. А это, в свою очередь, сдерживает полноценную реализацию транспортно-транзитного потенциала, обладающего мощными мультипликативными и комплексформирующими эффектами, которые заключаются в повышении мобильности трудовых ресурсов и уровня жизни населения, проживающего в полосе международных и региональных морских транспортных маршрутов.

Нет закона о транзите, не разработана концепция развития транспортной логистики, нет национальной программы создания ИТС. В законодательной сфере также нужны законы об охране окружающей среды и особых режимах природопользования в этом субрегионе, о развитии института государственно-частного партнёрства и государственная программа инновационного развития арктического транспорта. Кроме того, для развития авиации в районах Крайнего Севера необходима оптимальная государственная политика поддержки авиационной отрасли. При этом аэропортовой системе России требуется серьезное реформирование, но уже три года в Государственной думе лежит законопроект об аэропортах и аэропортовой деятельности, и его нужно дорабатывать.

Еще одним принципиальным вызовом устойчивому развитию Арктической зоны РФ выступает неподготовленность инженерной инфраструктуры к возможным негативным последствиям процессов глобальных климатических изменений [9]. В немалой степени этот феномен может отразиться и на Мурманской области, поскольку способен существенно осложнить ледовые условия в Кольском заливе и поставить под угрозу развитие Мурманского транспортного узла.

Таким образом, грядущее масштабное освоение Арктики потребует решения многих новых специфических задач. Как модернизировать столь сложный территориальный объект и как повысить эффективность мер, на которые приходится идти при ограниченности финансовых и трудовых ресурсов, несовершенстве законодательства, экстремальности природно-климатических условий? Ведь в ближайшие десятилетия необходимо практически заново воссоздать и развить на перспективной технологической базе систему арктического транспорта, искать новые способы обеспечения транспортной доступности всей территории Арктической зоны.

Литература

1. Алешина О.В. Оценка влияния транспортного фактора на освоение ресурсов Арктической зоны азиатской России. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka>
2. Транспортно-инфраструктурный потенциал Российской Арктики / под ред. В.С.Селина. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. 333 с.
3. Пилясов А. Научные исследования и инновации в арктическом регионе. Режим доступа: <http://www.ecpol.ru/index.php/2012-04-05-13-41-25/2012-04-05-13-41-42/614-nauchnye-issledovaniya-i-innovatsii-v-arkticheskom-regione>
4. Половинкин В.Н. Проблемы развития Арктической транспортной системы РФ в XXI веке. Режим доступа: <http://unionexpert.ru/index.php/component/k2/item/204-arkticheskaya>
5. Андреева Е.Н. Арктика: что тормозит реализацию федеральных программ? // ЭКО, 2010. № 12. С.5-29.
6. Скуфьина Т.П. Альтернативы развития Российского Севера // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 4. С.2-10.
7. Залкинд Л.О., Серова Н.А. Анализ инвестиционных процессов в регионах Севера России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. № 1(22). С.101-104.
8. Безруков Л.А. Транспортно-экономические барьеры в развитии Сибири // ЭКО, 2012. № 7. С.56-74.
9. Селин В.С. Экономический кризис и устойчивое развитие северных территорий // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 1(27). С.20-25.

4. НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНАЯ СИСТЕМА И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

ПРИОРИТЕТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Т.И.Барашева

кандидат экономических наук, зав. сектором

Институт экономических проблем им.Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Уточнены приоритетные направления институциональных преобразований в налогово-бюджетной сфере и обоснованы механизмы системы бюджетно-налогового регулирования, необходимость конкретизации которых обусловлена усиливающимися негативными тенденциями в бюджетной системе северных регионов и нарастающими региональными различиями в уровне жизни населения.

Ключевые слова. Бюджетная система регионов, приоритетные направления бюджетно-налогового регулирования, северные субъекты РФ

PRIORITIES OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS IN THE TAX AND BUDGET SPHERE

T.I.Barasheva

Ph.D. (Economics)

Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Center of RAS

Abstract. The work specifies the priority directions of institutional transformations in the tax-budget sphere and substantiates the mechanisms of the budget-tax regulation system, which should be concretized due to the intensifying negative tendencies in the budget system and the growing differences in living standards.

Keywords: budget system of regions, priority directions of the budget-tax regulation, northern regions of RF

Реформа межбюджетных отношений, начавшаяся в России в 2000-х гг. и базирующаяся на принципах концепции «федерализма, сохраняющего рынок», сформулированных Б. Уэйнгастом и другими авторами, определила решающие действия органов власти в следующих направлениях: обеспечение законодательно закрепленной автономии региональных и местных властей с четким разграничением налоговых и расходных полномочий; уточнение расходных обязательств субнациональных властей и наличие законодательных гарантий их автономного финансирования за счет достаточной собственной налоговой базы; передача с регионального на федеральный уровень дополнительных доходов и расходных обязательств с постепенной децентрализацией финансовых ресурсов в средне- и долгосрочной перспективе; реформирование политики трансфертов с целью повышения ее «прозрачности» и стабильности и др. [1].

Однако, как показал анализ процесса реформирования российской модели бюджетного федерализма, до настоящего времени принципы данной концепции так и не были реализованы в полной мере. Не были сформированы институциональные условия, обеспечивающие расширение налоговой автономии субнациональных властей и создание стимулов для развития конкуренции между регионами за рост инвестиций. Не определены действенные механизмы, способствующие укреплению налогового потенциала, повышению финансовой самостоятельности субъектов РФ и росту ответственности органов власти перед населением за финансирование принимаемых ими решений. Кроме того, реформа бюджетной сети, проводимая сегодня в стране путем «сжатия» размеров государственного сектора с целью сокращения государственных расходов и обеспечивающая значительные темпы экономического роста, не сопровождается, как того требуют выводы специалистов, развитием процессов децентрализации в налогово-бюджетной сфере.

В итоге следствием преобразований становится проявление ряда негативных тенденций в бюджетной системе регионов Севера. Отмечается значительная дифференциация бюджетной обеспеченности и ее низкий уровень в экономически развитых северных субъектах РФ; дисбаланс бюджетных доходов и расходов консолидированных бюджетов, рост долговой нагрузки и др. В свою

очередь, нестабильность финансовой системы приводит к значительным региональным различиям в уровне жизни населения не только в слаборазвитых, но и в экономически развитых северных субъектах РФ.

В целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов Севера и повышения уровня благосостояния населения возникает необходимость уточнения приоритетов институциональных преобразований в сфере бюджетно-налоговых отношений и разработки особых подходов к совершенствованию системы бюджетно-налогового регулирования. В этой связи определение приоритетных направлений должно базироваться на полном исполнении принципов, выработанных мировым историческим опытом, соблюдении требований, вызванных современным этапом развития экономики, и безусловном учете проблем, выявленных в регионах Севера.

Сопоставление в ходе исследования обозначенных выше позиций позволило сформулировать следующие приоритетные направления совершенствования бюджетных и налоговых отношений в северных регионах: самодостаточность финансирования территориального развития; создание стимулов к развитию конкуренции между регионами за привлечение инвестиций и расширение круга налогоплательщиков с целью развития собственной налоговой базы; недопущение дискриминации экономически развитых и изначально финансово состоятельных территорий; повышение перед населением ответственности субфедеральных органов власти за финансирование принимаемых ими решений; усиление в налоговых отношениях инвестиционной и инновационной составляющей.

Самодостаточность финансирования территориального развития предполагает, что регионы и, особенно, регионы-доноры должны финансировать свое развитие за счет собственных (налоговых и неналоговых) доходов. С этой целью должна быть усилена налоговая автономия региональных и местных властей, что может быть достигнуто на основе изменения пропорций налоговых отчислений от регулирующих налоговых источников в пользу субъектов РФ и перераспределения полномочий субъектов власти по управлению элементами ряда налогов.

В частности, многими экспертами отстаивается мнение о разделении НДС между федеральным и региональным уровнями. Так, А.Б. Гусев и М.А. Шилов исходят из того, что одним из самых сильных налоговых инструментов, способствующих дотационности регионов, является НДС и зачисление его в полном объеме в федеральный бюджет. Как замечают специалисты, фактически НДС, уплачиваемый в федеральный бюджет предприятиями регионов, представляет собой налог на спрос в субъекте федерации. При этом к самому спросу в регионе федеральный центр может не иметь никакого отношения [2].

Международный опыт также свидетельствует, что НДС и его аналоги, как правило, «работают» в пользу региональных, а не федеральных бюджетов. В Германии, которая по административно-территориальному устройству является федерацией, поступления НДС распределяются практически поровну между федеральным бюджетом и бюджетами земель: 50.5% – в федеральный бюджет, 49.5% – в бюджеты земель. Похожая фискальная политика проводится и Австрией. В Канаде некоторые регионы получают НДС, а некоторые - налог с продаж [3].

Следующим аргументом для использования НДС в качестве источника нижестоящих уровней бюджетной системы является позиция Татаркина Д.А. и Сидоровой Е.Н., которые анализируя опыт ФРГ, Австрии, Австралии, приходят к выводу, что распределение НДС между уровнями бюджетной системы обеспечит повышение прозрачности и объективности процесса выравнивания бюджетной обеспеченности территорий за счет снижения объемов встречных финансовых потоков [4].

Специалистами рассматриваются разные подходы к распределению НДС. Наиболее приемлемый вариант высказывают Д.А. Татаркин и Е.Н. Сидорова, поскольку в ходе реализации такой методики устанавливаются равные права при распределении НДС между регионами, в том числе и по отношению к тем, в которых сохраняется практика изъятия налоговых доходов в связи с уплатой дочерними предприятиями крупных объединений и холдингов своих полученных сумм НДС по месту головных предприятий, которыми, как правило, являются столичные центры.

Механизм распределения НДС сводится к следующему: 50% НДС на товары (работы, услуги), производимые (выполняемые, оказываемые) на территории Российской Федерации, должны поступать в доход федерального бюджета; 25% НДС будет использоваться для наполнения федерального фонда поддержки регионов (ФФПР) (т.е. восстанавливается первоначальный порядок формирования ФФПР, который действовал в 1994 г.). Оставшиеся 25% НДС могут быть перераспределены между консолидированными бюджетами субъектов Российской Федерации [4]. Д.А. Татаркин и Е.Н. Сидорова предлагают 25% НДС распределять пропорционально численности населения. Следует признать, что заявленный в методике критерий распределения недостаточно

рационален, поскольку не стимулирует региональные органы власти наращивать налоговый потенциал своих территорий. В этой связи целесообразно распределять 25% НДС между бюджетами в зависимости от сложившегося уровня собственных (налоговых и неналоговых) доходов.

Другим инструментом, направленным на *повышение налоговой самодостаточности территорий и создание стимулов к развитию конкуренции между регионами* за привлечение инвестиций и осуществление контроля над частью налоговой базы, созданной в пределах субъекта РФ, может стать налог на прибыль, который выполняет также роль экономического регулятора доходов предприятий, обеспечивая в ходе управления налогом рост их инвестиционной активности.

Доля налога на прибыль в доходах федерального бюджета не превышает 3%, тогда как для отдельных экономически развитых регионов величина налога, зачисляемая в федеральный бюджет по нормативу 2%, сопоставима по размеру с объемом трансфертов, перечисляемых в регион. Передача налога в полном объеме в консолидированный бюджет субъекта РФ позволит укрепить их доходную базу.

Перевод налога на прибыль в статус регионального налога потребует передачи субъектам РФ полномочий по управлению налоговой ставкой в полном объеме. Соответственно и права по установлению оснований и условий предоставления инвестиционного налогового кредита по налогу на прибыль организаций также перейдут субъекту РФ.

С целью *недопущения дискриминации экономически развитых и изначально финансово состоятельных территорий и сохранения заинтересованности региональных органов власти в наращивании налоговых и неналоговых доходов* необходимо изменить подход к распределению дотаций, исключающий допущение значительных различий в бюджетной обеспеченности территорий до и после выравнивания. Это означает, что субъекты РФ, являвшиеся наиболее финансово обеспеченными по итогам зачисления в бюджеты налоговых и неналоговых поступлений, после распределения трансфертов не должны занимать положение по уровню бюджетной обеспеченности на душу населения ниже тех регионов, в которых изначально уровень налоговых и неналоговых доходов был определен более низким. С этой целью необходимо совершенствовать механизм распределения трансфертов.

В части вопроса об *исполнении принципа «жестких бюджетных ограничений»*, заявленного реформой и который признается одним из наиважнейших в целях достижения эффективности системы бюджетного регулирования, заметим, что российская практика демонстрирует в отдельных случаях отклонение от полной его реализации. Так, в период финансового кризиса в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 18.12.2008 N 1885-р были выделены дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов РФ (табл.). При этом распределение средств отнюдь не основывалось на применении в качестве критерия «объема душевых налоговых доходов», исчисленного в регионе. Распределение финансовой помощи, в так называемом, «ручном» режиме приводит к ситуации, когда вместо того, чтобы наращивать собственную доходную базу, региональные власти конкурируют между собой за получение безвозмездных отчислений из вышестоящих бюджетов.

Выделенные дотации и налоговые доходы в расчете на душу населения, руб. [5]

Северные субъекты РФ (выборка)	Налоговые доходы	Объем дотаций
Республика Тыва	1 197.5	3 934.8
Забайкальский край	874.8	7 986.4
Республика Алтай	1 219.1	8 235.9
Архангельская область	195.2	9 048.8
Республика Бурятия	311.6	9 728.5
Приморский край	300.9	10 859.8
Амурская область	734.7	11 328.5
Республика Карелия	641.2	11 683.2
Иркутская область	251.7	13 886.2
Камчатский край	970.6	15 381.8
Хабаровский край	175.4	16 649.6
Магаданская область	3 243.1	17 965.5
Мурманская область	1 157.9	21 978.0
Республика Саха (Якутия)	303.7	23 825.6
Томская область	254.0	41 092.7
Чукотский АО	11 855.4	82 643.1

В связи с этим необходимо усилить акцент на полной реализации принципа «жестких бюджетных ограничений», обеспечить распределение дотаций по формализованной методике, опираясь на социально-экономические нормы и нормативы, учитывая региональные особенности субъектов Федерации и используя при этом дифференцированный подход в целях бюджетного регулирования.

Важным вопросом становится *повышение ответственности органов власти и управления субфедерального уровня за финансирование принимаемых ими решений* в условиях роста делегированных полномочий. Рост доли расходов, связанный с исполнением делегированных полномочий, объем которых оценивается свыше 50% собственных полномочий органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления, и сокращение доли расходов, необходимых для выполнения бюджетных обязательств перед населением, влечет изменение ответственности со стороны властей субъектов Федерации (и органов местного самоуправления) – сокращается ответственность перед населением и возрастает ответственность перед федеральными органами.

Наиболее обострилась эта проблема на муниципальном уровне. Практика исполнения делегированных полномочий выделяет следующие негативные факты: объем передаваемых полномочий оценивается как избыточный; отдельные передаваемые полномочия не соответствуют функциям муниципалитетов, имеют опосредованное отношение к обеспечению жизнедеятельности населения; права и обязанности органов местного самоуправления и государственной власти при осуществлении полномочий практически дублируются независимо от вида передаваемого полномочия и не учитывают особенности реализации конкретного полномочия и др.

В связи с этим необходимо введение законодательного ограничения объема обязательных к исполнению переданных государственных полномочий, который может быть установлен, как показывает мировая практика, в пределах 25% от общих расходов регионального (местного) бюджета. Передаваемые государственные полномочия сверх этого объема должны приниматься и реализовываться органами власти только на добровольной основе с восполнением как полной «стоимости» передаваемых полномочий, так и дополнительных затрат, связанных с их осуществлением на местах.

С точки зрения формирования эффективной налоговой политики в северных регионах [6], *усиления в налоговых отношениях инвестиционной и инновационной [7] составляющей* целесообразно оптимизировать систему налоговых льгот. Прежде всего, необходимо оценить эффективность налоговых льгот с выявлением тех, которые наиболее актуальны в целях модернизации производства и внедрения инноваций. Кроме того, процесс предоставления налоговых льгот должен быть системно и четко сформулирован и прописан в Налоговом кодексе РФ, а именно, определена правомерность их предоставления для каждого уровня управления, а также возможность, условия и порядок предоставления различных видов налоговых льгот с использованием дифференцированного подхода в зависимости от уровня активности протекания этих процессов [8].

Таким образом, сопоставление приоритетов, заявленных Президентом в бюджетном послании о бюджетной политике на 2012-2014 гг. ряда нереализованных принципов, заявленных в ходе реформы модели российского бюджетного федерализма начала 2000-х гг., а также требований, выявленных по результатам анализа современных проблем регионов Севера, позволили выработать наиболее значимые ориентиры преобразований в сфере бюджетно-налоговых отношений, которые будут способствовать достижению положительных результатов в социально-экономическом развитии северных регионов с сокращением межрегиональной полярности уровня жизни населения.

Литература

1. Реформа межбюджетных отношений в России: "федерализм, создающий рынок" / А.Лавров, Д.Сазерлэнд, Дж.Литвак // Вопросы экономики. 2001. № 4.
2. Искусственная дотационность регионов как залог единства России / М.А.Шилов, А.Б.Гусев // Капитал страны. 2009. 27 январь.
3. Финансовая несостоятельность регионов и совершенствование межбюджетных отношений / Е.Балацкий, Н.Екимова // Общество и экономика. 2010. № 7-8. С.114.
4. Налоговый федерализм в системе стимулирования саморазвития регионов / Д.А.Татаркин, Е.Н.Сидорова / Судебная практика по налоговым и финансовым спорам // Налоги и финансовое право. 2010. N 4. С.14-347.

5. Пинская М.Р. Налоговая база территории: конкуренция и меры по расширению // Налоговая политика и практика. 2011. № 8. С.26-30.
6. Селин В.С. Налоговый механизм в освоении ресурсов арктического шельфа // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т. 1, № 29. С.62а-66.
7. Березиков С.А. Определение основных проблем инновационно-технологического развития промышленности регионов Севера (на примере Мурманской области) // Там же. 2008. Т. 2, № 21. С.95-99.
8. Морозов В.В. Налоговые механизмы оптимизации финансово-инвестиционных отношений регионов / Тематический выпуск: Судебная практика по налоговым и финансовым спорам // Налоги и финансовое право. 2012. № 4.

ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ НАСТРОЙКА

Н.В.Дядик

**кандидат экономических наук, научный сотрудник
Институт экономических проблем им.Г.П.Лузина КНЦ РАН**

Н.С.Томилина

**кандидат экономических наук, научный сотрудник
Институт экономических проблем им.Г.П.Лузина КНЦ РАН**

Аннотация. Рассмотрено современное состояние бюджетно-налоговой системы, затронута необходимость перехода к оперированию институциональными категориями при решении проблемных вопросов бюджетно-налоговой системы, разобрана существующая институциональная структура бюджетно-налоговой системы и обоснована необходимость введения понятия «институциональная настройка бюджетно-налоговой системы».

Ключевые слова: бюджетная система, налоговая система, расходные обязательства, налоговые полномочия, финансовая помощь

CHALLENGES OF BUDGET-TAX SYSTEMS: INSTITUTIONAL SETTINGS

N.V.Dyadik

**PhD (Economics), researcher
Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Center of RAS**

N.S.Tomilina

**Ph.D. (Economics), researcher
Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Center of RAS**

Abstract. The paper considers the present state of the budget and tax system, the necessity of transition to using institutional categories to solve problems of the budget and tax system. The existing institutional structure of the budget and tax system is analyzed, and the necessity of introducing the concept of “an institutional budget and-tax system” is substantiated.

Keywords: budget system, tax system, expenditure obligations, tax authorities, financial support

Дискуссии по вопросам построения и функционирования российской бюджетно-налоговой системы продолжаются уже более двадцати лет. Перечень и содержание формирующих систему целей, принципов и правил постоянно подвергаются изменениям. В условиях решения проблем преодоления последствий экономического кризиса и модернизации экономики возникает необходимость усиления роли субфедерального звена, обеспечения сбалансированности бюджетной системы, эффективного использования финансовых ресурсов и предсказуемости налоговой политики. Поиск теоретических основ и содержательных параметров построения бюджетно-налоговой системы, отвечающей современным условиям развития регионов, необходимо перенести на институциональное поле.

Характер современной бюджетно-налоговой системы

Действующая бюджетно-налоговая система может быть описана в терминах структурной разбалансировки: бюджеты субъектов РФ перегружены расходными обязательствами не имея достаточных финансовых источников покрытия этой ответственности, а механизм финансовой помощи эту ситуацию не сглаживает [1]. Поэтому и задачи реформирования межбюджетных отношений должны формулироваться по трем направлениям: расходные обязательства, доходные полномочия и налоговая система, межбюджетные трансферты.

Расходные обязательства. Анализ бюджетной системы показывает практически равное участие центра и регионов в формировании расходной части консолидированного бюджета страны, и эта пропорция стабильна во времени (табл.1).

Таблица 1

Доля расходов консолидированных бюджетов субъектов федерации
в консолидированном бюджете РФ, %*

1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
50,8	52,5	55,8	50,2
1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
52,0	52,7	55,0	49,3
2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
50,0	50,8	43,1	43,7
2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
44,5	45,2	39,3	39,6

*Росстат. Режим доступа: www.gks.ru [2]; расчеты автора.

Качественная оценка, исходящая из предположения, что предоставление права расходования средств не всегда предполагает права распоряжения, говорит о снижении количества функций, возложенных на федеральный уровень, в цепочке «нормативно-правовое регулирование – обеспечение финансовыми средствами – исполнение государственных функций». Для региональных и местных властей ситуация противоположна: они мало участвуют в нормативно-правовом регулировании, но на стадиях финансового обеспечения и исполнения их роль соразмерна нормативно-правовой ответственности. Яркий пример – социальная сфера ответственности – основная часть социальных обязательств (образование, здравоохранение, социальная политика) возложена на субфедеральные бюджеты, в совокупных расходах которых они занимают половину, при этом нормативно-правовое регулирование социальных вопросов и установление стандартов в этой сфере государственной ответственности является прерогативой центра федерации.

Нынешний курс на децентрализацию полномочий и усиление роли субфедерального звена требует не частичных корректировок, а реализации принципиально новых подходов к бюджетно-налоговой системе. В настоящее время решение поставленной задачи сводится к формальному балансированию стоимости передаваемых полномочий и возможных дополнительных источников пополнения средств субфедеральных бюджетов. Последние опубликованные данные показывают, что стоимость передаваемых расходных обязательств оценивается примерно в 150 млрд руб. (около 5% общей суммы расходов субфедеральных бюджетов) [2]. Однако на фоне значительной несбалансированности региональных финансов даже такое скромное приращение их ответственности означает существенную бюджетную проблему.

Налоговая система. Недостаток финансовых ресурсов у субфедеральных бюджетов провоцируется неэффективной налоговой системой. Нерешенные вопросы российской системы налогообложения определяются тремя ключевыми проблемами.

1. Снижение фискальной эффективности НДС. По мнению И.А.Майбурова*, это самый коррупционный и противоречивый налог России. Необходимость реформирования НДС обсуждается давно, но кардинальных изменений пока не последовало. В рамках Стратегии 2020 для повышения фискальной эффективности НДС предлагается перейти к единой повышенной ставке НДС на уровне 20% и существенно сократить перечень освобождений, приблизив этот перечень к стандартным

* Режим доступа: www.uiec.ru/news

(финансовые и страховые услуги, операции с недвижимостью, лотереи и тотализаторы, услуги в области культуры и искусства и т.п.).

2. Отсутствие в налоговой системе прогрессивности. Экономическое неравенство налогоплательщиков, оцениваемое до и после налогообложения, не сокращается как это должно быть при прогрессивной системе налогообложения, а остается в целом неизменным либо нарастает, что характерно для пропорционального налогообложения. В мировой практике давно признаны и апробированы пути решения данной проблемы – внедрение прогрессивности в налогообложение доходов и имущества физических лиц. Так, например, налогоплательщиков скандинавских стран не смущает самое высокое налоговое бремя в Европе, и они готовы платить налоги по прогрессивным ставкам, поскольку реально ощущают на себе государственную поддержку в виде социальных благ и экономических выгод. Следует отметить, что при высоком уровне налоговой нагрузки в скандинавских странах уровень дифференциации доходов незначителен (табл.2).

Таблица 2

Влияние налоговой нагрузки на дифференциацию доходов населения (2011 г.)*

Страны	Налоговая нагрузка (налоговые доходы по сравнению с ВВП, %)	Верхний предел налоговой ставки на доход, %	Коэффициент Джини
Россия	16	13	0.42
Швеция	44	56.6	0.25
Дания	48	55.6	0.27
Норвегия	43	40	0.21

*Росстат. Режим доступа: www.gks.ru; <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache>

Внедрение прогрессии в налогообложении доходов в России является достаточно сложным вопросом. Общество уже не солидарно в вопросе к возврату прогрессии – лишь около 38% респондентов выступают за прогрессивную ставку НДФЛ [3].

3. Структурная несбалансированность налоговой системы. Чрезмерная фискальная нагрузка на заработную плату, неконкурентный для развивающейся экономики уровень налоговой нагрузки на добавленную стоимость и прибыль, то есть тех налогов, по отношению к которым экономический рост наиболее чувствителен, сочетается с низким уровнем налоговой нагрузки на имущество физических лиц, потреблением табака и крепкого алкоголя, а также налоговым недоизъятием природной ренты, то есть тех налогов, по отношению к которым экономический рост нейтрален [4].

Перечисленные проблемы оказывают негативное влияние на наполняемость доходной части бюджетов разных уровней. Регионы не справляются с возложенными на них обязательствами, а в условиях структурных реформ межбюджетных отношений и преобразования экономических основ федеративных отношений в целом, направленного на увеличение роли субфедерального звена, подобные перекосы в бюджетно-налоговой системе можно считать катастрофическими.

Межбюджетные трансферты. Разрывы между ответственностью и ресурсами покрываются за счет межбюджетных трансфертов, которые для различных регионов страны составляют значительную и даже решающую часть ресурсов. Система федеральной финансовой поддержки региональных бюджетов на протяжении почти пятнадцати лет не была статичной, происходившие изменения были и положительными, и отрицательными. В итоге в настоящее время мы имеем более-менее упорядоченную структуру видов финансовой помощи и способов ее оказания. Тем не менее, существует ряд негативных моментов:

- система межбюджетных трансфертов перегружена источниками оказания финансовой помощи нижестоящим уровням бюджетной системы, которые иногда дублируют цели друг друга;
- громоздкими кажутся механизмы формирования и распределения фондов, им не хватает простоты и прозрачности;
- постоянные изменения методик, принципов, видов финансовой помощи, введение новшеств, требующих разъяснений и консультаций не облегчают понимание системы федеральной финансовой поддержки, а еще больше запутывают ее.

Число регионов-получателей финансовой помощи из федерального бюджета не уменьшается – в настоящее время только 13 субъектов РФ являются регионами-донорами, а 60 получают дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности [5]. Это является еще одним свидетельством того, что

сглаживания разрывов в бюджетной системе с помощью трансфертного механизма не происходит, а его действие в лучшем случае консервирует возникший дисбаланс, в худшем – усугубляет его.

При этом необходимость усиления стимулирующего начала межбюджетных отношений и отмирание иждивенческой идеологии «набила оскомину». Никто не спорит с идеей стимулирующего характера трансфертного механизма, но вопрос что следует понимать под стимулирующей функцией и через какие механизмы она может осуществляться остается без ответа. И дело здесь не в бесконечных усовершенствованиях формализации к распределению трансфертов и не в самой справедливой формуле расчета финансовой помощи, которой попросту не существует. Система устарела, по сути, и слабо согласуется с приоритетом программно-целевого построения расходной части бюджетов.

Расходные обязательства, возложенные на субфедеральные бюджеты, растут, а влиять на законодательную составляющую расходных полномочий региональная власть может лишь в половине случаев.

Финансовые ресурсы, за счет которых субъекты федерации должны реализовывать свои расходные полномочия, концентрируются в центре. У региональных и местных органов власти попросту не существует возможности маневра, чтобы улучшить ситуацию в бюджетной сфере.

Третья составляющая бюджетного федерализма – *межбюджетные трансферты* – чаще всего критикуемая за свои чрезмерные размеры и отсутствие стимулирующего начала не могут в полной мере компенсировать выпадающих доходов субфедеральных бюджетов и обеспечить надлежащий объем предоставления государственных услуг населению.

Причиной несовершенства бюджетно-налоговой системы является ее формирование не на институтах, а на «ручном управлении», когда субнациональные органы власти вынуждены «играть с правилами», а не «по правилам». В части межбюджетных отношений идет перераспределение финансовых ресурсов и ответственности на региональный и местный уровни, но полномочия передаются в большем объеме, чем ресурсы для их реализации.

В последние годы принят ряд законодательных, финансовых и организационных мер, направленных на развитие бюджетно-налоговой системы. Однако кардинально изменить ситуацию в области сбалансированности бюджетной системы не удалось, в ней продолжает сохраняться много структурных диспропорций.

Институциональные параметры бюджетно-налоговой системы

В экономической литературе существуют различные подходы к определению качественных признаков и основных принципов построения бюджетных систем. Наиболее часто базовыми принципами называют следующие три.

Разграничение бюджетной *ответственности* между центром и субъектами федерации. Речь идет о законодательном разграничении сфер финансирования расходов за счет бюджета того или иного уровня.

Самостоятельность бюджетов различных уровней. Данный принцип предполагает закрепление за каждым уровнем власти собственных источников финансирования расходов и право самостоятельно принимать решения о направлении использования бюджетных средств.

Равноправие всех субъектов федерации в их финансовых отношениях с центром.

Перечисленные выше принципы построения бюджетной системы, сложившиеся под воздействием предпочтений и интересов различных ее ступеней, наполняют конкретным содержанием основные институты, структурно формирующие бюджетную систему:

институт расходных обязательств – формальные и неформальные ограничения, характеризующие распределение ответственности между уровнями бюджетной модели по предоставлению государственных услуг населению;

институт налоговых полномочий – правила, наделяющие соответствующие уровни власти достаточными для реализации возложенной на них ответственности финансовыми ресурсами;

институт финансовой помощи – система сглаживания вертикальных и горизонтальных несоответствий, вызванных рассогласованностью институтов расходных обязательств и налоговых полномочий, с помощью межбюджетных трансфертов с тем, чтобы обеспечить на территории всей страны равный доступ граждан к государственным услугам.

Подобное представление об институциональной бюджетной системе обусловлено еще и структурой бюджета, который состоит из доходной и расходной частей, а также финансовой помощи.

Институт расходных обязательств. Традиционно упорядочение формальных ограничений в части расходных полномочий в рамках теории общественного сектора рассматривается с учетом двух принципиально важных моментов.

Первый предполагает разграничение трех различных видов обязательств, которые учитываются при распределении расходов между различными уровнями власти:

- определение объема и качества предоставляемых государственных услуг, выработка стандартов и контроль их соблюдения;
- финансирование требуемого объема государственных услуг;
- предоставление конкретных услуг, организация самого процесса оказания услуг, доведение определенной государственной услуги до индивида.

Второй - принципы, которые должны лежать в основе разделения ответственности за непосредственную организацию предоставления тех или иных бюджетных услуг:

- принцип территориального соответствия – предоставление бюджетных услуг закрепляется за тем уровнем власти, территория которого охватывает всех потребителей данных услуг;
- эффект масштаба – предоставление бюджетных услуг закрепляется за тем уровнем власти, который может обеспечить эффективное производство этих услуг;
- принцип субсидиарности – если предыдущие два принципа выполняются для нескольких уровней власти, предоставление бюджетных услуг закрепляется за тем уровнем власти, который максимально приближен к потребителям бюджетных услуг.

Институт налоговых полномочий. Формирование доходной базы бюджетной системы в целом и каждого из ее уровней является результатом распределения налоговых полномочий*. При разграничении налоговых полномочий необходимо учитывать следующие критерии:

- степень *мобильности облагаемой базы* по тому или иному налогу. Принято считать, что чем менее мобильна налоговая база, тем на более низком уровне государственной власти она может облагаться, и наоборот. Традиционно считается, что достаточно высокой степенью мобильности и активности обладают труд и капитал, а самой низкой – имущество в виде недвижимости и природные ресурсы. Поэтому более целесообразно закрепление таких объектов налогообложения, как доходы юридических и физических лиц за общенациональным уровнем, а имущество и природные ресурсы – за субнациональным;

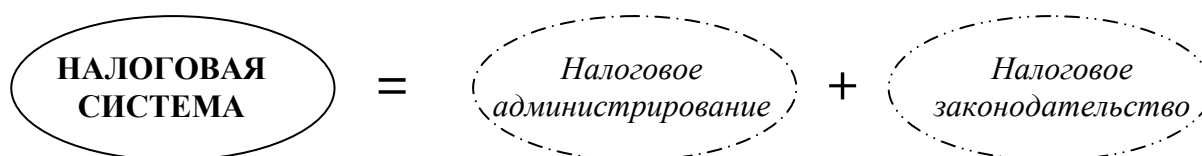
- существенную роль при решении вопроса о распределении налоговых полномочий играет степень *равномерности распределения налоговой базы* по территории государства. Чем неравномернее распределена налоговая база, тем на более высоком уровне государственной власти должно осуществляться его налогообложение, так как это не приведет к усилению дифференциации субнациональных бюджетов;

- в процессе распределения налоговых полномочий важное значение имеет фактор *экономической эффективности*. Имеется в виду повышение эффективности вследствие масштаба мероприятий или, наоборот, экономия на приближении уровня обложения к объекту обложения. При прочих равных условиях, чем масштабнее налоговая база, тем на более высоком уровне государственной власти она должна облагаться и наоборот. Так, например, налог на имущество физических лиц целесообразно определять на самом низком уровне, поэтому данный налог в России внесен в перечень местных;

- *макроэкономическое регулирование*, которое также вносит свой вклад в вопрос разграничения налоговых полномочий. Для такого регулирования необходимо закрепление за федеральным уровнем основных налогов, через которые таковое может осуществляться. В первую очередь это касается всех категорий подоходных налогов.

Построение налоговой системы любого государства основывается на распределении налоговых полномочий между уровнями бюджетной системы.

Основными элементами структуры налоговой системы, являются налоговое администрирование и формальные правила, изложенные в налоговом законодательстве. Рассмотрим более подробно каждый элемент данной структуры, представленной на рисунке.

Структура налоговой системы

* Под налоговыми полномочиями следует понимать законодательно оформленные права того или иного уровня бюджетной системы вводить, получать и администрировать налоги.

Налоговое законодательство определяет базовые принципы налогообложения, организацию структуры налогов, их перечень и основные элементы каждого налога.

Главным документом, регулирующим налоговые отношения в России, является Налоговый кодекс, который определяет формальные взаимоотношения между государством и налогоплательщиком. В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, основными элементами налогообложения являются налоговая база, ставка налога, налоговый период, порядок исчисления налога, порядок и сроки уплаты налога [6]. Изменение любого из этих элементов вызывает существенные колебания в уровне собираемости налогов, особенно если изменению (в сторону увеличения) подлежат такие элементы, как налоговая база и ставка налога.

Кроме того, в качестве дополнительного источника повышения налоговых доходов может выступать не изменение существующих норм, а введение дополнительных налогов*, что, учитывая эффект Лаффера от совокупной налоговой нагрузки, также может существенно и весьма неоднозначно влиять на суммарные налоговые поступления.

Налоговое администрирование как институт налоговой системы по своему содержанию представляет собой комплекс особых организационно-правовых отношений, процедурно обеспечивающих реализацию взаимоотношений государства и экономических агентов по поводу исчисления и уплаты налогов в рамках сложившейся системы налоговых отношений между государством.

Основными целями налогового администрирования являются:

обеспечение полного и своевременного сбора налоговых платежей в соответствии с действующим законодательством;

контроль соблюдения налогового законодательства;

применение мер воздействия к нарушителям налогового законодательства;

Цели налогового администрирования динамичны и предопределяются направлениями налоговой политики. Современная система налогового администрирования должна решать следующие задачи:

повышать уровень собираемости налогов;

сокращать издержки налогоплательщика на выполнение требований налогового законодательства и создавать для него максимально удобные условия по уплате налогов. При этом государство должно снижать свои затраты на осуществление налогового контроля;

обеспечивать справедливые и равные условия налогообложения юридических лиц, работающих в одной сфере хозяйственной деятельности.

Объективными предпосылками повышения эффективности механизма налогового администрирования как необходимого института реализации основных направлений налоговой политики государства выступают:

1) достижение целостности и согласованности, устанавливаемых государством институционально-правовых норм и правил взимания налогов;

2) расширение массовой институциональной практики неформальной мотивации к уплате налогов;

3) ужесточение внешнего принуждения к исполнению формальных норм через упорядочение налоговых норм и правил, их уточнение и конкретизацию в законодательстве.

Основным препятствием в совершенствовании механизма налогового администрирования на основе симметричности интересов и партнерства субъектов налоговых отношений выступает слабая заинтересованность бизнес-сообщества в развитии договорных отношений с государством и муниципальными образованиями**, обусловленная ожиданием получения больших финансовых выгод в результате неформальных договоренностей, и неготовность участников налоговых отношений к добросовестному исполнению фискальных обязательств. Необходимыми

* Иногда трансформация основ налогообложения может предполагать уменьшение налогового бремени (объединение нескольких налогов в один). В 2004 г. в России был введен единый налог, который предусматривал замену уплаты нескольких видов налогов. Главной целью введения такого налога является совершенствование существующей системы налогообложения и стимулирование определенных видов деятельности (аграрный сектор и малое предпринимательство).

** Договорной принцип построения налоговых отношений предполагает, что чем более ориентировано государство в процессе производства услуг на представителей тех или иных социальных групп, тем большей готовности платить налоги оно вправе от них ожидать.

составляющими институционального обеспечения «налогового партнерства» государства с налогоплательщиками являются:

- создание системы налогового консультирования;
- повышение уровня налоговой культуры общества;

установление в налоговом законодательстве возможности заключения мировых соглашений между налоговыми органами и налогоплательщиками при разрешении налоговых споров.

Неэффективное управление в области налогового администрирования может привести не только к резкому снижению поступлений налогов в бюджет, но и существенно увеличить вероятность налоговых правонарушений.

Институт финансовой помощи. Совпадение объема расходных обязательств и налоговых полномочий в бюджетной системе представляет собой некую теоретическую абстракцию, которая в практической жизни недостижима. Идеальная схема бюджетной модели предполагает, что объем доходных полномочий субъектов Федерации полностью адекватен объему расходных полномочий, закрепленному за конкретным уровнем государственной власти. Однако идеал достижим лишь теоретически, а на практике между расходными обязательствами и доходными возможностями по реализации полномочий всегда существует разрыв. Для корректировки дисбалансов бюджетной системы традиционно используются различные виды финансовой помощи.

В целом система распределения финансовой помощи должна удовлетворять следующим условиям:

- система межбюджетных трансфертов должна прежде всего преследовать цели макроэкономической стабилизации;
- методика распределения выравнивающих трансфертов должна утверждаться в контексте фискальной политики государства.
- цели выделения финансовой помощи должны быть ясно сформулированы, а также должна существовать возможность для их регулярного мониторинга;
- при планировании трансфертов необходимо учитывать средства, выделяемые по другим каналам;
- при предоставлении трансфертов необходимо рассмотреть возможные альтернативы.

Преодоление несбалансированности российской бюджетно-налоговой системы не должно сводиться к простому покрытию дефицитов региональных бюджетов, переложению расходной ответственности с одного уровня бюджетной системы на другой или незначительным налоговым корректировкам. Поиск решений накопившихся проблем должен носить системный характер, когда «играют по правилам», а не «с правилами», поэтому системное реформирование необходимо перенести на институциональное поле. Нам видится целесообразным введение новой дефиниции «*институциональной* бюджетно-налоговой системы» с ее признаками и принципами, способствующими преобразованию экономических основ бюджетного федерализма в существующих реалиях.

* * *

Все сказанное свидетельствует о том, что и в теории, и в жизни предстоит значительная работа по развитию основных принципов и практических инструментов российской модели бюджетного федерализма. Радикальное усиление роли субфедерального звена в решении задач модернизации российской экономики требует, помимо передачи регионам расходных полномочий, не отдельных налоговых корректировок, а системного реформирования бюджетных взаимодействий федерального центра и субъектов. При этом очевидна необходимость перехода к институциональному конструированию бюджетно-налоговой системы.

Литература

1. Зайцева Е.И. О вопросах совершенствования налогового и бюджетного законодательства Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 2. С.75-77.
2. Бухвальд Е.М. Политика регионального развития и реформирование российской модели бюджетного федерализма // Мир перемен. 2012. № 4. С.67-83.
3. И.А.Майбуров. Налоговая система России: выбор дальнейшего пути реформирования // Финансы. 2012. № 8. С.45-50.

4. Отчет экспертной группы Налоговая политика в Правительстве РФ. Режим доступа: <http://2020strategy.ru>
5. Жаров В.С. Инновационное развитие предприятий и экономические интересы субъектов управления // Север и рынок: Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 3. С.84-92.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации. М., 2005. Ч.1-2.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ*

Д.С.Крапивин

аспирант, младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Определяется влияние присутствия крупных корпораций на региональное развитие, дается критическая оценка нормативным документам, регулирующим деятельность отдельных компаний, предлагаются рекомендации по совершенствованию регулирования их деятельности

Ключевые слова: инвестиционная политика госкорпораций, документы, регламентирующие инвестиционную деятельность, инвестиционная привлекательность, инвестиционная деятельность

SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITIES OF COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION

D.S.Krapivin

Post-graduate student, junior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Center of RAS

Abstract. The article defines the influence of large corporations on regional development; the regulations of some companies' performance are critically evaluated, recommendations on improving regulation of their activities are given.

Keywords: investment policy of state corporations, documents regulating investment activities, investment attractiveness, investment activities

Посткризисная экономика имеет инвестиционный характер. Обеспечить инновационное развитие, модернизацию экономики и справиться с конкурентными вызовами смогут только те страны, которые сумеют нарастить объем инвестиций и обеспечить при этом их эффективность.

В России, где присутствие государства в экономике остается весьма ощутимым, немаловажным является рассмотрение вопросов инвестиционной политики госкорпораций и других подконтрольных государству хозяйствующих субъектов. Небольшой обзор компаний, являющихся типичными представителями определенного вида деятельности, может пролить свет на существующие пробелы в текущей инвестиционной политике крупного бизнеса. К таким структурам можно отнести: «Нефтяная компания «Роснефть», «Российские железные дороги», «ИНТЕР РАО ЕЭС», «Связьинвест», «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы».

Более того, деятельность данных компаний оказывает значительное влияние на экономику России через проекты, которые они осуществляют в регионах. Присутствие крупных компаний обеспечивают конкурентоспособность регионов и их устойчивое развитие на основе использования комплексного потенциала регионов [1]. Это легко продемонстрировать на примере Северо-Западного региона и Мурманской области в частности.

ОАО НК «Роснефть» занимается поставками в область мазута, нефти, участвует в проектах обеспечения области сжиженным газом и развития Мурманского транспортного узла [2].

* Статья написана при поддержке гранта Минобрнауки РФ по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры современной России», № 2012-1.2.1-12-000-3002-007.

ОАО «РЖД» представлено в области Мурманским отделением Октябрьской железной дороги, которая обслуживает основную транзитную железнодорожную магистраль Санкт-Петербург – Петрозаводск – Мурманск и другие железнодорожные линии. В транспортной системе Северо-Западного региона России на долю железной дороги приходится 75% грузо- и 40% пассажирских перевозок [3].

Одним из проектов реализуемых «ИНТЕР РАО ЕЭС» в Мурманской области, является проект по внедрению энергосберегающих мероприятий по экономии тепловой энергии и погашению инвестиционных затрат в виде доли экономии [4].

Связьинвест является фактически управляющей компанией, она представлена в Мурманской области отделением оператора дальней связи «Ростелеком», который предоставляет местную и дальнюю телефонную связь, широкополосный доступ в Интернет, цифровое телевидение и другие телекоммуникационные услуги [5].

В Мурманской области представление интересов «Федеральной сетевой компании Единой энергетической системы» осуществляется через «Карельское предприятие магистральных электрических сетей» (ПМЭС), которое входит в «Магистральные электрические сети Северо-Запада». Электросетевые объекты МЭС Северо-Запада являются узловыми для десяти АО-энерго России и связывают энергосистемы России, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии. В состав МЭС Северо-Запада входит Выборгский преобразовательный комплекс, передающий электроэнергию в энергосистему Финляндии, связывая ЕЭС России и энергообъединение скандинавских стран НОРДЭЛ.

В зону обслуживания МЭС Северо-Запада входят территории 11 субъектов РФ общей площадью 2 446.8 тыс. км² с населением 14.93 млн чел. Общая протяженность линий электропередачи по МЭС Северо-Запада составляет около 14 460 км. В эксплуатации МЭС Северо-Запада находятся 95 подстанций 35-750 кВ суммарной мощностью 42 145.26 МВА [6].

В целом, существование данных компаний в Мурманской области подтверждает, что регион является одним из значительнейших и важнейших центров страны с индустриально развитой экономикой, высоким уровнем энерговооруженности, развитой транспортной инфраструктурой, высоким научно-техническим потенциалом и уровнем жизни населения [7].

Поставленная цель – обеспечить темп и, самое главное, качество экономического роста в современных условиях хозяйствования, включая достижение максимальной эффективности инвестиционной деятельности, что определяет необходимость её совершенствования также и в области нормативного регулирования.

В настоящее время принят ряд документов, регламентирующих инвестиционную деятельность ОАО «ФСК ЕЭС» в качестве субъекта естественных монополий. Однако названные документы содержат противоречивые оценки инвестиционных потребностей отрасли, опираются на альтернативный подход с крайне малым числом проработанных альтернативных вариантов и недооценкой возможного негативного влияния внешних факторов, главным из которых в настоящее время является финансовый кризис. С другой стороны, появление различных инвестиционных документов в электроэнергетике следует рассматривать и как позитивный процесс внедрения в отрасли практики непрерывного инвестиционного планирования и как следствие непрерывного инвестиционного процесса, что объективно необходимо.

Анализ данных документов показал, что единой методики их составления не разработано. Недостаточно проработаны вопросы увязки стратегических документов в электроэнергетике разного временного уровня и их взаимосвязи с аналогичными документами в газовой и угольной отраслях, а также в других отраслях, связанных с производством электроэнергии. В связи с этим возникает потребность расчета инвестиционных программ на основе учета всех возможных источников производства электроэнергии.

С учетом недостаточной проработки плановых документов и дискретности развития финансовой системы страны инвестиционные процессы в российской электроэнергетике на данный момент не характеризуются высокой эффективностью. Все это свидетельствует о том, что долгосрочные и краткосрочные приоритеты развития электроэнергетики России требуют дальнейшей теоретической проработки и увязки интересов частных инвесторов, государства, приоритетов всех отраслей, от которых зависят поставки электроэнергии, с приоритетами развития отраслей-потребителей электроэнергии.

Необходимо формирование единой системы информационного обеспечения электроэнергетики для предоставления на регулярной основе информации о состоянии и перспективах развития электроэнергетики [8].

Также существуют недоработки в создании ОАО «НК «Роснефть» внутренних локальных документов, регламентирующих формирование и выполнение инвестиционной программы.

Процесс формирования и выполнения инвестиционной программы в целом регламентирован внутренними документами ОАО «НК «Роснефть». Однако не выполнены собственные решения о доработке внутреннего стандарта «О подготовке и рассмотрении инвестиционных проектов».

При этом представляется целесообразным установить не только порядок рассмотрения инвестиционных проектов, но также и порядок оформления принятых решений (установить обязательный перечень показателей, отражаемых в решениях по инвестиционным проектам) [8].

Есть проблемы и в регламентации деятельности ОАО «РЖД». В ходе структурной реформы в отрасли проведены структурные преобразования. Однако отдельные мероприятия требуют пересмотра с учетом актуального состояния железнодорожного транспорта, отдельные мероприятия не реализуются из-за имеющихся технологических, регуляторных и экономических ограничений.

В материалах обсуждения итогов структурного реформирования железнодорожного транспорта, проведенного 26 января 2010 г. Комитетом Государственной думы Совета Федерации по транспорту, и парламентских слушаний «Итоги выполнения мероприятий третьего этапа реформирования железнодорожного транспорта в 2009 г., состоявшихся 19 марта 2010 г., отмечено, что оценки реализации программных целей, задач и принципов структурной реформы железнодорожного транспорта, определенных постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2001 г. № 384, у руководства ОАО «РЖД» и пользователей услуг железнодорожного транспорта не однозначные, а иногда и диаметрально противоположные. Неоднозначность позиций имеется по ряду вопросов, в том числе:

- оценки целесообразности и способов полного отделения инфраструктуры от перевозочной деятельности в части грузовых перевозок;

- выбора направлений и методов развития частной собственности на магистральные локомотивы;

- выбора путей развития конкуренции в сфере грузовых перевозок и формирования института независимых перевозчиков;

- осуществления дифференцированного построения системы тарифов, в том числе выделения в тарифах услуг локомотивной тяги.

Отсутствие единых позиций по указанным вопросам затрудняет разработку и согласование нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность железнодорожного транспорта в условия структурного реформирования.

Кроме того, инвестиционная привлекательность объектов железнодорожного транспорта остается на низком уровне. Активное привлечение средств внешних источников на финансирование инвестиционных программ сдерживается законодательно установленными ограничениями в обороте объектов имущества ОАО «РЖД» [8].

Одной из проблем правового обеспечения инвестиционной деятельности является организация этой деятельности структурами холдингового типа. Так, ОАО «Связьинвест» и ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС», являясь фактически управляющими компаниями, самостоятельно не инвестируют денежные средства в капитальные вложения, а осуществляет данную деятельность через участие в уставных капиталах дочерних и зависимых акционерных обществ, руководствуясь при этом федеральным законодательством об акционерных обществах. Какие либо иные нормы, регламентирующие организационное взаимодействие в рамках холдинговых структур, в федеральном законодательстве отсутствуют.

В этой связи с целью оптимизации инвестиционного процесса в группе компаний ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» и ОАО «Связьинвест» будет целесообразным принятие органами управления взаимозависимых обществ внутрикорпоративных документов, обеспечивающих эффективное их взаимодействие в рамках инвестиционного процесса с целью минимизации затрат на реализацию инвестиционных проектов, обеспечения действенного контроля за использованием инвестиционных средств и увязки инвестиционных расходов с ростом эффективности, в том числе ростом производительности труда и фондоотдачи, снижением себестоимости и капиталоемкости [8].

Литература

1. Степанова Е.Н. Государственно-частное партнерство в устойчивом развитии Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 3. С.135-138.
2. Сайт информационного агентства «NORD-NEWS». Режим доступа: <http://www.nord-news.ru/news/2013/04/02/?newsid=46496>
3. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Октябрьская_железная_дорога
4. Сайт НП СРО «Гильдия Энергоаудиторов». Режим доступа: <http://www.guldenergo.ru/01.01.03.01/213.aspx>
5. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Связьинвест>
6. Сайт ОАО «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы». Режим доступа: http://www.fsk-ees.ru/about/affiliates/mes_north_west/
7. Скуфьина Т.П. Мурманская область: современный профиль и основные вехи развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 3. С.131-135.
8. Счетная палата Российской Федерации. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Подготовка аналитической записки по аудиту эффективности мер по снижению затрат при реализации инвестиционных программ хозяйствующих субъектов с государственным участием».

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ ВЛАСТИ

Е.Е.Емельянова

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассматриваются основные направления реализации инвестиционной политики северных регионов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях власти. Дана характеристика инвестиционной деятельности муниципальных органов власти по привлечению частных инвестиций на территорию муниципального образования.

Ключевые слова: инвестиционная политика, стратегическое развитие территорий, муниципально-частное партнерство, регионы и города Крайнего Севера

INVESTMENT POLICY OF NORTHERN TERRITORIES AT THE FEDERAL, REGIONAL AND MUNICIPAL LEVELS

Emelyanova E.E.

Junior Researcher

Luzin Institute for Economic Sciences, KSC of RAS

Abstract: The article considers the main directions of realization of the investment policy of Northern regions at the federal, regional and municipal levels. Investment activities of municipal authorities to attract private investments to the municipalities are characterized.

Keywords: investment policy, strategic development of territories, municipal-private partnership, regions and towns of the High North

Инвестиционная политика муниципальных органов власти напрямую зависит от инвестиционной политики федеральных и региональных органов власти. Это связано с тем, что самостоятельная инвестиционная политика муниципальных образований возможна только в очень редких случаях и в высокодоходных образованиях. Большинство муниципалитетов вынуждено искать финансовую поддержку в вышестоящих бюджетах и тем самым учитывать приоритеты реализации региональных и федеральных программ. Поэтому муниципальная инвестиционная политика не может рассматриваться отдельно от инвестиционной политики федерального и регионального уровней власти.

Основные принципы регионального развития изложены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

В связи с тем, что северные регионы имеют важнейшее значение для страны в целом и занимают около 70% всей территории Российской Федерации, в статье рассмотрены 13 субъектов РФ полностью отнесенных и приравненных к районам Крайнего Севера: Республики Коми, Карелия, Саха (Якутия) и Тыва, Камчатский край, Архангельская, Мурманская, Магаданская и Сахалинская области, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа, а также городские округа, расположенные в данных регионах с численностью населения от 20 до 100 тыс. чел.

Инвестиционные направления развития субъектов РФ на федеральном уровне определяются стратегиями социально-экономического развития того или иного федерального округа на период до 2020 г.

Так, главной целью Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года*, к которому относятся Республики Коми и Карелия, Архангельская и Мурманская области, а также Ненецкий АО, является формирование на инновационной основе экономики строительной отрасли, обладающей потенциалом, способным обеспечивать рост уровня благосостояния населения и стандартов проживания, укрепление конкурентоспособности и на этой основе рост качественных показателей и структурных характеристик комплекса.

Акцент сделан на инвестиционно-строительный комплекс, который относится к числу ключевых элементов хозяйства и во многом определяет решение социальных и экономических задач развития округа и входящих в его состав субъектов РФ. Реализация стратегических задач развития округа основана на широкомасштабном повышении инвестиционной активности, росте объемов капитальных вложений в новое строительство, реконструкции и техническом перевооружении существующих основных фондов, опережающем развитии производственного потенциала строительной отрасли и ее материально-технической базы. Непременным условием является повышение эффективности капитального строительства на основе наиболее рационального использования инвестиционных ресурсов, направление их в программы и проекты, позволяющие получить наибольшие экономические и социальные результаты, а также высокую эксплуатационную рентабельность возведенных объектов.

Согласно стратегии объемы капитального строительства в округе будут увеличиваться опережающими темпами в сравнении с ростом валового регионального продукта. Среднегодовой темп роста объемов работ по виду деятельности "строительство" составит до 2020 г. 109%, при этом опережающее развитие комплекса будет осуществляться в Республике Коми, Архангельской и Мурманской областях.

Приоритетами строительства в социальной сфере являются:

1. Ориентация на реализацию федеральных и региональных программ и инвестиций в области градостроительства и переустройства сельских населенных мест.
2. Удовлетворение спроса населения на жилье различной степени комфортности.
3. Повышение уровня обеспеченности современными объектами жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, культуры и спорта, образования и бытового обслуживания.

Приоритетами капитального строительства в производственной сфере названы:

1. Создание обновленного потенциала мощностей и материально-технической инфраструктуры строительного комплекса на основе инновационных технологий.
2. Реконструкция и техническое перевооружение промышленных узлов предприятий, зданий, сооружений и инженерных сетей.

Главные перспективы развития экономики севера Уральского федерального округа, в который входят Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа**, связаны с топливно-энергетическим комплексом, развитием электроэнергетики, нефтегазопереработки и нефтегазохимии.

При этом инвестиционные проекты и мероприятия, отраженные в стратегии, не являются источником возникновения дополнительных расходных обязательств федерального бюджета, а должны быть ориентиром для реализуемых на территории Уральского федерального округа

* Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. № 2074-р.

** Стратегия социально-экономического развития Уральского Федерального округа на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 1757-р.

государственных программ, инвестиционных программ субъектов естественных монополий федерального значения на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Реализация практически всех крупных инвестиционных проектов в Уральском федеральном округе предполагается за счет частных инвесторов.

Стратегическими приоритетами развития Сибири*, куда входит Республика Тыва, в Арктическом поясе являются интенсивная геологоразведка, освоение новых месторождений природных ресурсов, восстановление и развитие Северного морского пути, сохранение природной среды, сохранение культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, повышение качества их жизни. В Северном поясе акцент делается на реализации проектов в энергетическом секторе, строительстве северо-российского транспортного коридора, добыче и первичной переработке природных ресурсов (нефть, газ, лес, черные, цветные, благородные и редкоземельные металлы), строительстве трубопроводов и транспортной инфраструктуры, строительстве и реконструкции перерабатывающих производств (нефте-, газо- и углехимия, гелиевая промышленность, переработка древесины).

В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах большинство крупнейших инвестиционных проектов предполагается осуществлять за счет частных инвесторов и государственных программ.

Достижению целей и приоритетов Стратегии будет способствовать, прежде всего, реализация проектов зон опережающего развития: городских агломераций, территориально-производственных и туристско-рекреационных комплексов и обеспечивающей их транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры.

Стратегической целью развития Дальнего Востока**, куда входят Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области, Камчатский край и Чукотский АО, является модернизация транспортной инфраструктуры, развитие электроэнергетики и экономической специализации регионов.

В отличие от других федеральных округов Севера, помимо взаимодействия государства, бизнеса и общества, на принципах государственно-частного партнерства в реализации ключевых инвестиционных проектов на первоначальном этапе предусматривается обязательное и значительное участие государства в решении социальных проблем и устранении инфраструктурных ограничений экономического роста. Это связано с тем, что данные регионы на современном этапе развития являются малопривлекательными для частного бизнеса в связи с неразвитостью транспортной инфраструктуры, малой доступностью и удаленностью от федеральных центров, а также низкой плотностью населения и низким качеством жизни.

Механизмами реализации всех вышеперечисленных стратегий являются федеральные целевые программы, региональные и муниципальные программы, а также программы крупных компаний, направленные на комплексное развитие территории. Еще одним механизмом реализации стратегий является реализация крупнейших инвестиционных проектов, в том числе с использованием средств Инвестиционного фонда Российской Федерации и Российской венчурной компании.

Для реализации федеральных программ развития северных территорий необходимым условием является формирование системы документов стратегического планирования: федеральных отраслевых стратегий развития, стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, документов территориального планирования всех уровней, а также стратегических программ крупных компаний.

Основным условием успешной реализации всех стратегий федеральных округов называется комплексное, системное и синхронное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах государственно-частного партнерства в реализации ключевых инвестиционных проектов.

Согласно Концепции развития РФ до 2020 г., для достижения поставленных стратегических целей развития, успешной модернизации экономики и социальной сферы необходимо выстраивание эффективных механизмов взаимодействия общества, бизнеса и государства, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов различных социальных групп общества и бизнеса при выработке и проведении социально-экономической политики. Для этого

* Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-р.

** Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.

необходимо создание максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, поскольку именно частный бизнес является основной движущей силой экономического развития. В силу этого акцент ставится на необходимость развития частно-государственного партнерства, направленного на снижение предпринимательских и инвестиционных рисков, прежде всего в сферах исследований и разработок, распространения новых технологий, развития транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктуры.

Согласно Стратегий развития федеральных округов РФ, основной формой для привлечения серьезных частных инвестиций в масштабные инфраструктурные проекты является использование именно механизма частно-государственного партнерства, которое является альтернативой прямому бюджетному финансированию капитальных вложений при дефиците и профиците бюджета и представляет собой объединение сил государства и бизнеса в реализации социально значимых проектов.

Для инвесторов проекты в рамках частно-государственного партнерства представляют собой одно из направлений долгосрочного инвестирования с определенным уровнем доходности 18-22%, при этом риски частного бизнеса существенно снижаются благодаря государственным гарантиям, особенно финансовым инвесторам и кредиторам /1/. Государственно-частное партнерство на сегодняшний день является актуальным механизмом привлечения инвестиций для модернизации экономики и социальной сферы. Основная позиция руководства страны во многом ориентирована на привлечение именно частного капитала в инвестиции.

Важным условием развития инвестиционной деятельности и привлечения инвесторов в экономику региона является наличие доступной информации, необходимой для ведения инвестиционной деятельности.

В 5 субъектах РФ (Ханты-Мансийский АО, Камчатский край, Республики Саха (Якутия) и Карелия, Архангельская область) созданы инвестиционные порталы, на которых представлена вся необходимая информация об инвестиционной политике, нормативных актах в области инвестиционной деятельности и ее поддержки, национальных и региональных приоритетных направлениях развития, реализованных и реализуемых инвестиционных проектах. В Сахалинской области создан сайт Министерства инвестиций и внешних связей. В Мурманской области, Республиках Коми и Тыве на официальных сайтах Правительств субъектов РФ информация об инвестиционной деятельности вынесена в отдельный блок, где также представлена вся необходимая информация. В Ямало-Ненецком, Ненецком, Чукотском автономных округах и Магаданской области поиск информации об инвестиционной деятельности затруднен ввиду того, что эта информация не выделена в отдельный блок.

Инвестиционная политика и деятельность муниципальных образований в области инвестиционной деятельности основывается на государственной, региональной и собственной нормативной базе.

Особенностью инвестиционной политики муниципальных образований Севера и Арктики можно назвать тот факт, что большое количество городов Севера относится к монопрофильным. Из 333 моногородов России, согласно утвержденному списку*, в северных регионах находится 60. Доля монопрофильных городов, расположенных в регионах Севера, в общем количестве по Российской Федерации составляет около 20%.

Из рассматриваемых в статье 23 городских округов, расположенных в регионах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, монопрофильными являются 13 городов.

В целях реализации Комплекса мер**, направленных на содействие развитию экономики монопрофильных муниципальных образований и в соответствии с протоколом заседания Рабочей группы по модернизации моногородов при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции от 20 сентября 2011 г. N 14, а также в целях создания связанной системы документов планирования, обеспечивающей согласование приоритетов развития моногородов в долгосрочной перспективе, включения их в единую систему документов планирования социально-экономического и территориального планирования муниципального, регионального и федерального

* Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 23 декабря 2011 г. № 597 «Об актуализации перечня моногородов».

** Утверждены первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, Председателем Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции И.И. Шуваловым 25 апреля 2011 г. № 1859п-П16.

уровней, моногородам необходимо сформировать системы документов стратегического планирования развития монопрофильных муниципальных образований.

Согласно Рекомендациям* Минрегионразвития система документов стратегического планирования развития моногородов в качестве основного элемента должна включать документ долгосрочного планирования социально-экономического развития (стратегический план), разрабатываемый на срок от 10 до 20 лет. При этом для моногородов принципиально важной является увязка стратегии долгосрочного развития с утвержденным или разрабатываемым комплексным инвестиционным планом модернизации моногорода (КИП). Эта взаимосвязь обусловлена тем, что КИП фактически является механизмом реализации стратегии развития и служит планом мероприятий на среднесрочную перспективу по достижению стратегических приоритетов, обеспечивает реализацию приоритетных отраслевых направлений развития и инвестиционных проектов. Таким образом, должна быть сформирована система документов "стратегия моногорода - КИП".

Несмотря на то, что рекомендации не носят нормативно-правового характера и не являются обязательными для исполнения, а разработаны в целях дополнительного методологического содействия и имеют разъяснительный характер, наличие КИП, по сути, является обязательным условием для участия в реализации пилотных инвестиционных проектов и программ развития государством.

К проблеме моногородов власти обратились в 2009 г. в период экономического кризиса, после чего президент РФ, тогда еще Д.А. Медведев, в послании Федеральному собранию подчеркнул приоритетность направления работы Правительства в вопросах развития моногородов. В рамках реализации государственной программы поддержки моногородов государство выделило 27 млрд руб. на диверсификацию экономик. В дальнейшем предполагается, что решающая роль по диверсификации ляжет на региональные и муниципальные органы власти. В Программе до 2015 г. согласованы 50 ключевых инвестиционных проектов в моногородах, на реализацию которых в 2011 г. было предусмотрено более 100 млрд руб. Основным критерием участия в данной программе и получения федеральных средств является наличие реалистичного и обоснованного инвестиционного плана долгосрочного развития территории /2/.

На основе разработанных комплексных инвестиционных планов моногородов производится их отбор для последующей выработки предложений по реализации инвестиционных проектов моногородов и снижению инфраструктурных ограничений для их реализации**. Так, Северодвинску Архангельской области в 2010 году были перечислены 274 млн руб. на ремонт автотрассы и еще 40 млн в рамках программы Фонда содействия реформированию ЖКХ. В 2011 г. сумма государственной помощи Северодвинску составила порядка миллиарда рублей.

Таким образом, все моногорода обязаны разработать и принять комплексный план инвестиционного развития на долгосрочную перспективу как основной механизм реализации стратегического развития. В рассматриваемых городах, которые отнесены к монопрофильным, комплексные инвестиционные планы как отдельные стратегические документы на данный момент приняты в Коряжме, Новодвинске (Архангельская область), Кировске, Мончегорске (Мурманская область), Губкинском (Ямало-Ненецкий ОА), Инте (Республика Коми). В Костомукше (Республика Карелия), Воркуте (Республика Коми), Мегионе, Нягань, Лангепасе, Урай и Радужном (Ханты-Мансийского АО) не имеется КИП как отдельного стратегического документа, а инвестиционное развитие рассмотрено в рамках стратегий и комплексных планов социально-экономического развития муниципалитетов.

В остальных рассматриваемых городских округах, не отнесенных к моногородам, не имеют стратегических документов и только приступают к разработке стратегий развития Холмск, Корсаков (Сахалинская область), Пыть-Ях и Лабытнанги (разработана, но еще не принята); Охинский, Котлас, Усинск, Муравленко, Ухта имеют стратегии развития и как подразделы программы инвестиционного

* «Рекомендации по формированию системы документов стратегического планирования развития монопрофильных муниципальных образований». Письмо Министерства регионального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 35898-ЮО/18.

** «Об утверждении критериев отбора комплексных инвестиционных планов модернизации моногородов для последующей выработки предложений по реализации инвестиционных проектов моногородов и снижению инфраструктурных ограничений для их реализации в 2012 году». Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 27 сентября 2011 г. № 465.

развития; в Апатитах, помимо стратегии развития, принято постановление Администрации города о начале разработки комплексного инвестиционного плана в срок до 1 августа 2013 г.

В связи с тем, что повышение инвестиционной привлекательности муниципального образования является одним из важнейших направлений социально-экономического развития территории, органы местного самоуправления располагают реальными возможностями существенно влиять на инвестиционный климат территории. Важным направлением инвестиционной политики муниципалитета является маркетинг территории, то есть улучшение ее «инвестиционного имиджа» в глазах потенциальных инвесторов. Первым шагом маркетинга территории является создание информационного поля, необходимого инвесторам для принятия решений. Как показывает практика, наиболее эффективный инструмент в данном случае – инвестиционный паспорт муниципального образования, представляющий собой комплексный информационный бюллетень, рассчитанный на потенциальных инвесторов.

В инвестиционном паспорте муниципального образования отражаются общие сведения о муниципальном образовании; параметры социально-экономического развития муниципалитета (уровень жизни, экономика, местный бюджет, рынок труда, качество городской среды); перспективы развития муниципалитета; прогнозные характеристики; концепция развития муниципалитета; инвестиционная инфраструктура (транспорт, телекоммуникации, финансовый сектор, рынок недвижимости, производственная, инженерная, научно-образовательная, социальная, гостиничная инфраструктура); нормативно-правовые акты, регламентирующие инвестиционный процесс; процедуры организации бизнеса; предложения по инвестиционным проектам; контактная информация.

Целью разработки инвестиционного паспорта является заявка для участия муниципалитета в инвестиционной деятельности, а также информационная поддержка местных предприятий, имеющих инвестиционные проекты. Составление инвестиционного паспорта муниципального образования строится на регулярной основе с целью обновления представляемой информации. Для этого необходимы: организация периодического сбора достоверной статистической информации о состоянии экономики муниципального образования; определение инвестиционной политики на среднесрочную перспективу; определение потенциально возможных областей и объектов для инвестирования; проведение SWOT-анализа выбранных областей и субъектов; оценка возможных затрат и ожидаемых результатов, а также способы участия администрации /3/.

В исследуемых городах инвестиционные паспорта муниципальных образований разработаны и находятся в открытом доступе на официальных сайтах правительств субъектов РФ и городских администраций в 9 городских округах: Апатитах, Мончегорске, Кировске, Костомукше, Губкинском, Урай, Воркуте, Нягань и Корсакове. В двух городах инвестиционные паспорта находятся в стадии разработки (Коряжма и Мегион). В остальных 14 городских округах инвестиционные паспорта либо не разработаны, либо нет доступной информации об их разработке. Из них 4 города имеют паспорта инвестиционных площадок (Радужный, Инта, Ухта, Усинск).

Основными механизмами реализации инвестиционных проектов на муниципальном уровне являются федеральные, региональные и муниципальные программы. Еще одним эффективным механизмом реализации инвестиционных проектов, помимо бюджетов различных уровней, является развитие частно-муниципального партнерства, предполагающего объединение материальных и нематериальных ресурсов местного самоуправления и частного сектора (частных предпринимателей, компаний, предприятий) на долгосрочной и взаимовыгодной основе для создания общественных благ (благоустройство и развитие территории, развитие инженерной и социальной инфраструктуры) или оказания общественных услуг (в области образования, здравоохранения, социальной защиты и т.д.) [4, с.22].

В зарубежной практике привлечение бизнеса в развитие муниципалитетов имеет очень широкий спектр и используется практически во всех социально значимых областях. В Российской Федерации наибольшее число подобного рода проектов реализуется в сфере ЖКХ, инженерной и транспортной инфраструктуре. Типичными примерами реализуемых проектов частно-муниципального партнерства являются: передача муниципального жилищного фонда на обслуживание коммерческой фирме; создание управляющих компаний в сфере управления и обслуживания жилищного фонда; обеспечение жилого сектора теплом и горячей водой; сотрудничество в области образования; строительство автодорог; организация пассажирских перевозок; строительство гостиниц; программа «Жилье – молодым»; реконструкция городских территорий [5].

Применение механизмов муниципально-частного партнерства дает возможность для осуществления общественно значимых проектов, малопривлекательных для традиционных форм частного финансирования, повышения эффективности проектов за счет участия в них частного бизнеса, а также позволяет снизить нагрузки на бюджет за счет привлечения частных средств.

Основой успешного муниципально-частного партнерства является нормативно-правовая база муниципалитета, где определены основные принципы и формы имущественного и финансового участия городского округа в муниципально-частном партнерстве, формы муниципальной поддержки развития муниципально-частного партнерства в городском округе, а также условия участия и гарантии, предоставляемые инвесторам. Отсутствие комплексного нормативно-правового документа, способного интегрировать инструменты муниципально-частного партнерства, значительно усложняет процесс создания и управления проектами подобного плана, что в свою очередь затрудняет экономическое и социальное развитие муниципальных образований.

В настоящее время все большее количество муниципальных образований в России принимают положения о муниципально-частном партнерстве. Уже относительно давно используют данный механизм взаимодействия, подкрепленный законодательно на местном уровне, такие крупные города: Санкт-Петербург, Москва, Уфа, Казань, Махачкала, Набережные Челны (2008 г.), Чита, Иркутск (2010 г.), Ставрополь (2013 г.) и другие. В малых и средних городах также начинает развиваться механизм частно-муниципального партнерства, где приняты соответствующие положения: Улан-Удэ (2007 г.) г.Черемхово Иркутской области (2009 г.), Вичуга Ивановской области (2010 г.) и другие.

В исследуемых 23 городских округах положения о муниципально-частном партнерстве приняты только в 4: Инта, Усинск, Воркута (Республика Коми) в 2011 г. и Мегион (Ханты-Мансийский АО) в 2012 г. Причем в Республике Коми данные положения приняты все в одно время, носят формальный характер, являются абсолютно однотипными и не отражают специфики развития конкретного городского округа.

Еще одним условием развития частно-муниципального партнерства является создание условий для привлечения предприятий, ориентированных на местную экономику, развитие и поддержку предпринимательской деятельности. Основные формы поддержки инвестиционной деятельности на территории муниципального образования определяются нормативно-правовыми документами регионального и местного значения. К ним относятся: льготное налогообложение, упрощенная система налогообложения, освобождение от уплаты налогов на имущество, предоставление субсидий, отсрочка по уплате или сокращение арендной платы за использование земельных участков, муниципальной и государственной собственности, возвращение затрат арендатора на проведение капитального ремонта арендуемого имущества и другие.

Наиболее острыми проблемами осуществления муниципально-частного партнерства является неразвитость нормативно-правовой базы на муниципальном уровне, неспособность муниципальных образований, имея привлекательные сферы и объекты для инвестирования, подготовить и «упаковать» проекты для инвесторов; отсутствие квалифицированных частных компаний, владеющих инструментами муниципально-частного партнерства и вкладывающих средства в инфраструктурные проекты [6]; недостаток и неполнота информации о имеющихся инвестиционных площадках на территории муниципального образования; отсутствие необходимых знаний и соответствующего опыта; плохая информированность о преимуществах данной формы взаимодействия бизнеса и местной власти; недостаточная заинтересованность и слабые стимулы у администраций муниципальных образований к активизации деятельности по привлечению инвестиций и развитию предпринимательского сектора как важнейших условий территориального развития в современных условиях [7].

Подводя итог, можно говорить о том, что основные направления развития муниципальных образований определяются федеральными и региональными стратегическими целями и программами, которые задают необходимые ориентиры для реализации инвестиционных проектов на местном уровне. Актуальным направлением реализации инвестиционных планов является привлечение частных инвесторов на территорию муниципальных образований и развитие частно-муниципального партнерства, что позволяет снизить нагрузку на местный бюджет и реализовать социально значимые проекты для развития территории в целом. Для этого необходима комплексная разработка стратегических документов, включая инвестиционный план развития муниципалитета, развитие нормативно-правовой базы на муниципальном уровне с указанием преимуществ и способов поддержки предприятий и потенциальных инвесторов, регулярный сбор, предоставление и

доступность необходимой информации об имеющихся инвестиционных площадках на территории муниципального образования в Интернет-ресурсах и на официальных сайтах и порталах органов власти. Реализация данных мер позволит повысить инвестиционную привлекательность муниципалитета и привлечь частный сектор в экономику города для развития территории в целом.

Литература

1. Инвестиционный портал Ханты-Мансийского Автономного округа – Югры. Режим доступа: <http://investugra.ru/gchp/about-the-importance/>
2. Медведев недоволен «элементарным разгильдяйством» // Коряжемский муниципальный вестник, № 019 (12747) 22/02/2011. Режим доступа: <http://tk-online.ru/story/medvedev-nedovolenn-elementarnym-razgilydyaistvom>
3. Фонд Института экономики города. Режим доступа: http://www.e-gorod.ru/pract/practics_main/List_and_Texts/Text_1_2_3.htm
4. Инвестиционная активность муниципальных властей как фактор территориального развития (на примере республики Башкортостан) / И.Ф.Зиннуров, И.А.Ситнова // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 8 (65). С.20-23.
5. Колесникова К.И. Частно-государственное партнерство: опыт зарубежных стран и перспективы для России // Вопросы управления. Уральский институт – филиал РАНХиГС. Электронная версия регулярного бумажного издания. 2008. № 3(4), декабрь. Режим доступа: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2008/03/16/>
6. Кузьмин Е.А. Реализация проектов государственно-частного партнерства в муниципальных образованиях // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал, 2010. № 4 (24). № рег. статьи 0077. Режим доступа: <http://region.mcnp.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=194>
7. Целищева Е.Ф. Теоретические аспекты муниципальной инвестиционной политики: содержание и механизмы реализации // Муниципалитет: экономика и управление. Электронная версия научно-информационного журнала. 2012 № 2(3), сентябрь. Режим доступа: <http://municipal.uara.ru/ru-ru/issue/2012/02/03/>

РОЛЬ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В КРЕДИТОВАНИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Г.В.Кобылинская

кандидат экономических наук, зав. сектором

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Оценивается обеспеченность регионов банковскими услугами на базе методики расчета количественных показателей, позволяющей дифференцировать уровень развития данной сферы услуг, исследуется влияние банковского сектора на инвестиционные процессы регионов Севера, даны рекомендации по активизации процессов кредитования

Ключевые слова: Ключевые слова: банковский сектор, совокупный индекс обеспеченности региона банковскими услугами, институциональная и финансовая насыщенность банковскими услугами, индекс развития сберегательного дела, кредитование основного капитала

ROLE OF THE BANKING SECTOR IN LENDING OF NORTHERN REGIONS

G.V.Kobylinskaya

PhD (Economics), head of sector

Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

Abstract. Region security of banking services is assessed by means of calculating the quantity indices. Banking sector effect on the investment activity in the northern regions of Russia is analyzed. Recommendations for activating the credit processes are given.

Keywords: banking sector, cumulative index of the region's security of banking services, institutional and financial saturation with banking services, index of banking savings development, lending of fixed capital

Банковский кредит, унаследованный нашей страной из социалистического уклада, является традиционным источником внешнего финансирования для предприятий и организаций Российской Федерации. Однако для выполнения своих функций по кредитованию реального сектора банковская система должна иметь соответствующий уровень развития.

В Российской Федерации Центральным банком России разработана методика расчета количественных показателей, позволяющих дифференцировать уровень развития сферы банковских услуг в различных регионах [1]. Ключевым показателем данной методики выступает совокупный индекс обеспеченности региона банковскими услугами (СИОБУ). Составными его элементами являются: институциональная насыщенность банковскими услугами (ИНБУ); финансовая насыщенность банковскими услугами по активам кредитных организаций (ФНБУА); финансовая насыщенность банковскими услугами по объемам кредитования (ФНБУК); индекс развития сберегательного дела (ИСД) (вклады на душу населения к доходам). Критерием оценки выступает Российская Федерация, для которой значения перечисленных коэффициентов принимаются за единицу (в исследовании расчет производится без учета Москвы и Московской области, так как данные субъекты Федерации в совокупности в активах российской банковской системы составляют более 60% и, соответственно значительно искажают усредненные показатели по России).

Объектом исследования выступают регионы Севера, которые, занимая около 70% территории России, являются основной базой пополнения федерального бюджета и источником валютных поступлений [2].

Сопоставление северных регионов по значению совокупного индекса обеспеченности банковскими услугами позволяет выделить в качестве лидеров в основном регионы Дальневосточного федерального округа: Магаданская, Камчатская области, Чукотский автономный округ. К ним присоединяется Республика Алтай (табл.1).

Таблица 1

Совокупный индекс обеспеченности региона банковскими услугами на начало периода

Регионы	2002 г.	2005 г.	2006 г.*	2007 г.*	2008 г.*	2009 г.*	2010 г.*	2011 г.*	2012 г.*
Российская Федерация	1	1	1	1	1	1	1	1	1
<i>Северные регионы</i>	<i>0.85</i>	<i>0.85</i>	<i>0.86</i>	<i>0.89</i>	<i>0.78</i>	<i>0.79</i>	<i>0.8</i>	<i>0.82</i>	<i>0.83</i>
Республика Карелия	0.78	0.79	0.93	0.93	0.88	0.92	0.89	0.95	0.94
Республика Коми	0.75	0.8	0.86	0.84	0.80	0.68	0.7	0.72	0.71
Архангельская область	0.76	0.77	0.80	0.80	0.77	0.73	0.81	0.77	0.77
Мурманская область	0.8	1.01	0.97	0.88	0.86	0.90	0.9	0.93	0.92
Пермский край	0.91	0.92	0.85	0.97	0.99	1.0	0.99	0.99	1.01
Тюменская область	0.83	0.77	0.95	0.86	0.81	0.68	0.71	0.77	0.78
Республика Алтай	0.71	0.76	1.68	1.54	1.92	1.6	1.44	1.25	1.14
Республика Бурятия	0.68	0.84	0.82	0.79	0.75	0.87	0.84	0.9	0.91
Республика Тыва	0.34	0.47	0.63	0.63	0.66	0.69	0.68	0.63	0.64
Забайкальский край	0.53	0.67	0.8	0.75	0.75	0.86	0.69	0.77	0.74
Красноярский край	0.62	0.79	0.82	0.79	0.75	0.79	0.82	0.77	0.81
Иркутская область	0.76	0.83	0.92	0.89	0.86	0.96	0.91	0.93	0.96
Томская область	1.02	0.98	0.88	0.87	0.89	0.85	0.86	0.85	0.86
Республика Саха	0.66	0.7	0.98	0.98	0.95	0.83	0.9	0.75	0.75
Камчатская область	1.17	1.28	1.59	1.37	1.18	1.05	1.03	1.08	1.13
Приморский край	0.88	0.93	0.99	0.92	0.94	1.01	1.0	0.96	0.94
Хабаровский край	1.03	0.97	1.22	1.11	1.06	1.16	1.16	1.12	1.24
Амурская область	0.74	0.72	1.0	0.87	0.82	0.93	0.87	0.94	0.92
Магаданская область	1.93	1.59	2.16	1.83	1.55	1.21	1.19	1.44	1.46
Сахалинская область	0.74	0.83	1.05	0.93	0.79	0.67	0.65	0.66	0.67
Чукотский АО	0.56	1.02	1.84	1.82	1.71	0.99	0.89	0.76	0.73

*Расчет автора на основе источника [3] без Москвы и Московской области для сопоставимости данных.

Именно названные регионы превышают среднероссийский уровень развития сферы банковских услуг. Приближается к среднероссийскому уровню Пермский и Приморский края. Остальные исследуемые субъекты Федерации имеют уровень развития сферы банковских услуг ниже среднего. Такая же тенденция характерна и для регионов Севера в целом.

Уровень развития сферы банковских услуг в регионах достаточно слабо коррелирует с активностью банков в инвестиционном процессе. По усредненному показателю доли кредитования (за период 2000-2011 гг.) в структуре источников финансирования основного капитала первое место занимает Республика Карелия (табл.2). Высокие усредненные показатели в Камчатской и Магаданской областях обусловлены активностью банков в инвестиционном процессе в отдельные периоды (Камчатская область: 2000-2003 гг., Магаданская область: 2000-2004 гг.) (табл.2).

Таблица 2

Оценка доли кредитования в структуре источников финансирования основного капитала,% [4]

Регионы	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Среднее
Российская Федерация	2.9	8.3	9.5	10.4	11.8	10.3	9.0	8.5	7.7
<i>Северные регионы</i>	2.4	4.2	5.6	6.7	8.7	6.9	5.1	5.7	5.1
Республика Карелия	1.2	20.3	8.7	13.9	21.1	11	12.6	8.9	13.4
Республика Коми	9.8	2.1	1.7	9.3	10.4	15.7	8.7	1.1	8.1
Архангельская область	0.5	4.2	2.3	4.3	6.5	3.3	5.4	3.5	7.8
Мурманская область	1.1	6.5	4.6	11.3	3.7	9.3	7.3	2.4	4.8
Пермский край	9.7	6.9	7.3	9.2	6.2	2.8	4.8	8.1	6.4
Тюменская область	0.7	1.9	3.5	6.7	5.8	5.9	4.0	5.6	3.4
Республика Алтай	0.6	8.0	1.5	3.9	5.7	7.2	5.9	4.6	3.6
Республика Бурятия	5.4	9.5	5.0	3.8	5.0	2.3	1.3	6.6	5.5
Республика Тыва	-	-	-	0.1	9.8	0.1	8.6	0.9	2.6
Забайкальский край	0.4	2.6	2.1	3.5	3.4	0.4	0.5	4.2	3.4
Красноярский край	1.4	14.3	12.4	6.0	4.1	3.7	3.7	8.6	6.0
Иркутская область	0.5	6.7	5.5	3.6	9.5	9.8	10.6	9.7	6.0
Томская область	3.1	8.9	5.2	6.3	5.1	9.0	5.1	1.9	4.8
Республика Саха	0.7	4.7	9.6	3.1	2.4	1.7	3.2	2.9	3.5
Камчатская область	16.4	7.2	4.2	5.4	3.1	2.0	4.8	4.2	10.4
Приморский край	1.6	4.9	9.1	14.2	10.7	2.6	4.5	3.9	6.1
Хабаровский край	2.2	5.3	11.1	15.9	15.7	5.8	3.3	5.2	7.4
Амурская область	8.4	6.8	9.0	9.3	2.9	1.2	2.0	2.4	5.3
Магаданская область	25.0	0.5	2.0	0.7	0.8	1.5	1.2	2.2	12.0
Сахалинская область	1.6	0.7	8.8	4.6	46.4	39.7	16.2	15.0	11.7
Чукотский АО	-	0.1	0.03	0.3	0.2	1.2	-	0.1	0.3

Всплески активизации банковского кредитования инвестиций характерны и для других регионов Севера.

Выявление причин сложившегося положения обуславливает необходимость детального исследования индексов, составляющих интегральный показатель.

Первым показателем, входящим в состав совокупного индекса обеспеченности банковскими услугами, является институциональная насыщенность банковскими услугами. По своему смысловому содержанию названный показатель дает оценку банковской инфраструктуре региона с точки зрения степени охвата населения (количество кредитных организаций, филиалов и дополнительных офисов кредитных организаций, расположенных на поднадзорной территории, приходящихся на одного жителя).

По данному показателю практически все северные регионы превышают среднероссийский уровень. Исключение составляет Архангельская область и Республика Тыва.

Малочисленность населения Магаданской области, Чукотского автономного округа и Камчатской области обуславливают самые высокие значения у этих субъектов с тенденцией снижения по институциональной обеспеченности (табл.3).

Наиболее густонаселенные регионы (Пермский, Красноярский, Приморский края), напротив, в отдельные периоды имеют уровень институциональной обеспеченности ниже среднего. Исключение составляет Тюменская область – регион нефте- и газодобычи.

Институциональная насыщенность банковскими услугами на начало периода

Регионы	2002 г.	2005 г.	2006 г.*	2007 г.*	2008 г.*	2009 г.*	2010 г.*	2011 г.*	2012 г.*
<i>Северные регионы</i>	1.05	1.23	1.31	1.09	1.09	1.15	1.07	1.16	1.1
Республика Карелия	1.3	1.05	1.05	1.16	1.09	1.18	1.12	1.23	1.24
Республика Коми	1.46	1.42	1.41	1.4	1.39	0.93	0.99	1.08	1.07
Архангельская область	0.83	0.95	0.97	0.96	0.91	0.87	0.9	0.96	0.99
Мурманская область	1.04	1.25	1.33	1.18	1.11	1.32	1.25	1.4	1.36
Пермский край	0.77	0.81	0.51	0.91	0.92	0.91	0.96	1.05	1.02
Тюменская область	2.0	1.94	2.04	1.79	1.67	1.23	1.14	1.23	1.19
Республика Алтай	1.16	1.21	1.54	1.53	1.36	1.16	1.08	1.18	1.13
Республика Бурятия	0.97	1.09	1.05	0.84	0.78	1.38	1.26	1.28	1.24
Республика Тыва	0.77	0.92	1.13	0.68	0.6	0.79	0.72	0.76	0.69
Забайкальский край	0.88	1.06	1.08	0.84	0.78	1.39	1.1	1.23	1.12
Красноярский край	0.97	1.02	1.08	0.99	0.85	1.18	1.13	1.24	1.2
Иркутская область	0.94	0.98	1.03	0.83	0.8	1.14	1.0	1.07	1.02
Томская область	1.12	1.19	1.31	1.32	1.21	1.14	1.06	1.1	1.05
Республика Саха	2.04	2.23	2.16	2.21	1.75	1.0	1.0	1.04	1.08
Камчатская область	2.42	2.7	2.89	2.42	2.08	1.53	1.4	1.66	1.69
Приморский край	0.8	0.88	1.17	0.85	0.85	1.16	1.04	1.1	1.07
Хабаровский край	0.76	0.72	1.11	0.87	0.85	1.17	1.06	1.14	1.12
Амурская область	0.87	0.91	1.54	0.96	0.76	1.25	1.06	1.18	1.13
Магаданская область	3.41	4.45	4.86	3.93	3.02	1.65	1.56	1.65	1.58
Сахалинская область	1.45	1.79	2.12	1.68	1.45	1.18	1.18	1.31	1.25
Чукотский АО	3.23	4.88	4.1	4.89	4.39	2.09	1.93	1.97	1.39

*Расчет автора на основе [3] без Москвы и Московской области для сопоставимости данных.

Показателем, также имеющим непосредственную привязку к населению, выступает индекс развития сберегательного дела. Он характеризует степень удовлетворения спроса населения региона на сберегательные услуги. В основе расчета данного индекса лежит сравнение уровня среднедушевого дохода с вкладами физических лиц в банковском секторе региона.

Наиболее низкое значение индекс имеет в самых бедных (по уровню среднедушевого дохода) регионах: Республики Алтай и Тыва, несмотря на то, что по институциональной насыщенности Алтай характеризуется значением выше среднероссийского (табл.4).

Выше среднего значения индекс имеет место в регионах с более высокими доходами: Мурманская, Камчатская, Магаданская области, Хабаровский край и Чукотский автономный округ. На этом фоне выделяется Тюменская и Сахалинская области, Республика Коми с высокими среднедушевыми доходами и со значением индекса ниже среднего (в Тюменской области – в отдельные периоды, в Сахалинской и Республике Коми – на протяжении всего исследуемого периода). Приморский край, напротив, с относительно невысокими доходами характеризуется благоприятными тенденциями в отношении развития сберегательного дела.

В целом для регионов Севера в отношении роста потенциала и развития сберегательного дела ситуация складывается не самая благоприятная, поскольку уровень доходов на исследуемых территориях независимо от экстремальности условий жизни постепенно приближается к среднероссийскому.

Следующие два показателя в совокупном индексе – финансовая насыщенность банковскими услугами по активам и кредитам кредитных организаций. Расчет первого показателя базируется на определении соотношения сальдированных активов головных офисов и филиалов региона и валового регионального продукта (ВРП), второй определяется отношением объемов выданных кредитов нефинансовым организациям – резидентам и физическим лицам к ВРП. В целом показатели позволяют оценить, с одной стороны, финансовую обеспеченность региона банковскими ресурсами, с другой – кредитную активность банка в соответствующем регионе. Другими словами, один показатель определяет возможности, другой – степень реализации этих возможностей.

Именно эти показатели отличаются наиболее низкими значениями практически у всех регионов Севера (табл.5).

Индекс развития сберегательного дела на начало периода

Регионы	2002 г.	2005 г.	2006 г.*	2007 г.*	2008 г.*	2009 г.*	2010 г.*	2011 г.*	2012 г.*
Среднедушевой доход по региону/среднедушевой доход по России **									
<i>Северные регионы</i>	1.22	1.13	1.13	1.12	1.11	1.14	1.09	1.06	1.04
Республика Карелия	0.96	0.92	0.9	0.9	0.84	0.86	0.85	0.85	0.85
Республика Коми	1.59	1.47	1.42	1.36	1.34	1.3	1.19	1.17	1.15
Архангельская область	0.99	0.96	0.98	0.95	0.93	1.01	1.04	1.03	1.03
Мурманская область	1.51	1.32	1.31	1.28	1.26	1.32	1.32	1.27	1.22
Пермский край	1.06	1.0	1.02	1.1	1.09	1.1	1.06	1.05	1.03
Тюменская область	2.32	1.91	1.85	1.85	1.82	1.88	1.64	1.5	1.43
Республика Алтай	0.53	0.54	0.54	0.55	0.56	0.7	0.66	0.71	0.67
Республика Бурятия	0.74	0.73	0.75	0.69	0.71	0.76	0.77	0.75	0.76
Республика Тыва	0.53	0.53	0.51	0.47	0.48	0.54	0.59	0.54	0.53
Забайкальский край	0.66	0.75	0.73	0.7	0.66	0.74	0.75	0.75	0.77
Красноярский край	1.17	1.01	0.96	0.96	1.03	1.07	1.01	0.96	0.97
Иркутская область	0.94	0.85	0.88	0.87	0.82	0.89	0.82	0.8	0.77
Томская область	0.93	1.02	1.01	0.98	0.96	0.91	0.82	0.8	0.8
Республика Саха	1.64	1.5	1.4	1.33	1.24	1.25	1.25	1.22	1.23
Камчатская область	1.49	1.33	1.38	1.36	1.34	1.35	1.42	1.43	1.4
Приморский край	0.77	0.85	0.89	0.9	0.87	0.87	0.92	0.91	0.92
Хабаровский край	1.11	1.2	1.19	1.22	1.2	1.1	1.18	1.19	1.15
Амурская область	0.76	0.74	0.74	0.73	0.77	0.83	0.78	0.76	0.86
Магаданская область	1.66	1.49	1.38	1.36	1.33	1.34	1.47	1.47	1.47
Сахалинская область	1.26	1.49	1.56	1.62	1.64	1.68	1.68	1.62	1.55
Чукотский АО	2.6	2.32	2.43	2.3	2.12	2.06	1.19	2.01	2.07
Значение индекса сберегательного дела									
<i>Северные регионы</i>	0.92	0.9	0.86	0.87	0.89	0.88	0.9	0.94	1.0
Республика Карелия	0.69	0.74	0.81	0.91	0.88	0.97	0.87	0.88	0.89
Республика Коми	0.78	0.84	0.85	0.85	0.84	0.91	0.92	0.93	0.96
Архангельская область	0.76	0.78	0.82	0.86	0.91	0.91	0.9	0.93	0.96
Мурманская область	1.03	1.13	1.18	1.08	1.04	1.07	1.05	1.02	1.03
Пермский край	0.98	0.88	0.87	0.82	0.86	0.89	0.87	0.87	0.93
Тюменская область	0.81	1.05	1.04	1.0	0.96	0.92	0.99	1.08	1.2
Республика Алтай	0.37	0.44	0.45	0.47	0.48	0.38	0.48	0.47	0.46
Республика Бурятия	0.55	0.56	0.52	0.54	0.54	0.53	0.53	0.57	0.59
Республика Тыва	0.27	0.3	0.3	0.35	0.34	0.33	0.33	0.35	0.36
Забайкальский край	0.76	0.57	0.58	0.61	0.6	0.54	0.54	0.57	0.57
Красноярский край	0.74	0.81	0.82	0.85	0.81	0.71	0.74	0.78	0.81
Иркутская область	0.8	0.84	0.8	0.82	0.8	0.8	0.81	0.9	0.96
Томская область	0.94	0.99	0.88	0.88	0.85	0.9	1.03	1.04	1.11
Республика Саха	0.69	0.67	0.69	0.68	0.66	0.66	0.63	0.64	0.67
Камчатская область	0.97	1.15	1.19	1.2	1.15	1.16	1.06	1.08	1.12
Приморский край	0.89	0.96	0.94	1.01	1.04	1.1	1.13	1.14	1.19
Хабаровский край	0.92	1.09	1.13	1.11	1.13	1.22	1.24	1.2	1.2
Амурская обл.	0.65	0.64	0.7	0.8	0.8	0.82	0.79	1.01	0.87
Магаданская область	1.15	1.26	1.34	1.35	1.32	1.46	1.22	1.27	1.33
Сахалинская область	0.92	0.93	0.96	0.98	0.97	0.91	0.91	0.92	1.0
Чукотский АО	1.21	1.32	1.43	1.37	1.48	1.16	1.01	0.75	0.91

*Расчет автора на основе источника [3] без Москвы и Московской области для сопоставимости данных.

**Расчет автора на основе источника[4].

Ресурсная база (банковские активы) в сравнении с ВРП имеет тенденцию снижения в регионах, обеспечивающих наибольший объем производства валового продукта (Тюменская область – доля валового продукта в структуре северных регионов составляет не ниже 35%, а в отдельные периоды поднимается выше 40% (2004-2007 гг.); Красноярский край – 9-11%; Пермский край – 6.5-8%; Иркутская область и в последние периоды (2009-2011 гг.) Сахалинская область – свыше 5%). Субъекты Федерации с минимальными объемами ВРП (суммарный вклад Республик Алтай и Тыва, Камчатской и Магаданской областей, Чукотского автономного округа в совокупный валовой продукт северных регионов не превышает 3%) напротив, имеют относительно благополучное положение по наполняемости банковскими ресурсами. В остальных регионах ситуация достаточно изменчива.

Таблица 5

Финансовая насыщенность банковскими услугами (по активам)* на начало периода

Регионы	2002 г.	2005 г.	2006 г.**	2007 г.**	2008 г.**	2009 г.**	2010 г.**	2011 г.**	2012 г.**
<i>Северные регионы</i>	0.67	0.69	0.62	0.75	0.56	0.5	0.59	0.58	0.59
Республика Карелия	0.49	0.62	0.71	0.68	0.67	0.7	0.71	0.77	0.72
Республика Коми	0.59	0.62	0.6	0.53	0.47	0.45	0.47	0.5	0.43
Архангельская область	0.54	0.59	0.53	0.58	0.56	0.52	0.57	0.61	0.53
Мурманская область	0.71	0.82	0.72	0.62	0.64	0.61	0.68	0.7	0.63
Пермский край	0.85	0.88	0.95	0.97	1.02	1.05	0.92	0.89	0.88
Тюменская область	0.9	0.58	0.45	0.39	0.31	0.28	0.39	0.42	0.41
Республика Алтай	0.67	0.72	0.82	0.94	1.5	1.63	1.47	0.91	0.71
Республика Бурятия	0.68	0.83	0.77	0.79	0.79	0.74	0.77	0.81	0.62
Республика Тыва	0.43	0.38	0.51	0.71	0.79	0.77	0.72	0.61	0.67
Забайкальский край	0.51	0.59	0.63	0.66	0.77	0.75	0.5	0.57	0.46
Красноярский край	0.44	0.64	0.64	0.62	0.6	0.6	0.63	0.48	0.5
Иркутская область	0.68	0.71	0.78	0.86	0.82	0.85	0.77	0.77	0.9
Томская область	0.8	0.81	0.63	0.63	0.76	0.67	0.61	0.56	0.56
Республика Саха	0.46	0.45	0.49	0.44	0.62	0.48	0.47	0.39	0.35
Камчатская область	1.14	1.06	1.18	1.0	0.83	0.77	0.91	0.86	0.77
Приморский край	0.95	0.96	0.99	0.99	0.97	0.91	1.03	0.9	0.8
Хабаровский край	1.01	1.18	1.27	1.14	1.13	1.18	1.28	1.23	1.81
Амурская область	0.62	0.61	0.84	0.88	0.87	0.9	0.94	0.89	0.85
Магаданская область	1.66	1.4	1.4	1.12	1.01	0.87	1.11	2.0	2.16
Сахалинская область	0.64	0.73	0.72	0.66	0.45	0.37	0.31	0.26	0.23
Чукотский АО	1.05	0.57	0.63	0.51	0.54	0.47	0.48	0.12	0.26

* В отчете прекращено использование четвертого индекса обеспеченности, рассчитывавшегося с использованием данных по объему активов кредитных организаций, поскольку отчетность по форме 0409101 представляет региональное распределение активов недостаточно корректно.

** Расчет автора на основе источника [3] без Москвы и Московской области для сопоставимости данных.

Оценка финансовой насыщенности банковскими услугами (по объему кредитов) свидетельствует, что показатели ресурсной обеспеченности не гарантируют активность кредитования. В отдельных регионах (Архангельская, Амурская области, Хабаровский край, Чукотский автономный округ) коэффициент корреляции между исследуемыми показателями имеет отрицательное значение. Однако для большинства субъектов показатели финансовой насыщенности по активам и кредитам характеризуются положительной зависимостью (табл.6, рис.1).

Таблица 6

Финансовая насыщенность банковскими услугами (по объему кредитов) на начало периода

Регионы	2002 г.	2005 г.	2006 г.*	2007 г.*	2008 г.*	2009 г.*	2010 г.*	2011 г.*	2012 г.*
<i>Северные регионы</i>	0.74	0.6	0.59	0.85	0.59	0.58	0.65	0.59	0.62
Республика Карелия	0.82	0.82	1.15	0.98	0.87	0.83	0.86	0.94	1.05
Республика Коми	0.47	0.55	0.57	0.59	0.51	0.44	0.42	0.38	0.39
Архангельская область	0.97	0.79	0.87	0.79	0.7	0.62	0.86	0.58	0.62
Мурманская область	0.54	0.88	0.67	0.65	0.65	0.61	0.63	0.62	0.76
Пермский край	1.06	1.11	1.05	1.16	1.17	1.15	1.22	0.89	1.17
Тюменская область	0.33	0.29	0.27	0.27	0.29	0.28	0.33	0.35	0.34
Республика Алтай	0.86	0.86	3.91	3.2	4.34	3.23	2.71	2.42	2.31
Республика Бурятия	0.58	0.99	0.91	1.01	0.9	0.82	0.82	0.95	1.23
Республика Тыва	0.15	0.47	0.56	0.81	0.89	0.88	0.94	0.79	0.93
Забайкальский край	0.23	0.56	0.91	0.91	0.84	0.77	0.65	0.72	0.76
Красноярский край	0.47	0.75	0.73	0.71	0.74	0.67	0.78	0.59	0.76
Иркутская область	0.65	0.79	1.06	1.03	1.0	1.05	1.06	0.99	0.98
Томская область	1.28	0.96	0.71	0.67	0.76	0.7	0.73	0.71	0.77
Республика Саха	0.3	0.36	0.58	0.58	0.77	1.18	1.49	0.91	0.83
Камчатская область	0.7	0.81	1.1	0.86	0.65	0.72	0.77	0.73	0.97
Приморский край	0.89	0.9	0.87	0.85	0.88	0.85	0.79	0.7	0.78
Хабаровский край	1.59	0.96	1.37	1.33	1.14	1.08	1.06	0.89	0.9
Амурская область	0.85	0.77	0.9	0.86	0.84	0.77	0.71	0.67	0.8
Магаданская область	2.14	0.83	1.03	0.92	0.84	0.85	0.89	0.84	0.73
Сахалинская область	0.35	0.4	0.41	0.39	0.27	0.24	0.18	0.15	0.18
Чукотский АО	0.02	0.29	1.22	0.53	0.45	0.25	0.13	0.22	0.35

*Расчет автора на основе [3] без Москвы и Московской области для сопоставимости данных.

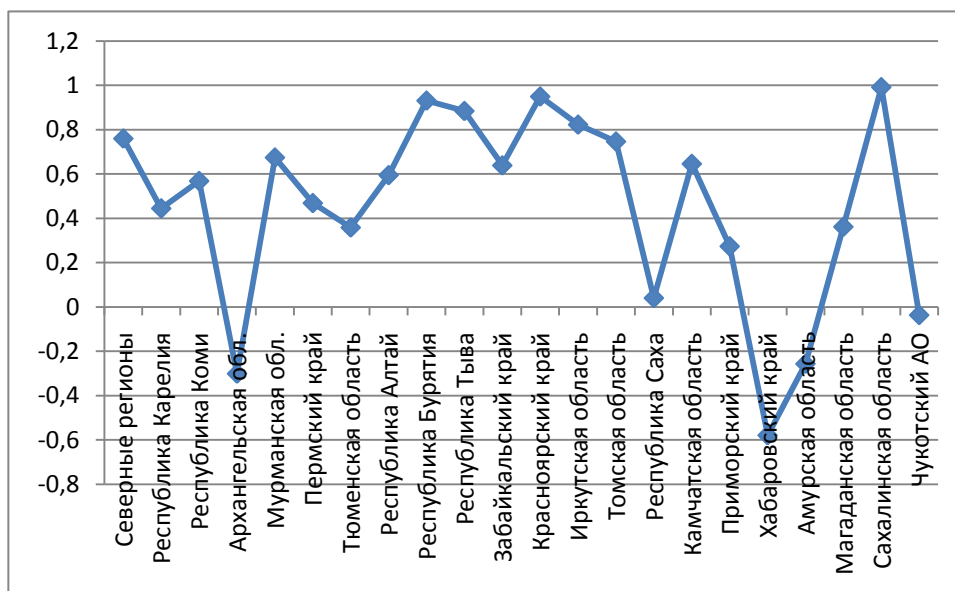

Рис.1. Корреляционная зависимость между показателями финансовой насыщенности банковскими услугами по активам и объему кредитов

На этом фоне обращает на себя внимание ограниченность ресурсной базы, а соответственно и возможностей активизации банковского сектора в кредитовании экономики для регионов Севера в целом (рис.2).

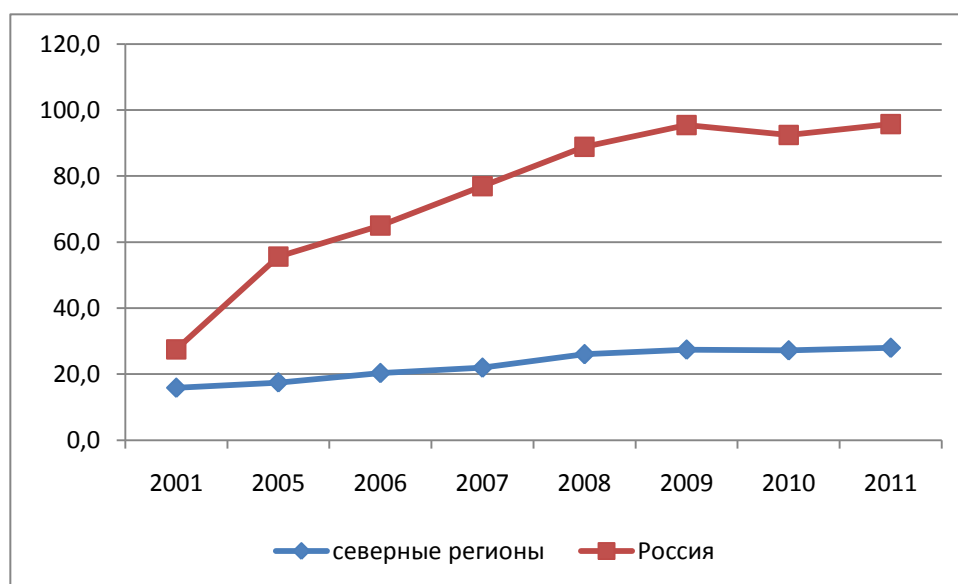

Рис.2. Доля активов банковского сектора в валовом региональном продукте [3,4]

Выявление причин низкой ресурсной обеспеченности требует исследования процесса формирования ресурсной базы банковского сектора в исследуемых регионах.

Одним из основных источников формирования ресурсной базы банков выступают депозиты физических и юридических лиц. Для регионов Севера данный источник имеет более весомую долю по сравнению со среднероссийской ситуацией (табл.7).

Вместе с тем, специфической чертой Севера является очень низкая доля участия юридических лиц в формировании ресурсной базы. Исключение составляют отдельные периоды в Тюменской, Томской областях, Забайкальском крае (табл.8).

Таблица 7

Доля депозитов в активах регионального банковского сектора, % (на начало периода)*

Регионы	2002 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Российская Федерация	30.1	33.2	34.5	33.3	39.0	31.4	39.2	43.3	38.4
<i>Северные регионы</i>	<i>53.4</i>	<i>53.3</i>	<i>54.2</i>	<i>50.5</i>	<i>48.3</i>	<i>47.6</i>	<i>57.3</i>	<i>63.1</i>	<i>61.7</i>
Республика Карелия	60.9	59.3	62.5	64.4	51.7	45.2	55.3	59.7	5.9
Республика Коми	58.2	68.4	70.4	68.3	64.8	60.3	72.9	74.2	10.8
Архангельская область	53.8	64.3	64.3	54.0	53.5	61.0	76.5	78.6	17.8
Мурманская область	59.9	71.0	72.4	72.0	68.2	65.9	73.0	79.8	7.8
Пермский край	47.6	50.9	50.6	46.8	43.1	46.1	50.3	61.9	22.5
Тюменская область	58.1	46.4	45.2	41.4	48.4	55.4	60.8	64.7	30.0
Республика Алтай	37.4	36.6	34.0	33.0	21.6	17.1	23.5	44.7	12.6
Республика Бурятия	44.5	42.1	38.7	33.8	33.8	30.0	41.3	55.5	14.4
Республика Тыва	12.1	65.0	51.8	36.1	25.2	24.4	39.5	39.8	12.6
Забайкальский край	51.9	67.7	65.2	74.2	47.8	36.5	65.7	64.7	9.8
Красноярский край	54.6	55.4	50.7	50.5	40.4	33.6	46.6	59.2	23.0
Иркутская область	49.5	57.8	63.7	50.2	41.5	35.4	48.1	53.5	17.9
Томская область	50.5	51.4	68.8	49.1	40.0	36.8	59.0	69.1	12.3
Республика Саха	54.2	60.7	59.5	56.2	38.4	48.1	57.3	64.3	14.7
Камчатская область	19.2	62.0	66.0	68.8	63.8	64.6	68.0	73.0	8.1
Приморский край	42.9	59.5	62.9	60.1	55.5	53.4	60.9	66.2	13.4
Хабаровский край	55.9	52.4	57.5	59.0	56.6	46.5	55.8	59.1	11.7
Амурская область	50.8	58.0	47.9	42.6	59.3	40.6	47.6	51.0	16.6
Магаданская область	70.2	36.7	48.9	51.5	53.3	62.4	65.6	32.8	18.9
Сахалинская область	12.1	60.3	65.0	64.3	66.1	70.7	73.6	79.0	20.6
Чукотский АО	7.3	61.8	64.4	63.0	63.6	75.8	73.7	74.5	8.68

*Рассчитано автором на основе работ [3, 4].

Таблица 8

Удельный вес ресурсов юридических лиц в общей структуре депозитов, % (на начало периода)*

Регионы	2002 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Российская Федерация	25.2	18.9	21.4	22.9	38.6	37.6	37.5	35.1	38.4
<i>Северные регионы</i>	<i>33.1</i>	<i>10.9</i>	<i>13.3</i>	<i>11.5</i>	<i>13.8</i>	<i>21.2</i>	<i>20.0</i>	<i>18.9</i>	<i>19.7</i>
Республика Карелия	1.7	2.2	5.7	4.7	4.6	9.9	7.3	7.9	5.9
Республика Коми	2.4	3.3	5.1	5.9	5.7	8.4	9.3	10.0	10.8
Архангельская область	2.2	2.8	6.0	5.4	5.9	18.5	23.4	22.0	17.8
Мурманская область	1.7	2.8	4.2	4.9	10.0	14.0	8.5	10.1	7.8
Пермский край	10.2	12.0	10.3	12.2	18.7	34.8	23.2	22.4	22.5
Тюменская область	64.7	21.1	20.7	12.7	15.7	32.3	32.7	29.5	30.0
Республика Алтай	3.2	3.9	7.2	15.0	15.1	9.2	19.7	11.7	12.6
Республика Бурятия	3.4	6.2	7.1	8.9	13.5	11.3	16.1	22.6	14.4
Республика Тыва	9.0	1.5	7.0	7.0	2.7	9.7	25.3	12.1	12.6
Забайкальский край	1.3	13.9	11.5	33.3	19.0	9.1	12.9	9.5	9.8
Красноярский край	5.0	7.7	9.1	16.5	14.4	12.1	15.1	18.9	23.0
Иркутская область	3.4	8.2	16.2	10.6	11.2	11.3	12.3	11.1	17.9
Томская область	7.5	5.7	29.4	12.3	13.0	10.4	13.7	10.4	12.3
Республика Саха	2.0	2.5	8.8	9.7	10.8	22.3	18.2	12.2	14.7
Камчатская область	21.0	0.8	4.4	5.1	3.3	8.1	10.1	8.2	8.1
Приморский край	6.4	8.7	10.5	11.2	10.6	13.0	12.9	15.1	13.4
Хабаровский край	6.8	8.0	9.6	11.4	18.6	15.9	13.0	13.4	11.7
Амурская область	2.5	5.3	12.1	11.4	37.0	19.3	15.2	12.5	16.6
Магаданская область	1.5	2.9	5.5	5.4	3.0	11.8	17.8	13.1	18.9
Сахалинская область	32.6	5.3	9.0	6.2	3.6	13.6	13.1	15.1	20.6
Чукотский АО	...	0.4	3.0	2.4	2.8	4.1	19.9	17.2	8.7

*Рассчитано автором на основе работы [4].

Соответственно, основу ресурсной базы регионального банковского сектора в регионах Севера на протяжении всего исследуемого периода сохраняли за собой вклады физических лиц.

Таким образом, общей проблемой практически всех северных регионов является ограниченность ресурсной базы регионального банковского сектора, а основным ресурсом – сбережения населения. В данной связи, учитывая неполноту реализации названного источника, банкам необходимо активизировать работу по расширению финансовых услуг для населения и повышению их качества. Вместе с тем, при возникновении тенденций активизации взаимодействий нефинансовых предприятий и организаций с банковскими учреждениями, функционирующими на территориях конкретных регионов, органам региональной власти необходимо стимулировать создание благоприятных условий для коммерческой деятельности: установление преференций в виде налоговых льгот, расширение практики предоставления гарантий инвестиционной деятельности за счет бюджетных средств региона [5].

Литература

1. Рекомендации по проведению анализа деятельности кредитных организаций и развития банковских услуг в регионе – Приложение к письму Банка России от 07.08.2006. № 106-Т. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Селин В.С. Экономический кризис и устойчивое развитие северных территорий // Север и рынок. 2011. № 27. С.20-25.
3. Отчеты о развитии банковского сектора и банковского надзора, 2003-2012 гг. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/publ/main.asp?Prtid=Nadzor>
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003-2012 гг. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
5. Барашева Т.И. Основные направления государственной поддержки малого и среднего бизнеса в Мурманской области // Север и рынок. 2012. № 29. С.41-45.

ДОХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

А.Н. Чапаргина

кандидат экономических наук, научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассматривается динамика денежных доходов населения регионов Севера.* Выявляются особенности и динамика сбережений населения. Анализируется потенциал сбережений населения.

Ключевые слова: денежные доходы населения, сбережения населения, прожиточный минимум, потенциал сбережений населения

INCOMES AND SAVINGS OF POPULATION IN NORTHERN REGIONS

A.N. Chapargina

PhD (Economics), researcher

Luzin Institute for Economic Studies, KSc of RAS

Abstract. The article discusses the dynamics of population incomes in northern regions. The specificity and dynamics of population savings in the North are identified. Potential of population savings is analyzed.

Keywords: population incomes, population savings, living wage, potential of population savings

В современном сберегательном процессе практически во всех развитых странах мира (не исключение и Россия) особое значение приобретает население страны (домашнее хозяйство), имеющее высокий и устойчивый к изменениям экономической конъюнктуры сберегательный потенциал.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, № 2012-1.2.1-12-000-3002-007 по теме "Формирование стратегических приоритетов развития Российской Арктики".

Изучение регионального сберегательного процесса домашних хозяйств представляет большой интерес. Во-первых, потому что сбережения населения играют ключевую роль в воспроизводственном процессе, которая заключается в обеспечении притока инвестиционных ресурсов и создании условий для сбалансированного развития экономики региона. Во-вторых, сбережения населения представляют собой важный элемент бюджета домохозяйств, позволяющий совершать крупные покупки, повышать благосостояние, поддерживать равномерное потребление в периоды финансовой нестабильности и на протяжении жизни, покрывать непредвиденные расходы и решать другие задачи. В-третьих, сбережения населения, формируемые в организованной форме, являются дополнительным источником кредитных ресурсов банков.

Специфика социально-экономического развития северных регионов, прежде всего, связанная со сложными природно-климатическими условиями, удаленностью от центральных районов страны, отраслевой направленностью, демографическими, экономическими и другими условиями накладывает отпечаток и на развитие сберегательных процессов в этих регионах.

Поскольку отправной точкой для оценки сбережений населения в регионе является анализ доходов населения, необходимо рассмотреть объем и структуру доходов населения северных регионов как главного фактора сбережений [1].

Среднедушевые денежные доходы населения с 2005 по 2011 гг. в целом по России и в регионах Севера демонстрировали рост. Исключение составляет Ханты-Мансийский автономный округ Югра в 2010 г. – доходы снизились на 2%. Начиная с 2009 г. наметилось замедление темпов роста доходов населения в регионах Севера, которое было вызвано последствиями мирового финансово-экономического кризиса (рис.1).

Размер среднедушевых доходов населения в 2011 г. в среднем по северным регионам составил 31865,1 руб. и превышал среднероссийские доходы в 1,5 раза. Следует отметить, что после кризисного 2008 г. среднедушевые денежные доходы северных регионов стремительно приближались к среднероссийскому значению (табл.1). Данный факт позволяет говорить о том, что районные коэффициенты и северные надбавки, компенсировавшие повышенную стоимость жизни, теряют свое назначение. Исключением является Магаданская область, в которой разрыв между доходами региона и среднероссийским значением увеличивался. Рост доходов в этом регионе обеспечивался ростом социальных выплат и скрытых доходов.

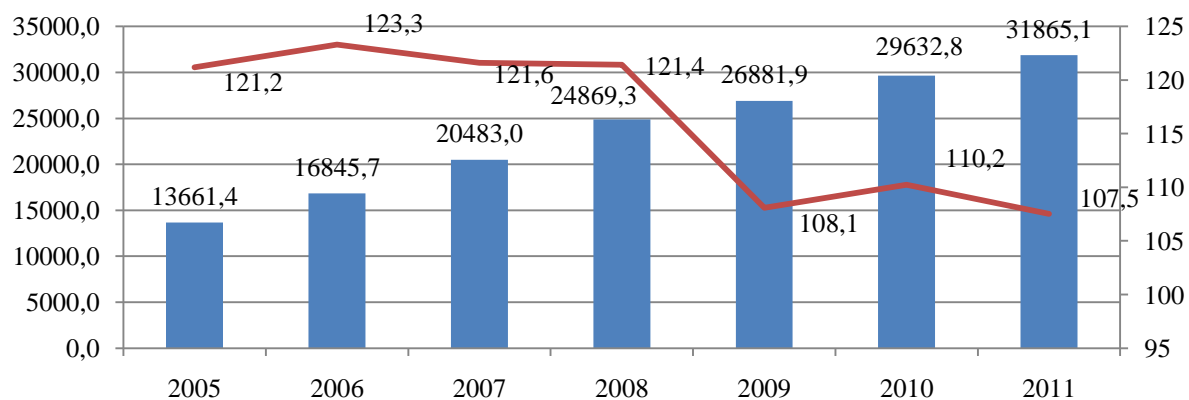

Рис.1 Динамика и темп роста среднедушевых денежных доходов населения северных регионов России в 2005-2011 гг.

Особо следует выделить Архангельскую область и Республику Карелию, так как в этих регионах среднедушевые денежные доходы начиная с 2008 г., наоборот, приближаются к среднероссийскому уровню или начинают чуть превышать его, что можно рассматривать как положительную тенденцию.

Только по повышенному уровню дохода в северных регионах по сравнению со среднероссийским нельзя говорить об особых возможностях формирования сбережений у населения Севера. В рамках проекта «МФАН» для оценки возможностей формирования сбережений был введен показатель «потенциала сбережений населения», основанный на данных об уровне текущих доходов и размере прожиточного минимума. Показатель рассчитывался исходя из следующего предположения. Если среднедушевой доход в семье превосходит прожиточный минимум в два раза, то, как следствие, у индивида появляются относительно свободные деньги и возможность

откладывать их на будущее. Если среднедушевой доход ниже двукратного размера прожиточного минимума, то среднестатистический индивид испытывает дефицит дохода, формируя потенциал отрицательных сбережений [2].

Таблица 1

Среднедушевые денежные доходы*, доля от среднероссийского значения

Регион	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Российская Федерация	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Северные регионы	1.68	1.65	1.63	1.66	1.59	1.56	1.54
Архангельская область	0.97	0.94	0.92	0.99	1.02	1.03	1.03
Камчатский край	1.34	1.30	1.27	1.28	1.34	1.43	1.40
Магаданская область	1.37	1.35	1.31	1.32	1.43	1.47	1.47
Мурманская область	1.28	1.23	1.21	1.26	1.25	1.27	1.22
Ненецкий автономный округ	2.64	2.67	3.01	3.26	2.89	2.76	2.63
Республика Карелия	0.87	0.86	0.80	0.82	0.80	0.85	0.85
Республика Коми	1.39	1.32	1.29	1.25	1.19	1.17	1.15
Республика Саха (Якутия)	1.40	1.34	1.24	1.25	1.26	1.22	1.23
Сахалинская область	1.55	1.59	1.60	1.64	1.64	1.62	1.55
Ханты-Мансийский автономный округ	2.22	2.19	2.15	2.20	1.91	1.68	1.57
Чукотский автономный округ	2.50	2.39	2.21	2.15	2.08	2.01	2.07
Ямало-Ненецкий автономный округ	2.68	2.66	2.50	2.55	2.31	2.25	2.25

*Рассчитано автором. Среднероссийское значение среднедушевых доходов населения принято за 1.

Рассмотрим значение данного показателя в регионах Севера (табл.2).

Таблица 2

Потенциал сбережений населения в 2005-2011 гг.*

Регион	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Российская Федерация	2.7	3	3.3	3.3	3.3	3.3	3.3
Северные регионы	3.1	3.3	3.2	3.3	3.1	3.2	3.2
Архангельская область	2.4	2.4	2.5	2.7	2.8	2.8	2.7
Камчатский край	2.1	2	2.1	2.3	2.3
Магаданская область	2.4	2.6	2.7	2.7	2.8	3	3
Мурманская область	2.3	2.4	2.7	2.8	2.8	2.9	2.9
Ненецкий авт. округ	4.3	4.7	6	6	4.7	4.7	4.6
Республика Карелия	2.3	2.4	2.3	2.3	2.3	2.5	2.4
Республика Коми	3.1	3.1	3.3	3.1	3	3	2.9
Республика Саха (Якутия)	2.4	2.5	2.4	2.6	2.5	2.5	2.6
Сахалинская область	2.5	2.8	3.2	3.4	3.3	3.5	3.2
Ханты-Мансийский автономный округ	4.3	4.4	4.5	4.6	4	3.7	3.5
Чукотский автономный округ	2.8	2.9	3.1	3.3	3.3	3.4	3.8
Ямало-Ненецкий автономный округ	4.2	4.7	4.9	5	4.4	4.4	4.4

*Рассчитано автором на основе [3].

В течение исследуемого периода в целом по России и в регионах Севера среднедушевой доход превышал прожиточный минимум больше, чем в 2 раза. Следовательно, у населения присутствовала возможность формировать сбережения.

Несмотря на то, что население северных регионов обладает повышенным уровнем дохода, показатель потенциала сбережений населения в среднем по северным территориям ниже среднероссийского значения, за исключением 2005-2006 гг.

Рассматриваемый показатель превышает среднероссийское значение в Ненецком, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах (начиная с 2008 г.) благодаря повышенному уровню дохода работников нефтяной и газовой отрасли. В Сахалинской области потенциал сбережений населения превышал среднероссийский уровень в 2008-2010 гг., а в

Республике Коми в 2005-2007 гг. В остальных северных регионах показатель был ниже среднероссийского уровня.

Начиная с 2007 г. в среднем по России прекратился рост показателя потенциала сбережений, т.е. доля граждан, которая потенциально может сберегать, не растет, оставаясь стабильной. В 2010-2011 гг. в большинстве северных регионов рассматриваемый показатель сокращался, что свидетельствовало о сокращении возможностей населения регионов сберегать.

Одной из причин стабилизации данного показателя в последние годы как в России, так и в некоторых северных регионах стало замедление роста среднедушевых денежных доходов населения при продолжении увеличения уровня прожиточного минимума.

После рассмотрения материального положения и возможностей формирования сбережений проанализируем объем и структуру уже сформированных сбережений населения северных регионов в 2005-2011 гг.

Регионы Севера обладают достаточно высокой долей сбережений в структуре доходов (свыше 20%, исключение – 2011 г.). Во всех исследуемых регионах удельный вес сбережений в структуре доходов выше среднероссийского уровня, за исключением Сахалинской области начиная с 2009 г. Из регионов Севера выделяется Ненецкий и Чукотский АО, доля сбережений в структуре использования денежных доходов которых больше, практически, в три раза, чем у других регионов (табл.3).

В 2011 г. во всех исследуемых регионах, а также и в целом по Российской Федерации произошло резкое снижение объемов сбережений населения при одновременном увеличении потребительских расходов. Возможно, это стало следствием стабилизации и некоторого замедления темпов роста доходов населения в последние годы. Можно предположить, что одной из причин сокращения объемов сбережений является опасение обесценивания денежных средств и, как следствие, их направление на покупку товаров длительного пользования.

Таблица 3

Сбережения населения северных регионов в 2005-2011 гг., %*

Регион	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Российская Федерация	20.3	20.5	18.6	13.6	19.9	20.7	16.2
Северные регионы	34.8	33.4	31.4	28.5	29.1	31	27.9
Архангельская область	29.3	27.3	24	23.7	28	28.3	22.9
Камчатский край	40	34.5	33.7	30.9	32.8	32.9	28.9
Магаданская область	37.5	37.4	36.3	32.2	34.4	34.6	29.7
Мурманская область	22.9	23.3	22.3	20.8	22.7	22.5	18.4
Ненецкий автономный округ	63.6	61.6	62	63.3	59.6	60.2	57.5
Республика Карелия	23.7	24.2	20.2	21.9	24.8	24	18.7
Республика Коми	25.4	23.2	22	20.1	24.5	26.3	20.7
Республика Саха (Якутия)	29	26.4	23.8	23.5	23.1	22.4	23.2
Сахалинская область	27.9	25.3	26	19.7	18.4	17	11.9
Ханты-Мансийский автономный округ	31.2	26.6	23.3	20.1	25.3	26.6	23
Чукотский автономный округ	52.4	57.8	53.4	40.5	24.6	41.8	44.3
Ямало-Ненецкий автономный округ	34.8	33.1	29.7	25.7	30.4	35.3	35.7

*Рассчитано автором на основе [3], сбережения рассчитаны в структуре использования доходов.

Данное предположение подтверждается увеличением доли средств, направляемых на приобретение недвижимости, начиная с 2009г. во всех регионах Севера (табл.4).

Отметим, что у населения северных регионов значительная часть сбережений сформирована в неорганизованной форме (рис.2). Из регионов Севера выделяется Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, которые имеют наибольшие среднедушевые денежные доходы и самые высокие сбережения в структуре использования денежных доходов. При этом население этих регионов в большей степени ориентировано на неорганизованные формы сбережений.

Теоретически, одним из факторов, определяющих количество денег на руках у населения в рыночных условиях, является транзакционный мотив предпочтения ликвидности, связанный с необходимостью обеспечивать текущие потребительские расходы. Но в данном случае, прежде всего, это связано с низкой долей постоянных жителей в структуре населения ввиду преобладания

вахтового метода работы. Также низкая плотность расселения населения увеличивает радиусы обслуживания населения и тем самым делает недоступными для части населения различные услуги, в том числе финансовые.

Таблица 4

Структура использования денежных доходов, %

Регион	2005 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Российская Федерация	2.5	17.8	4.7	8.9	2.9	17.0	3.4	17.3	4.0	12.2
Северные регионы	0.5	34.3	1.4	27.1	0.8	28.2	1.7	29.3	2.3	25.6
Архангельская область	0.4	28.9	1.2	22.5	0.6	27.4	0.6	27.7	0.9	22.0
Камчатский край	0.1	39.9	1.5	29.4	1.1	31.7	1.1	31.8	1.7	27.2
Магаданская область	0.1	37.4	0.2	32.0	0.1	34.3	1.1	33.5	1.8	27.9
Мурманская область	0.4	22.5	0.8	20.0	0.5	22.2	0.8	21.7	1.4	17
Ненецкий АО	0.3	63.3	1.0	62.3	0.9	58.7	1.9	58.3	2.3	55.2
Республика Карелия	0.7	23.0	1.8	20.1	1.0	23.8	1.2	22.8	1.3	17.4
Республика Коми	1.2	24.2	1.7	18.4	0.9	23.6	1.5	24.8	1.8	18.9
Республика Саха	1.5	27.5	3.8	19.7	2.3	20.8	3.1	19.3	4.5	18.7
Сахалинская область	0.2	27.7	1.9	17.8	1.1	17.3	1.5	15.5	1.5	10.4
Ханты-Мансийский АО	1.1	30.1	1.4	18.7	0.6	24.7	3.2	23.4	5.2	17.8
Чукотский АО	0.1	52.3	1.1	39.4	0.5	24.1	1.2	40.6	0.9	43.4
Ямало-Ненецкий АО	0.4	34.4	0.6	25.1	0.4	30.0	2.7	32.6	3.9	31.8

ПРИМЕЧАНИЕ. 1 – приобретение недвижимости; 2 – финансовые активы.

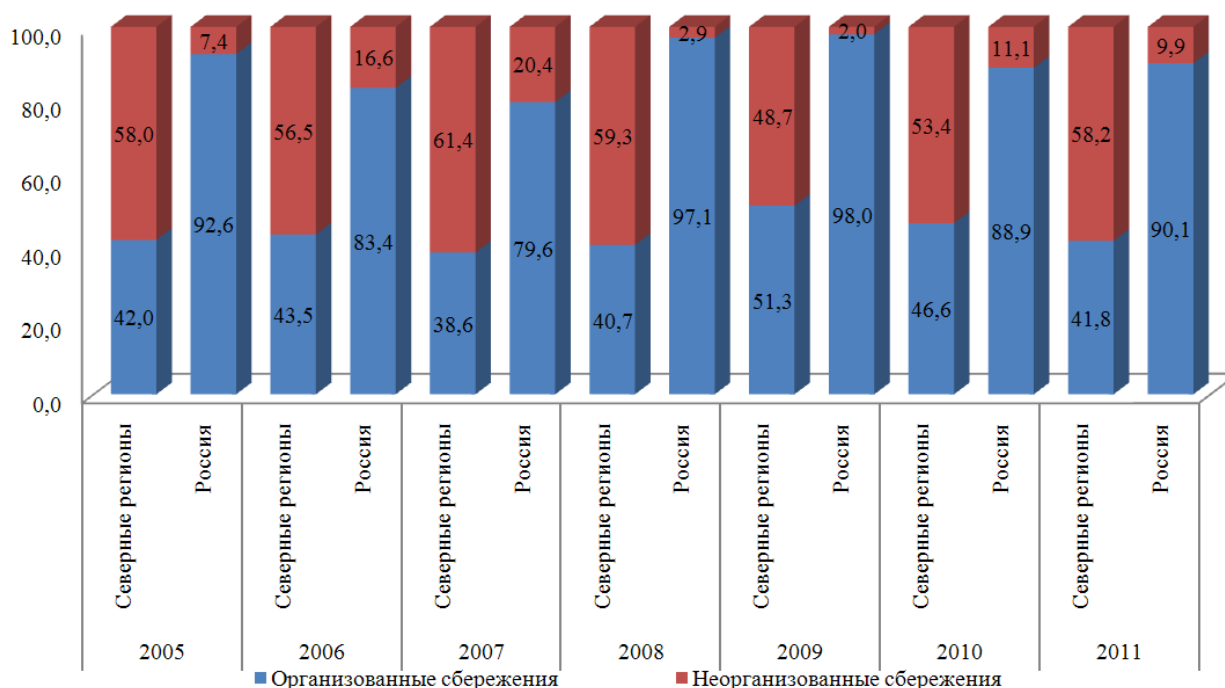

Рис. 2. Структура сбережений населения северных регионов и РФ в 2005-2011 гг., %

В течение двух десятилетий в нашей стране появилось множество не характерных для советской экономики разнообразных форм коллективного инвестирования: негосударственные пенсионные фонды, страховые компании, инвестиционные фонды, общие фонды банковского управления и т.п. Однако активного проникновения названных структур в регионы, особенно северные, не происходит. Особенно это касается периферии. Следствием сложившейся ситуации является наличие на данных территориях временно свободных, но абсолютно неработающих денежных средств, сформированных населением. Вместе с тем, потребности в инвестиционных ресурсах увеличиваются, что обуславливает необходимость поиска резервов их пополнения, одним из которых как раз и выступают сбережения населения.

Кроме того, общей проблемой практически всех регионов является ограниченность ресурсной базы регионального банковского сектора, основным ресурсом которой также выступают сбережения. В данной связи, учитывая неполноту реализации названного источника в северных регионах России, банкам необходимо активизировать работу по расширению финансовых услуг для населения и повышению их качества [4].

Таким образом, в ходе исследования установлено, что сберегательное поведение населения северных регионов имеет определенную специфику, обусловленную географическим положением, социально-экономической ситуацией и другими факторами. Особо следует выделить дальневосточный приграничный регион – Сахалинскую область, который отличается низкой сберегательной активностью по сравнению с другими северными регионами.

В целом, на основе проведенного исследования можно выделить следующие основные тенденции в сфере доходов и сберегательного поведения населения: уменьшение доли сбережений в структуре использования доходов, население в последние годы предпочитает вкладывать денежные средства в недвижимость, значительная часть сбережений населения по-прежнему тезаврируется в форме наличной валюты.

Следовательно, основной задачей региональной сберегательной политики, проводимой на Севере, должно стать создание стимулов и рычагов роста сбережений населения, прежде всего, в организованной форме, и их привлечение в реальную экономику.

Литература

1. Чапаргина, А.Н. Оценка уровня жизни населения как индикатора роста сбережений // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2010. № 1 (25). С.147-150.
2. Динамика финансовой активности населения России 2000-2006 гг. // Аналитический доклад. – Москва, 2006. Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/318/061005.pdf>
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 990 с.
4. Кобылинская Г.В. Оценка внешних источников финансирования основного капитала в регионах Северо-Западного федерального округа // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2010. № 1 (25). С.141-146.

5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В.Н.Марецкая

научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Н.О.Тополева

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассмотрены особенности состояния и развития агропромышленного комплекса Мурманской области. Определено, что местные предприятия АПК являются не только источником обеспечения населения региона высококачественными продуктами питания, но имеют высокую социальную значимость и, отвечая интересам населения, обеспечивают продовольственную безопасность региона.

Ключевые слова: Мурманская область, АПК, объемы производства, продукция растениеводства, продукция животноводства

CONDITION AND DEVELOPMENT TRENDS OF THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE MURMANSK REGION

V.N.Maretskaya

researcher

Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

N.O.Topoleva

Junior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

Abstract. Features of the condition and development of the agricultural sector of the Murmansk region are considered. It is determined that local agricultural enterprises are not only the source to provide the population of the region with high quality foodstuffs, but also are of high social significance, and in general meeting needs of the population ensure food security of the region.

Keywords: Murmansk region, agricultural sector, output, crop products, livestock products

Мурманская область обладает особыми природными климатическими условиями и относится к высокоурбанизированным регионам, что ограничивает потенциальные возможности развития аграрного сектора. Вместе с тем, местные предприятия агропромышленного комплекса (АПК) обеспечивают население региона высококачественными продуктами питания, но и позволяют стабилизировать цены на отдельные продовольственные товары, определяя при этом социальную значимость отрасли и, в целом, отвечая интересам населения, гарантируют продовольственную безопасность региона.

На сегодняшний день в области осуществляют производственную деятельность 16 сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности, 38 предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, 26 крестьянских (фермерских) хозяйств, 6.9 тыс. личных подсобных хозяйств. На этих предприятиях задействовано около 9.0 тыс. работников, в том числе в сельскохозяйственном производстве – свыше 4.0 тыс. чел. [1]. Для сравнения: в начале 1990 г. в области имелось 24 совхоза, 7 рыболовецких колхозов и 85 подсобных хозяйств, численность занятых в сельскохозяйственном производстве составляла 9.2 тыс. чел.

Центральное положение в агропромышленном комплексе занимает сельскохозяйственное производство, основу которого составляют отрасли животноводства (85% валовой продукции сельского хозяйства): молочное скотоводство, свиноводство, птицеводство, оленеводство и пушное звероводство.

Молочное скотоводство является ведущей отраслью животноводства Мурманской области. Производством коровьего молока занимаются 9 хозяйств. Их стада укомплектованы высококлассными животными холмогорской, голштинской, айрширской породы, что позволяет региону на протяжении многих лет занимать лидирующие позиции в России по такому показателю, как молочная продуктивность на одну корову в год. В 2012 г. в сельскохозяйственных предприятиях области получено 7582 кг молока от одной фуражной коровы (справочно: по России в 2011 г. – 4306 кг). Дойное стадо СХПК «Полярная звезда» является одним из самых высокопродуктивных в России, хозяйством достигнута продуктивность более 10 тыс. кг молока от одной коровы в год. На предприятии содержится свыше 1400 голов крупного рогатого скота. Все животные отнесены к классу «элита-рекорд» и отличаются высокой удойностью. В течение нескольких десятков лет хозяйство является единственной в России базой для научных исследований по кормлению высокопродуктивных коров, проводимых Российской сельскохозяйственной академией. Предприятие является племенным по разведению животных холмогорской породы и реализует племенной скот для улучшения качества поголовья в хозяйствах.

Основными производителями молока в области являются племенные репродукторы: ГОУСП «Тулома» – 8415.8 т, ОАО «Агрофирма «Индустрия» – 6456.7 т, СХПК «Полярная звезда» – 5995.7 т. Доля этих предприятий в общем объеме превышает 80%.

В хозяйствах всех форм собственности в 2012 г. насчитывалось 7.7 тыс. голов крупного рогатого скота, из них 3.9 тыс. коров, производство молока составило 27.9 тыс. т молока [2].

Свиноводство. Производством свинины в области занимаются 3 крупных сельскохозяйственных предприятия. Комплектование маточных стад осуществляется животными мясных пород с высокими репродуктивными, откормочными и мясными качествами: крупная белая, «дюрок» и «ландрас». Применение трехпородного скрещивания позволяет получать суточный прирост животных на откорме свыше 400 г. По состоянию на 01.01.2013 г. в хозяйствах всех форм собственности насчитывается 48.0 тыс. голов свиней.

Самое крупное свиноводческое предприятие – ООО «Свинокомплекс «Пригородный», содержащее порядка 37 тыс. голов, поставляет на региональный рынок более 80% от общего объема производства мяса. Предприятие входит в состав ООО «Мурманский Агрохолдинг» наряду с предприятиями птицефабрика «Мурманская», ООО «Деликат». Агрохолдинг является уникальным мясоперерабатывающим предприятием полного цикла: от производства высококачественного сырья до прямых продаж в фирменных магазинах «Деликат».

В 2012 г. предприятиями всех форм собственности Мурманской области произведено 6.6 тыс. т мяса свиней в живой массе.

Птицеводство. На сельскохозяйственных предприятиях ОАО «Агрофирма «Индустрия», СХПК «Полярная звезда» Мурманской области содержатся птицы яичных пород, два крестьянских (фермерских) хозяйства выращивают перепелов. Основная порода кур-несушек в хозяйствах области – кросс «хайсек коричневый» и кросс «птичное». Выращиванием бройлеров занимается единственное предприятие ООО птицефабрика «Мурманская», на ее производственных мощностях производится свыше 11 тыс. т мяса бройлера в живой массе в год.

По состоянию на 01.01.2013 г. в хозяйствах всех форм собственности поголовье птицы составило более 711,4 тыс. голов. В среднем от каждой курицы-несушки получено 281 яйцо (в среднем по России – 308 шт.), в связи с плановым переходом птицефабрики «Мурманская» от яичного на бройлерное производство, произошло сокращение производства яиц в 3.7 раза (с 145 млн шт. в 2010 до 38.9 млн шт. в 2012 г.) [2]; перепелиных яиц производители ежегодно получают 4.0 млн шт.

Оленеводство. Исторически сложившейся в регионе отраслью является оленеводство. Общее поголовье оленей до 2008 г. составляло более 60 тыс. голов, в 2011 г. – 56.1 тыс. голов, в 2012 г. – 54.9 тыс. голов [2]. Основная причина уменьшения поголовья – увеличение уровня непродуцированных потерь (от хищников, заболеваний животных и браконьеров). Основная масса поголовья (88%) сосредоточена в двух сельскохозяйственных производственных кооперативах ОПХ МНС СХПК «Оленевод» и СХПК «Тундра», которые являются племенными репродукторами по разведению оленей ненецкой породы.

Объемы производства оленины незначительны, в 2012 г. составили 200 т. Оленубойная кампания проводится хозяйствами на собственных убойных мощностях: стационарный убойный пункт в с. Краснощелье и мобильный убойный пункт в с. Ловозеро. Продукция, выпускаемая предприятиями, реализуется на внутреннем рынке и пользуется повышенным спросом у населения Мурманской области.

Дополнительным источником получения мясной продукции является разведение овец романовской породы в ООО «Агрофирма «Индустрия» – 0.2 т и скороспелых пород кроликов – 17.7 т, из них: в подсобном хозяйстве «Нерпа» (9.8 т) и ГОУСП «Тулома» (7.9 т), на базе этого предприятия в рамках пилотного проекта занимаются разведением скота мясных пород для получения мраморной говядины (934 т).

В целом в регионе предприятиями всех форм собственности в 2012 г. произведено 19.5 тыс. т мяса всех видов животных и птицы в живом весе.

Пушное звероводство. До 1990 г. в звероводческих хозяйствах области ГФУП «Племенной совхоз Кольский», ГП «Мурманск», совхоз «Тулома» занимались выращиванием голубого, вуалевого и серебристого песца, норки, черно-бурой лисицы. Вырабатываемая из меха продукция неоднократно занимала призовые места на международных аукционах, а серебристо-голубой песец являлся брендом Мурманской области. поголовье пушных зверей составляло в 1980 г. 51 тыс. голов, в 1990 г. – 41.8 тыс. голов.

После 1990-х гг. из-за неустойчивой конъюнктуры рынка и проблем сбыта меховой продукции отрасль оказалась в кризисном положении.

В настоящее время звероводство сохранилось в «Агрокомплексе «Пушной» (бывшее зверохозяйство «Мурманск»), здесь разводят серебристо-голубого песца, рыжих и черно-бурых лисиц. поголовье пушных зверей в области на начало 2013 г. составляет 1.3 тыс. голов [2], за счет господдержки ситуация в отрасли стабилизируется.

Растениеводство и кормопроизводство. Мурманская область отличается низкими среднегодовыми температурами, большим количеством выпадающих осадков и незначительным количеством солнечных дней, что оказывает негативное влияние на состояние земель. Неблагоприятные климатические условия являются основным лимитирующим фактором развития на Севере России, прежде всего, растениеводческих отраслей. Что же касается животноводческих отраслей, то влияние климатических факторов на их размещение неодинаково и проявляется как в прямой, так и опосредованной формах. Например, в молочном скотоводстве используется преимущественно местная кормовая база, в оленеводстве – естественные корма. Поэтому развиваются данные отрасли в привязке к кормовой базе, которая, в свою очередь, формируется в соответствии с зональными климатическими условиями. В свиноводстве и птицеводстве основу рациона составляют концентрированные корма, следовательно, их размещение в меньшей мере зависит от природных условий региона [3].

Сельскохозяйственные угодья, а это в основном осушенные торфяники, занимают 0.2% от общей площади земель области. На 01.01.2012 г. площадь сельскохозяйственных угодий составляла 17.5 тыс. га. Мурманская область характеризуется самой низкой в стране обеспеченностью населения сельскохозяйственными угодьями. На каждого жителя области приходится всего лишь 0.02 га пашни.

В 2012 г. под посевными площадями сельскохозяйственных культур было занято 7.3 тыс. га, что на 70% меньше чем в 1990 г. Основная причина сокращения – вывод из оборота земель ввиду ликвидации ряда сельскохозяйственных предприятий, отказа пользователей от части земельных угодий, из-за сокращения объемов производства и образовавшихся в связи с этим излишков земли. Отличительной особенностью структуры сельскохозяйственных угодий в условиях области является высокий удельный вес пашни 73.7%, кормовых угодий – 10.3%, незначительные площади заняты сенокосами и пастбищами. В 1990 г. 97% посевных площадей составляли кормовые культуры; площади под картофелем и овощами открытого грунта были незначительны. В настоящее время площади под кормовыми культурами составляют 6.3 тыс. га, что соответствует 26% к 1990 г., выращивание картофеля, овощей открытого грунта, ягодных культур не носит товарный характер и в основном сосредоточено в хозяйствах населения (таблица) [4, 5].

В целом, по результатам проектно-изыскательских работ область располагает 35-40 тыс. га земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения. В современных условиях и в перспективе необходимость ввода новых земель обусловлена потребностью в кормовых угодьях [4]. При распространении в области опыта развития мясного скотоводства встанет вопрос о дополнительных площадях для выращивания кормовых культур. По оценкам специалистов, 12 тыс. га мелиорированных земель могут быть возвращены в хозяйственный оборот.

Что касается овощеводства закрытого грунта – высокие цены на энергоносители привели к повсеместному свертыванию производства из-за его убыточности. До 2010 г. производством тепличных овощей занимался ГОУСП «Тепличный комбинат «Мурманский», имевший 40 тыс. м² теплиц, с которых получали более 1 тыс. т огурцов, томатов, овощной зелени. На перспективу для

возрождения овощеводства закрытого грунта в области планируется осуществить реализацию инвестиционного проекта по строительству тепличного комбината в г. Полярные Зори.

Для успешного ведения земледелия в области действует ведомственная целевая программа «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель Мурманской области» на 2012-2015 гг. [6], направленная на сохранение и повышение плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения. В 2012 г. в рамках программы обеспечено восстановление внутрихозяйственных мелиоративных систем на площади 0.1 тыс. га, проведение культуртехнических работ на мелиорируемых и прилегающих к ним землях на площади 0.1 тыс. га, внесение органических удобрений в объеме 74.4 тыс. т, внесение минеральных удобрений в объеме 0.47 тыс. т действующего вещества. Реализация мероприятий программы осуществлялась за счет средств областного бюджета в объеме 6.5 млн руб. и собственных средств сельскохозяйственных товаропроизводителей в объеме 33.2 млн руб. В 2013 г. программой предусмотрены работы по известкованию кислых почв.

Основные показатели растениеводства Мурманской области (в хозяйствах всех категорий)

Показатели	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Посевная площадь сельскохозяйственных культур, тыс. га							
Картофель	0.4	2.1	2.2	0.9	0.9	0.9	0.9
Овощи *	0.05	0.2	0.2	0.2	0.1	0.1	0.1
Кормовые культуры	24	9.8	6.7	6.7	6.1	6.5	6.3
Всего	24.8	12.1	9.1	7.2	7.1	7.4	7.3
Валовой сбор сельскохозяйственных культур, тыс.т							
Картофель	3.5	29.1	21.9	9.8	9.5	12.1	8.4
Овощи *	7.2	5.3	3.2	2.9	0.9	0.6	0.3

*Включая овощи защищенного грунта.

Опыт развития сельского хозяйства в Мурманской области показывает, что, несмотря на экстремальность условий Крайнего Севера, регион располагает потенциалом для эффективного ведения аграрного производства, в том числе и земледельческих отраслей.

Пищевая и перерабатывающая отрасли. Пищевая и перерабатывающая промышленность Мурманской области представлена многопрофильным комплексом предприятий, относящихся к мясной, рыбной, молочной, комбикормовой, хлебопекарной, кондитерской, пивоваренной и безалкогольной отраслям.

Пищевая переработка является одним из важнейших звеньев агропромышленного комплекса Мурманской области и имеет большое значение в обеспечении населения региона различными продуктами питания в объемах и ассортименте, достаточных для формирования сбалансированного рациона питания.

Отрасль представлена 38 предприятиями, которые в 2012 г. обеспечили регион молочными продуктами в объеме 32.9 тыс. т. (в пересчете на цельное молоко), колбасными изделиями 7.7 тыс. т, мясными полуфабрикатами в объеме 11.4 тыс. т, мясом и субпродуктами 13.4 тыс. т, хлебобулочными изделиями 30.9 тыс. т, мукой и крупой 15.6 тыс. т, кондитерскими изделиями 1.4 тыс. т, рыбой и рыбопродуктами 449.5 тыс. т и др. [2, 5]. Продукцию отличают широкий ассортимент и качество, подтвержденное высокими оценками в конкурсах самого различного ранга.

Принятая в области ведомственная целевая программа (ВЦП) «Развитие агропромышленного комплекса Мурманской области» на 2012-2015 гг. способствует обновлению производственных мощностей, реконструкции и созданию новых производств в пищевой и перерабатывающей промышленности.

Одно из главных мест в общем балансе продовольствия населения занимает продукция хлебопекарной промышленности. В состав ее производителей входят ОАО «Хлебопек», ОАО «Виктория», ОАО «Апатитхлеб», ОАО «Заполярный хлебозавод» и другие предприятия, в том числе мини-пекарни. Коэффициент концентрации трех крупнейших производителей хлеба, таких как ОАО «Хлебопек», ОАО «Апатитхлеб» и ОАО «Виктория», составляет более 60%.

С 2012 г. в области осуществляется поддержка производителей социального хлеба. В рамках программы обеспечено производство 1.22 тыс. т социального хлеба, что составило 6% в общем объеме производства хлебобулочных изделий местного производства [7].

Мукомольно-крупяную и комбикормовую промышленность области представляет ОАО «Мурманский комбинат хлебопродуктов». Предприятие производит муку всех сортов, крупы и комбикорма в необходимом ассортименте для всех видов сельскохозяйственных животных, птицы, рыб, пушных зверей.

Молочная промышленность представлена двумя промышленными предприятиями ОАО «Молочный завод» (г. Североморск), ОАО «Апатитский молочный комбинат», а также рядом цехов по переработке молока, оборудованных на предприятиях сельского хозяйства.

Мясная промышленность региона представлена предприятиями: ОАО «Мурманский мясокомбинат», ООО «ПО «Мелифаро», ООО «Олимп-Норд», ООО «Мурманский Агрохолдинг» (компания «Деликат», птицефабрика «Мурманская», свиноплекс «Пригородный»), и целым рядом мясоперерабатывающих предприятий и цехов малой мощности, в том числе организованных на предприятиях сельского хозяйства.

Пивоваренная отрасль в нашем регионе представлена двумя предприятиями: ООО Пивоварня "Пилигрим" и ООО «Кольская пивоваренная компания» «Арктика». Производство пива составляет более 137 тыс. декалитров.

Безалкогольные напитки производят ООО «Поляр», ЗАО ЗБН «Тони» и ООО «Кольская пивоваренная компания» «Арктика». Ежегодный объем производства на этих предприятиях составляет более 428 тыс. декалитров.

Анализ функционирования отраслей АПК показал следующее:

- в регионе имеются незадействованные природные и биологические ресурсы, использование которых могло бы дать прирост продукции, повысить эффективность производства;
- важнейшим направлением экономической работы АПК должно стать позиционирование производимой продукции на продовольственном рынке региона;
- для успешного развития отраслей сельского хозяйства необходима эффективная государственная поддержка за счет средств бюджетов всех уровней, которая должна гарантировать поддержание уровня доходности сельскохозяйственных отраслей и обеспечивать расширенный воспроизводственный процесс.

Стабилизация отраслей агропромышленного комплекса напрямую зависит от того, насколько каждая из них сможет адаптироваться к меняющейся рыночной ситуации. Основной задачей, как на среднесрочную, так и долгосрочную перспективу, является создание в регионе организационных, экономических и социальных условий, способствующих повышению конкурентоспособности продукции, осуществление комплекса мер, направленных на финансовое оздоровление и устойчивое функционирование предприятий АПК.

Литература

1. В Мурманскую область прибыл министр сельского хозяйства РФ. Режим доступа: <http://www.murman.ru/news/>
2. Мурманской области – 75 лет / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск. 2013. 110 с.
3. Марецкий Ю.А. Особенности и условия формирования агропродовольственного потенциала в условиях Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2010 (25). № 1. С.113-122.
4. Проблемы развития земледелия и растениеводческих отраслей Мурманской области / Ю.А.Марецкий, В.Н.Марецкая // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011 (27). № 1. С.108-113.
5. Социально-экономическое положение Мурманской области в 2012 году: доклад / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2013. 104 с.
6. Ведомственная целевая программа «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель Мурманской области на 2012-2015 гг.». Режим доступа: <http://agricul.gov-murman.ru>
7. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Комитета по агропромышленному комплексу и продовольственному рынку Мурманской области на 2013-2015 гг. Режим доступа: <http://agro.gov-murman.ru>

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫХ ПРОИЗВОДСТВ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В.Д.Новосельцева

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

О.А.Николаева

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассмотрены особенности экспорта и импорта минерального сырья, проблемы использования минерально-сырьевых ресурсов России. На основе анализа зарубежного опыта, тенденций на мировом рынке минерального сырья выявлены приоритетные направления развития экспортных и импортозамещающих возможностей природоресурсных предприятий с точки зрения устойчивого функционирования минерально-сырьевого комплекса.

Ключевые слова: минерально-сырьевой комплекс, устойчивое развитие, экологизация экономики, стратегические виды сырья, приоритетные направления развития экспорта и импортозамещающих производств, модернизация, наукоемкие технологии

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF EXPORT-IMPORT PRODUCTIONS OF THE RUSSIAN MINERAL SECTOR: CHALLENGES AND PROSPECTS

V.D.Novoseltseva

PhD (Economics), docent

Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of RAS

O.A.Nikolaeva

junior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of RAS

Abstract. The work considers the specificity of export and import of minerals, challenges of mineral resources exploitation in Russia. On the basis of foreign experience and world minerals market trends analysis there are revealed the priority development directions of export and import-substituting potentialities of nature resource enterprises from the point of view of sustainable functioning of the mineral sector.

Keywords: mineral sector, sustainable development, economy ecologization, strategic raw materials, priority development directions of export and import-substituting productions, modernization, high tech

Устойчивое развитие минерально-сырьевого комплекса (МСК) представляет собой процесс, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направления капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения должны согласовываться с нынешними и будущими потребностями. В конечном счете, в основе устойчивого развития должна лежать экономика знаний [1].

Минеральные ресурсы играют значительную роль в экономике многих стран, являясь источниками богатства и дохода.

Установлено, что 9/10 всего добываемого в мире минерального сырья приходится на 20 с лишним его видов. Из топливно-энергетического сырья: нефть, природный газ, уголь, уран; из руд черных металлов: железные, марганцевые и хромовые руды; из руд цветных и легирующих металлов: бокситы, медные, свинцово-цинковые, никелевые, оловянные, вольфрамовые, молибденовые, кобальтовые, ванадиевые, титановые руды; из благородных металлов и ювелирных камней: металлы платиновой группы, золото, серебро, алмазы; из горно-химического сырья: калийные соли, фосфориты и сера. Масштабы их извлечения из недр Земли чрезвычайно различны. Только угля, нефти и железной руды в год добывают более 1 млрд т. Добыча бокситов, фосфоритов измеряется сотнями миллионов, марганцевых, хромовых руд, калийных солей; серы – десятками миллионов; свинцовых, цинковых, медных руд – миллионами; никеля, олова, титана – сотнями тысяч; урана, вольфрама, молибдена, кобальта, серебра – десятками тысяч тонн. Мировая добыча золота составляет примерно 2.3 тыс. т в год, платины – менее 150 т [2].

Неравномерность распределения минерально-сырьевых ресурсов (МСР) по странам и континентам предопределяет необходимость перемещения огромного количества минерального сырья и продуктов его переработки. Экспортерами обычно выступают страны, обладающие значительными запасами того или иного вида полезных ископаемых, но в которых мощности по переработке минерального сырья развиты слабо или отсутствуют. Импортируют минеральное сырьё главным образом индустриально развитые страны, испытывающие дефицит в отдельных видах полезных ископаемых [3].

К экспортерам минерального сырья относятся такие страны, как Китай, поставляющий на мировой рынок олово, вольфрам, сурьму, магний, редкие металлы, Австралия (свинец, цинк, никель, кобальт, титановые и редкометалльные концентраты, бокситы и глинозем), Канада (свинец, цинк, никель, кобальт), ЮАР (драгоценные металлы и алмазы, хромиты), страны Латинской Америки (нефть, медь, олово, молибден, редкие металлы) и некоторые страны Юго-Восточной Азии, Центральной и Южной Африки.

Из стран СНГ основными экспортерами минерального сырья и продуктов его первичной переработки являются Россия (почти весь спектр полезных ископаемых за исключением титанового сырья, хрома и марганца), Казахстан (глинозем, медь, свинец, цинк, хромиты, марганец) и Украина (железорудное сырьё и продукты черной металлургии, марганец, титановые и циркониевые концентраты).

Развивающиеся страны продолжают оставаться важнейшими поставщиками топлива. Страны Ближнего и Среднего Востока обеспечивают примерно 2/3 мирового экспорта сырой нефти (крупнейшие экспортеры – Саудовская Аравия (1-е место в мире), Иран, ОАЭ). В десятку ведущих экспортеров нефти входят и такие развивающиеся страны, как Венесуэла, Нигерия, Мексика, Ливия. Алжир и Индонезия являются крупными экспортерами природного газа, Колумбия – каменного угля.

К импортёрам минерального сырья и первичной продукции МСК в первую очередь относятся промышленно развитые страны Западной Европы, США, Япония, Республика Корея и некоторые другие страны, в которых имеются значительные мощности по глубокой переработке сырья.

Развитые страны Запада не обеспечивают себя полностью топливом и минеральным сырьем и значительную часть своих потребностей удовлетворяют за счет поставок из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Так, даже в США с их развитой нефтяной промышленностью доля импортной нефти в потреблении достигла 50%. Западная Европа удовлетворяет свои потребности в нефти лишь на 1/3, а вся остальная нефть импортируется из развивающихся стран и из России. Япония полностью зависит от импорта нефти. Более половины потребляемого природного газа Западная Европа импортирует из России и из стран Африки. Что касается минерального сырья, то Западная Европа и Япония удовлетворяют за счет импорта примерно 1/3 своих потребностей.

Развитые страны являются крупными экспортерами нефти (Норвегия, Великобритания, Канада), природного газа (Канада, Нидерланды, Норвегия), каменного угля (Австралия, США, ЮАР, Канада и др.), урана (Канада, ЮАР, Австралия, США), железной (Австралия, Канада, Швеция) и хромовой (ЮАР) руды, никеля (Канада), молибдена (США), бокситов (Австралия), свинца (Австралия, Канада), цинка (Канада, Австралия), золота (ЮАР, США, Австралия, Канада), металлов платиновой группы (ЮАР, Канада), алмазов (Австралия, ЮАР) и др.

Целью развития МСК долгое время является количественный рост: увеличение объема производства за счет увеличения количества использования природных ресурсов [1]. За последние 35 лет использовано 80-85% нефти и газа от общего объема их добычи за весь исторический период. Объем использования других видов минерального сырья за эти же годы вырос в 3-5 раз. Промышленно развитые страны, в которых проживает 16% населения земного шара, добывают в стоимостном выражении около 35%, а потребляют более 55% в мире минерального сырья [2].

Устойчивое развитие с экономической точки зрения понимается как существенное изменение парадигмы развития, смена роли человечества, определение пределов развития человеческого хозяйства, сохранение природного капитала планеты. В современных условиях развития мировой экономики необходимым условием устойчивого развития экономических систем является взаимосвязь и взаимодействие экологической и экономических составляющих, что сопровождается сдвигом центра экономического анализа с затрат и промежуточных результатов на конечные результаты экономической деятельности и далее на прогнозируемые тенденции развития. В сущности, это означает экологизацию всего социально-экономического уклада и развития общества и переход к новому типу экономики [1].

В отличие от процесса роста, процесс развития предполагает качественное преобразование системы, повышение эффективности производства при постоянном и даже уменьшающемся количестве используемых ресурсов. Устойчивое развитие МСК – это стратегически инновационно-направленный процесс развития комплекса, способствующий наиболее полному удовлетворению потребностей людей нынешнего поколения в минерально-сырьевых ресурсах без лишения такой возможности будущих поколений.

Устойчивое развитие МСК основывается на идее оптимизации совокупного капитала – физического, природного, социального, технологического в условиях влияния следующих факторов: ресурсного – ограниченное количество природных ресурсов; экологического – разрушение окружающей среды; климатического – изменение климата; человеческого – возрастание потребностей.

Россия занимает ведущие позиции в мире по разведанным запасам и объемам добычи важнейших видов полезных ископаемых. В расчете на душу населения природно-ресурсный потенциал России в 2-2.5 раза превосходит потенциал США, в 6 раз – Германии, в 20 раз – Японии. Стоимость ресурсов России, по оценкам специалистов, составляет 27 трлн долл. США, а ее национальное богатство оценивается в 3.3 трлн долл. [4].

Россия занимает первое место в мире по добыче природного газа, второе – бурого угля, третье – нефти, четвертое – железной руды, шестое – каменного угля и золота. Россия является одной из главных горнодобывающих держав планеты.

Россия – страна, где 62% всей РФ занимают северные территории. Ее экономика, валютные ресурсы, стратегические цели в значительной мере обусловлены природными богатствами северных регионов. Север России имеет свои определенные ресурсы и обладает специфическими экономическими условиями, не отличается высоким уровнем экономического развития, однако занимает видное место в производстве разнообразной продукции лесной промышленности, черных и цветных металлов, в производстве горно-химической и топливной промышленности. Велико значение его морского транспорта во внешнеэкономических связях и освоении природных богатств Севера.

Структура российского экспорта носит преимущественно сырьевой характер: на внешний рынок поставляются в основном энергетическое сырье, необработанные металлы и концентраты. Доля продукции глубокой переработки не превышает 10%, что значительно снижает эффективность экспорта и превращает Россию в сырьевой придаток промышленно развитых стран мира [5]. В свою очередь, страны Западной Европы, США и Япония сохраняют роль основных поставщиков современного оборудования и передовой технологии.

Положение с обеспеченностью минеральными ресурсами ухудшается, что, несомненно, сказывается на снижении экономической мощи Российского государства. В частности, Россия прекратила или резко сократила добычу и производство титана, большинства редких металлов, необходимых для разработки и производства технологических новинок. Масштабы потребления продукции из соединений титана, ниобия, тантала, ванадия и других редких и редкоземельных металлов являются точным индикатором научно-технического развития страны. В связи с отсутствием собственной рудно-сырьевой базы практически все сырье для производства титановой губки (ильменитовый концентрат) закупается на Украине. Выпускаемая в России титановая губка активно закупается компаниями по производству авиационных двигателей, такими, как «Whitney», «Rolls Royce» и «General Electric». Большая часть продукции экспортируется в Японию и США. Из западных стран основными покупателями российского титана являются ФРГ, США, Ирландия, Италия и Нидерланды. Среди стран СНГ основными покупателями российского титана являются Казахстан, Узбекистан и Украина, но доля экспорта в общем объеме экспортных поставок титана не превышает 0.6-0.9%. С другой стороны, Россия закупает в этих странах титан в виде лома, причем объемы импорта этого сырья намного превосходят объемы экспорта металла [6].

Россия отстает от других развитых стран по потреблению минерально-сырьевых ресурсов на душу населения, в последние годы объемы их потребления в России снизились на 30-40%, по ряду видов сырья – на 70-80%, и это опасно как с экономической, так и с политической точки зрения. Так, по потреблению важнейших полезных ископаемых на душу населения таких как медь, свинец, цинк и олово, Россия занимает 9-11-е места в мире; товарной железной руды используется меньше, чем в Японии и Германии; по молибдену, никелю, алюминию, цирконию и танталу Россия занимает 4-6-е места; по фосфатному концентрату и плавиковому шпату соответственно – 7-е и 6-е места в мире. Эти показатели характеризуют уровень экономического развития страны, а в конечном результате – национальную независимость и авторитет государства на международной арене.

При таком положении с обеспеченностью МСР из России вывозится огромное количество стратегически важного сырья, запасы которого не могут быть восполнены или с трудом восполнимы. Как показывает опыт последних лет, наибольший интерес иностранные фирмы и компании проявляют к МСР России и других стран СНГ, таким как нефть, газ, золото, уран и других. За границу продается 30-40% нефти и газа, 90% меди и олова, 65% цинка, практически все сырье для производства фосфатных и калийных удобрений. Между тем ресурсы на мировом рынке стоят недорого. Чтобы получить большую прибыль, их надо переработать, а Россия, в основном, экспортирует непереработанное сырье. Попытка залатать дыры в экономике за счет экспорта полезных ископаемых приносит лишь кратковременный успех [2].

С учетом значительного вывоза из страны руды, концентратов, металлов, удобрений, химических продуктов и другой природоёмкой продукции сырьевая компонента составляет более 90% всего экспорта. В то же время на долю высокотехнологичной продукции обрабатывающих отраслей (машины и оборудование) приходится всего 5%.

Большинство развитых индустриальных государств постепенно вытесняют со своих территорий предприятия по добыче и переработке, ориентируясь на импорт сырьевых продуктов из других стран. Австралия, ЮАР и в меньшей степени Канада являются пока исключениями из этого правила [3].

Все большее число стран третьего мира берет курс на развитие сырьевых отраслей промышленности за счет средств иностранных инвесторов. Это обстоятельство, с одной стороны, предоставляет крупным корпорациям возможность выбора объектов для инвестирования, а с другой, ведет к постепенному снижению мировых цен на большинство видов сырьевой продукции (главным образом за счет экономии на оплате труда).

США – передовая держава, обладающая большой производственной мощностью и огромным потенциалом развития. В первые послевоенные десятилетия лидирующее положение США в мировом хозяйстве было бесспорно. Война избавила эту страну от серьезных конкурентов, но ненадолго. Экономический подъем Западной Европы и промышленный рывок Японии существенно изменили это положение. Угроза лидирующей роли США в мировом хозяйстве вызвала необходимость решительных мер: в США заметно возросли расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, ускорились и углубились процессы перестройки промышленности в пользу наукоемких отраслей. Постоянно получают развитие новые методы стимулирования научно-технического прогресса.

В США постоянно поддерживается определенный запас (государственный резерв) стратегических материалов, причем более половины потребности в 22 видах минерального сырья удовлетворяются за счет импорта. Среди импортируемых минералов важное место занимают хром, олово, цинк, вольфрам, иттрий, марганец, платина и платиноиды, а также бокситы (алюминиевые руды).

При этом экспертами отмечается сокращение доли промышленно развитых стран в импорте сырьевых товаров, так как происходит усиление самообеспеченности, собственная добыча, воздействие НТП, снижение материалоемкости производств. Развивается движение технологий, лицензий, патентов, наукоемкой продукции.

Ведущие позиции принадлежат США и Швейцарии, остальные являются нетто – импортёрами технологии. С начала 2009 г. Вьетнам запретил экспорт титановой руды с целью стимулирования развития перерабатывающих производств внутри страны и сохранения природных ресурсов. Более того до 2015 г. Вьетнам намерен инвестировать более миллиона долларов в разработку месторождений титановой руды, а также в строительство трех заводов по производству губчатого титана, очищенного ильменита и диоксида титана. До 2009 г. основным покупателем титановой руды был Китай. Поэтому в среднесрочной перспективе Китай будет вынужден перейти на импорт из Вьетнама уже не сырья, а именно этих продуктов переработки титановой руды [6].

В связи с формированием нового типа экономического развития в мире оживленно обсуждается необходимость выработки нового «зеленого» экономического курса, контуры которого предложены в инициативе Программы ООН по охране окружающей среды (UNEP) (2008). Уже сейчас объем выпуска глобальной экологически ориентированной индустрии составляет 600 млрд долл. в год*. В дальнейшем предлагается мобилизовать и перестроить глобальную экономику в направлении увеличения инвестиций в чистые технологии и «природную» инфраструктуру, стимулировать экологизацию экономики, вернуть рынки к нормальному функционированию и избежать катастрофических последствий глобального изменения климата.

* Towards a Green Economy // UNEP, 2008, October.

В США в соответствии с планом Обамы выделяется свыше 50 млрд долл. на экологизацию экономики; план включает в себя создание новых «зеленых» технологий, энергосбережение, новые рабочие места в перспективных с экологической точки зрения видах деятельности и др.

Скандинавские страны идут на радикальную реструктуризацию экономики в пользу отраслей, производящих экологически совместимые новые виды технологий, продуктов и услуг. В условиях кризиса такая реструктуризация будет осуществляться за счет государственной поддержки экологически передовых видов деятельности при минимальной поддержке традиционных производств.

Зарубежный опыт показывает, что развитие экспорто-импортного производства минерально-сырьевых ресурсов основано на модернизации экономики и знаниях.

По оценкам экспертов Всемирного банка, через 20-30 лет ни одной развитой стране будут не нужны в больших объемах нефть и газ, а в период до 2015 г. будет иметь место тенденция понижения цен на энергетическое сырье и большинство других видов промышленного сырья и полуфабрикатов (табл.).

Для России это обстоятельство является чрезвычайно важным с ее стремлением к энергетическому донорству и необходимостью колоссальных инвестиций в новые малорентабельные и сложные месторождения на шельфах и в вечной мерзлоте.

Увеличение продукции обрабатывающей промышленности в экспорте страны для России является задачей первостепенного значения. Совершенствование экспорта возможно за счет продукции наукоемких отраслей, а также результатов научно-исследовательских и конструкторских работ, технологических процессов и методик их применения.

Динамика и прогноз цен на некоторые виды промышленного сырья, 2000-2015 гг., долл. [5]

Продукция	2000 г.	2002 г.	2005 г.	2010 г.	Прогноз 2015 г.	2015 г. к 2000 г., %
Нефть средняя, долл/барель	29.01	20.96	16.96	16.54	17.07	58.8
Природный газ, Европа, долл/ млн БТЕ	3.96	3.04	2.59	2.39	2.44	61.6
Уголь, США, долл/т	33.97	39.82	32.04	30.46	29.26	86.1
Алюминий, долл/т	1592	1519	1601	1567	1503	94.4
Медь, долл/т	1863	1703	1884	1784	1707	91.6
Никель, долл/т	8876	6287	6125	5831	5526	62.3

В экономике устойчивого развития минерально-сырьевой комплекс должен рассматриваться как экосистема, в которой экология, экономика, технология и социум тесно взаимосвязанные, взаимозависимые, взаимоподчиненные подсистемы единого целого [1].

Принципами устойчивого развития МСК как экосистемы являются:

1. Приоритетность жизненных потребностей нынешнего и будущих поколений при сохранении окружающей природной среды.

2. Принцип «мыслить глобально — действовать локально».

3. Экологический императив.

4. Эколого-экономическая сбалансированность.

5. Экологизация производства.

6. Экономизация взаимодействия природы и производства.

7. Упреждение.

В настоящее время возникает необходимость в качественном пересмотре механизма управления экосистемы МСК. На смену истощительному природопользованию должно прийти комплексное использование ресурсов [4], при котором максимальный экономический эффект достигается при минимальном уровне антропогенной нагрузки и без превышения уровня самовосстановительных способностей экосистемы.

С точки зрения устойчивости экономика развитых стран должна обладать следующими важными чертами [5]:

приоритет в развитии получают наукоемкие, высокотехнологичные, обрабатывающие и инфраструктурные отрасли с минимальным воздействием на окружающую среду;

создаются резервные запасы стратегических видов минерального сырья;

существенное значение приобретают экологические условия жизни населения и их обеспечение;

снижается загрязнение окружающей среды;

уменьшается удельный вес сырьевого сектора в экономике;

радикально повышается эффективность использования природных ресурсов и их экономия, что приводит к резкому снижению затрат природных ресурсов и объемов загрязнений на единицу конечного результата (снижение показателей природоёмкости).

Экономическое положение любой страны зависит не только от наличия или отсутствия собственных минеральных ресурсов, но и от ситуации в минеральном секторе мирового хозяйства в целом и, прежде всего, в странах – главных потребителях и производителях полезных ископаемых.

Увеличение доли перерабатывающего и обрабатывающего секторов способны принести дополнительно десятки миллиардов долларов за счет продажи за рубеж продукции с более глубокой степенью переработки первичного природного сырья и большей добавленной стоимостью. По имеющимся оценкам более глубокая переработка сырья обеспечивает рост добавленной стоимости в 2-10 раз. Государству необходимо стимулировать природоэксплуатирующие компании, не столько увеличивая добычу, сколько модернизируя, углубляя переработку, вкладывая деньги не в начало природно-продуктовой цепочки, соединяющей первичное сырье и конечную продукцию, а в середину и конец этой цепочки, строить при этом новые перерабатывающие предприятия, резко расширить применение инноваций. Этот путь не только не уменьшит прибыли компаний, а сделает их больше, повысит экономическую устойчивость этих организаций. За счет огромной экономии сырьевых ресурсов внутри страны может возрасти и их экспорт, особенно энергоресурсов, при проведении эффективной политики энергосбережения.

Условием реализации концепции устойчивого развития МСК должны стать качественно новые федеральные законы, стратегии, разработанные с учетом триединства экологических, экономических и социальных целей, для достижения которых необходимо применение инновационных технологий. Только с высокоразвитыми технологиями и мощностями для полной переработки сырья Россия может претендовать на лидирующую позицию в мировой экономике.

Литература

1. Инновационно-направленный процесс развития минерально-сырьевого комплекса: сущность и содержание / Т.К.Салина, Т.В.Анушко // Проблемы современной экономики. 2011. № 2 (38).
2. Mining industry-media.ru // Горнодобывающая промышленность. Режим доступа: http://forexaw.com/TERMs/Science/Geography/11198_Mining_industry
3. Экспортноориентированные производства в системе мирохозяйственных связей. Режим доступа: <http://www.fsru.com-11957-14.html>
4. Ларичкин Ф.Д. Экономические проблемы комплексного недропользования // Север и рынок. 2005. Т.1, № 14. С.97-111.
5. Козловский Е. Россия в тисках минерально-сырьевого экспорта // Промышленные ведомости. 2008. № 15-16.
6. Бобылев С.Н. Модернизация и экспортно-сырьевая модель экономики. Режим доступа: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1419>
7. Новости металлургии. Режим доступа: <http://orenburg.metalosplav.ru/197.htm>

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

В.П.Симоненков

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Изложены основные положения формирования инновационной стратегии агропромышленного комплекса Европейского Севера России. Обоснована необходимость системного подхода к освоению инноваций. Произведена оценка степени развития инновационной системы региона. Рассмотрены основные упущения в реформационных процессах АПК.

Ключевые слова: стратегическое управление, инновационный потенциал, устойчивое развитие, самообеспечение, инновационная активность

CHALLENGES OF INNOVATION STRATEGY IMPLEMENTATION IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE EUROPEAN NORTH

V.P.Simonenkov

PhD (Economics), senior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

Abstract. The article describes the main provisions of forming an innovation strategy of the agricultural sector in the Russian European North. The necessity of a system approach to development of innovations is substantiated. The degree of the regional innovation system is evaluated. The main omissions in reformation processes of the agricultural sector are considered.

Keywords: Strategic management, innovation potential, sustainable development, self-sufficiency, innovation activities

В стратегическом управлении предприятием агропромышленного комплекса следует выделить, как минимум, три аспекта: выбор стратегии развития, определение структуры управления и обоснование механизма управления, позволяющего обеспечить реализацию избранной стратегии развития [1].

Инновационное развитие агропромышленного комплекса (АПК) – одно из необходимых условий для решения проблемы продовольственной безопасности, увеличения сельскохозяйственного производства, повышения производительности труда в отрасли, смягчения колебаний цен на рынках продовольствия.

На сегодня в Евросоюзе и других развитых странах до 85% валового внутреннего продукта формируется за счет использования инновационных технологий. Сельскохозяйственный рынок формирует заказ на получение разработок, и основной объем финансирования аграрной науки приходится на частный бизнес, а не на государство. Результаты научных изысканий всегда являются востребованными аграрной отраслью [2].

В России в настоящее время передовые технологии и техника имеются примерно в 1.5% крупных аграрных предприятий и менее чем в 0.5% фермерских хозяйств. Практическая отдача российских исследований крайне низка – до 60% ежегодных разработок остаются невостребованными. Отсутствие эффективного взаимодействия между бизнесом и наукой в России приводит к росту доли зарубежных сортов в общем посеве овощных культур, сахарной свеклы и картофеля. Около половины поставок племенного скота также осуществляется из-за рубежа [2].

Негативные тенденции отечественного АПК как в зеркале отражаются на Европейском Севере страны и являются серьёзным препятствием реализации инновационной стратегии, способной положительным образом повлиять на устойчивое развитие продовольственной системы.

Прежде всего произведём оценку степени развития инновационной системы АПК региона и хозяйствующих субъектов.

Существующая официальная отчетность не позволяет дать количественное выражение инновационной деятельности сельхозпроизводителей и их экономическую эффективность.

В отсутствие прямых показателей, характеризующих деятельность, в этих целях используем некоторые косвенные:

- самообеспечение продуктами питания;
- внесение минеральных удобрений;
- убыточные сельскохозяйственные организации;
- кадровая составляющая.

Основания для использования в оценке инновационного потенциала АПК следующие.

Самообеспечение основными продуктами питания показывает степень потенциальных возможностей увеличения производства продуктов, которое при условии лимитирования пашенных земель возможно только при использовании инноваций.

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что за 20-летний период времени (1990-2010 гг.) самообеспечение населения Европейского Севера основными продуктами питания на душу населения значительно снизилось. Самое значительное снижение было допущено в Республике Карелия по мясу и яйцам. Положительный баланс сохранился в Республике Коми по овощам и картофелю, в Мурманской области по картофелю.

За достаточно продолжительный период времени АПК Европейского Севера не смог преодолеть негативные последствия финансового кризиса 1990-х гг. Изношенная материально-техническая база аграрного производства, хронические проблемы производственной и социальной инфраструктуры села получили импульс к снижению производства основных видов продуктов питания не достигнув даже дореформенного уровня 1990 г.

Несмотря на то, что ограниченные возможности государства и предприятий АПК существенно затрудняют инновационную активность, в конечном счете, именно нововведения способны дать положительный импульс преодолению спада и переходу к фазе активного роста по самообеспечению населения Европейского Севера основными продуктами питания.

Таблица 1

Уровень самообеспечения основными продуктами питания населением Европейского Севера России за период 1990-2010 гг., %[3]

Показатели	1990 г.	2005 г.	2010 г.
<u>Мясо</u>			
Мурманская область	31	10	14
Республика Карелия	55	15	18
Архангельская область	65	26	32
Республика Коми	43	24	26
<u>Молоко</u>			
Мурманская область	18	15	14
Республика Карелия	59	45	44
Архангельская область	69	75	62
Республика Коми	42	34	26
<u>Яйца</u>			
Мурманская область	96	79	77
Республика Карелия	103	31	36
Архангельская область	101	58	78
Республика Коми	100	69	64
<u>Овощи</u>			
Мурманская область	8	4	1
Республика Карелия	29	46	42
Архангельская область	25	102	37
Республика Коми	18	52	26
<u>Картофель</u>			
Мурманская область	5	42	18
Республика Карелия	164	191	113
Архангельская область	164	356	138
Республика Коми	106	250	177

Материальные затраты в растениеводстве и животноводстве в значительной мере определяются технологическим совершенствованием сельскохозяйственного производства, связанным с улучшением семян, применением удобрений, средств защиты растений, кормов. Уровень затрат на эти цели свидетельствует об инновационной направленности.

Обратимся, например, к показателям таблицы 2 по внесению удобрений на один гектар посева сельскохозяйственных культур в сельскохозяйственных организациях Европейского Севера (табл.2).

Таблица 2

Динамика внесения удобрений на один гектар посева сельскохозяйственных культур в сельскохозяйственных организациях Европейского Севера [4]

Регион	Минеральные удобрения (в пересчете на 100% питательных веществ), кг			Органические удобрения, т		
	1990 г.	2000 г.	2010 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Северо-Западный ФО		29.8	34.4		2.6	2.9
Республика Карелия	215	48.7	8.2	15	4.2	3.1
Республика Коми	134.6	34.4	21.8	17.9	7	4.3
Архангельская область	117.3	4.1	17.7	11.9	3.4	3.2
Вологодская область	143.9	42	34	10.1	2.6	2.3
Мурманская область	241.4	210	86.1	29.3	11.4	13

Во всех регионах Европейского Севера за рассматриваемый период времени (1990-2010 гг.) наблюдается катастрофическое положение с внесением удобрений как минеральных, так и органических. В Республике Карелия снижение внесения минеральных удобрений составило 26 раз, органических 4.7 раза, Республике Коми, соответственно – 6 и 4 раза, Архангельской области – 6.6 и 3.7 раза, Вологодской области – 4.2 и 4.4 раза, Мурманской области – 2.8 и 2.2 раза.

Неудовлетворительная работа по поддержанию плодородия почв объясняется, прежде всего, недостатком у сельскохозяйственных предприятий средств на эти цели. Кроме того, вывоз на поля торфокомпостов, своевременное внесение минеральных удобрений и известковых материалов сдерживается недостатком в хозяйствах соответствующей техники. В результате вместе со снижением плодородия почв растёт количество площадей с нарушенной эксплуатационной планировкой [5].

Можно констатировать, что основной фактор интенсификации сельскохозяйственного производства, влияющий на устойчивость продовольственной системы, – применение удобрений, находится на низком уровне. Совершенно очевидно, что для получения более высоких производственных и экономических показателей необходимы значительные материальные вложения. Инновации в этом плане – система оптимизации внесения удобрений в конкретные почвы.

Ограничивающим фактором инновационной активности в АПК является большая доля убыточных сельскохозяйственных товаропроизводителей (табл.3).

Таблица 3

Удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций
(в % от общего числа сельскохозяйственных организаций) [6]

Регион	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Республика Карелия	46.7	30.6	61.1
Республика Коми	58.3	55.6	30.4
Архангельская область	81	40.3	24
Мурманская область	68.4	33.3	20

Несмотря на то, что за последние десять лет доля убыточных сельскохозяйственных организаций снизилась в Республике Коми с 58.3 до 30.4%, Архангельской области с 81 до 24%, Мурманской области с 68.4 до 20% – большинство организаций в регионах имели низкий уровень рентабельности (табл.4), что в значительной степени обусловлено сложившимся диспаритетом цен на сельскохозяйственную продукцию.

Таблица 4

Рентабельность сельскохозяйственной продукции,
реализованной сельскохозяйственными организациями, % [7]

Регион	1990 г.	2008 г.
Республика Карелия	44.2	2.7
Республика Коми	43.8	15
Архангельская область	50.6	7.7
Мурманская область	48	8.5

Сопоставление рентабельности за 1990-2008 гг. показывает, что рентабельность реализованной сельскохозяйственной продукции за этот период снизилась по Республике Карелия с 44.2 до 2.7%, Республике Коми с 43.8 до 15%, Архангельской области с 50.6 до 7.7%, Мурманской области с 48 до 8.5%. В 1997 г. по всем регионам Европейского Севера наблюдалась полная убыточность реализации сельскохозяйственной продукции.

В этих условиях потенциальная эффективность инновации будет крайне низкой, инвестиции могут даже не окупиться. Поддержание паритетности сельскохозяйственным организациям может достигаться за счет компенсационных выплат из бюджета с одновременным развитием инновационной продукции.

Лимитирующим фактором устойчивого развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий на инновационной основе является демографическая ситуация и состояние рынка труда.

За 2000-2010 гг. численность занятых в экономике по видам экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство сократилась на 65.2 тыс. чел., или на 32.7% (табл.5).

Таблица 5

Динамика среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве [7]

Регион	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 г. к 2000 г., %
Европейский Север	199.5	167.6	134.8	67.3
Республика Карелия	46.2	37.3	29.6	64
Республика Коми	50.2	46.5	38.1	75.9
Архангельская область	79.9	66.7	50.4	63
Мурманская область	23.2	17.1	16.2	70

Наибольшее сокращение за этот период произошло в Архангельской области (37%), наименьшее в Мурманской области (30%). Численность работников занятых в сельском хозяйстве в 2010 г., составляет в Республике Карелия 3.2 тыс. чел., или 11% от общей численности по рассмотренным видам экономической деятельности, в Республике Коми соответственно 3.8 тыс. чел., или 10%, Архангельской области – 8.5 тыс. чел., или 25% и Мурманской области 4.0 тыс.чел. или 25%.

Основными проблемами современного рынка труда являются:

сезонность производства в сельском хозяйстве;

низкий уровень зарплаты;

высокий уровень регистрируемой безработицы и еще более высокий незарегистрированной;

большой удельный вес малоодоходных рабочих мест в сельских районах;

низкая конкурентоспособность на рынке труда молодежи и женщин.

Сокращение численности работающих в АПК свидетельствует о необходимости использования инновационно-инвестиционных мер, позволяющих обеспечить экономический рост в условиях непрерывной экономии трудовых затрат в расчете на единицу производимой продукции сельского хозяйства. И с этой точки зрения инновационному трудосберегающему пути развития аграрного сектора нет альтернативы.

Инновационная модель устойчивого развития продовольственной системы Европейского Севера имеет исключительно критическое значение как система поступательного развития отрасли.

Рассмотрим отдельные теоретические и методологические положения, которые были проигнорированы или недооценены в реформационных процессах АПК. Ведь за 20-летний период агропромышленный комплекс Европейского Севера так и не вышел по производству основных видов продуктов (мясо, молоко, яйца) на уровень 1990 г.

Во-первых, на начальном этапе реформ не были определены цели и методы их проведения с учетом конкретных условий Севера. Усилия реформаторов направлялись на смену структуры собственности, но в России еще не были созданы институты частной собственности на землю, не была проведена натурально-стоимостная оценка производственных структур, без которой невозможно обосновать соотношение мелкого и крупного производства, частного и коллективного хозяйствования. При этом роль частной собственности неоправданно преувеличивалась, а вопросы обеспечения ее средствами производства оставались нерешенными.

Во-вторых, образовался разрыв между мотивацией труда сельскохозяйственного производителя и правом собственности на средства производства. Иначе говоря, было проигнорировано ключевое положение теории экономии живого труда как социального фактора прогресса.

В-третьих, в осуществляемых преобразованиях не уделялось внимание инновационным и инвестиционным аспектам. Ошибочно считалось, что изменение в формах собственности способно автоматически обеспечить развитие научно-технического прогресса в АПК. Введение рыночного механизма в устаревшую технологическую среду с ее высоким уровнем затрат и низкой производительностью труда не дали положительных результатов.

В-четвертых, нарушился товарообмен между сельскохозяйственными производителями и работающими на него отраслями промышленности. Результат – спад агропромышленного производства и структурные нарушения в промышленности.

И, наконец, *в-пятых*, в условиях неуправляемой рыночной стихии сельскохозяйственные предприятия не в состоянии были обеспечить необходимые накопления для простого и расширенного

воспроизводства, активизации инновационной и инвестиционной деятельности. Не может успешно развиваться аграрный сектор при низкой поддержке из государственного бюджета. В России государственная поддержка сельского хозяйства в расчете на 1 га пашни составляет 33-35 евро, то есть приблизительно 1400 руб/га, в ЕС – 500 евро. В странах с холодным климатом (Норвегия, Финляндия) государственная поддержка сельскому хозяйству составляет около 30 тыс. долл. в расчете на одного фермера [8].

Оценка ситуации в АПК Европейского Севера свидетельствует о том, что активизация инновационной деятельности без реализации целой системы мер становится затруднительной. Одной из таких мер является максимальное использование преимуществ северного земледелия, к которым можно отнести: [8]

- 1) продолжительность светового дня в период вегетации;
- 2) хорошая обеспеченность влагой;
- 3) значительные массивы естественных лугов в поймах рек;
- 4) возможность производства экологически чистой продукции.

Преимущества северного сельского хозяйства для производства экологически чистых продуктов питания успешно используют скандинавские фермеры. Например, в Финляндии до 90% фермеров включены в экологические программы, а полностью заняты производством экологической продукции 7% хозяйств.

В зоне Российского Севера намного больше возможностей, чем в Скандинавских странах ввиду огромных территорий.

Таким образом, очевидно, что методологические просчёты, допущенные в результате реформационных процессов АПК, самым негативным образом повлияли на развитие продовольственной системы Европейского Севера. Для увеличения сельскохозяйственного производства, удовлетворения потребности северян в витаминах, белках и жирах, а также решения проблемы повышения производительности труда в отрасли необходима активизация инновационной деятельности с максимальным использованием преимуществ северного земледелия.

Литература

1. Советов П.М. Методология аграрной стратегии на Европейском Севере России. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2002. С.52.
2. Информационный отдел Российского центра исследований АТЭС // Инновационное развитие сельского хозяйства. 2012. 11 янв.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. /Росстат. М., 2010. 996 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. /Росстат. М., 2011. 990 с.
5. Проблемы развития земледелия и растениеводческих отраслей Мурманской области / Ю.А.Марецкий, В.Н.Марецкая // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 1. С.110.
6. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru>
7. Сельское хозяйство охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011: стат.сб. Росстат. М., 2011. 446 с.
8. Пашков В.П. Компенсационная и льготная форма поддержки сельского хозяйства //Экономика региона. 2011. № 4. С.192.

КОНЦЕПЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИЙ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

В.П.Симоненков

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН

А.Ю.Омелай

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Приведены этапы реализации концепции инновационного развития АПК Севера России. Составлена структура механизма продвижения инноваций в сельскохозяйственные предприятия. Изложен опыт внедрения передовых сельскохозяйственных технологий в Северном регионе.

Ключевые слова: Концепция, бизнес-план, агротехнопарк, кадровое обеспечение, инновационная политика

CONCEPTION OF IMPLEMENTATION OF INNOVATIONS IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE EUROPEAN NORTH

V.P.Simonenkov

PhD (Economics), senior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

A.Yu.Omelay

junior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

Abstract. The article presents realization stages of the concept of the agricultural sector innovation development in the Russian North. The structure of promoting innovations to agricultural enterprises is built up. The experience of introducing advanced agricultural technologies in the northern region is described.

Keywords: concept, business-plan, agro-technopark, staffing, innovation policy

Основной задачей инновационной системы АПК является увеличение аграрного инновационного потенциала. Основу его составляют научно-технические разработки для агропромышленного производства как постоянно пополняемый и возобновляемый источник непрерывно возрастающих возможностей инновационного обновления АПК. Научно-технические достижения определяют саму возможность перехода к устойчивому развитию АПК, а от осуществления обеспечивающих мер инновационной системы зависит, как быстро такой переход произойдет.

Критерии успешности реализации концепции включают в себя следующие показатели:

возможность максимального самообеспечения регионов Севера продуктами питания местного АПК и создания оптимальных продовольственных запасов;

устойчивый рост объемов и эффективности производства продукции;

экономическая доступность продовольствия для населения;

достаточность потребления основных продуктов питания, степень их соответствия социально-медицинским нормативам.

Основа концепции представляется в виде совокупности этапов, инструментов и необходимых ресурсов, общая схема которой представлена на рис.1.

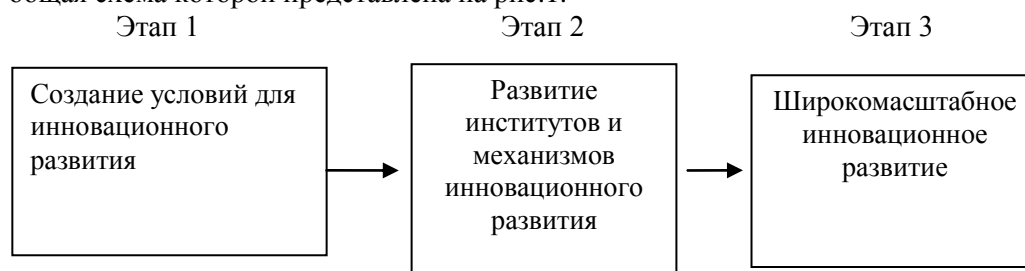

Рис.1. Этапы реализации основных положений концепции инновационного развития АПК Севера РФ

На этапе создания условий для инновационного развития АПК важнейшим звеном является разработка системы внутривозрастных экономических отношений, в основу которого заложен принцип бизнес-планирования.

Бизнес-план – это основной документ формирования внутривозрастного механизма управления, позволяющий спланировать текущие затраты и определить финансовый результат. Он необходим, чтобы вскрыть причины неэффективного ведения АПК во всех его составляющих. Бизнес-план способствует повышению эффективности использования капитала, в том числе на инновационное развитие, за счет его оборачиваемости, роста прибыли от продаж, оптимизации структуры. Он помогает контролировать производственный процесс за счет движения финансовых потоков.

Компьютерная программа составления бизнес-планов позволит перевести на программное обеспечение единый механизм внутривозрастных экономических отношений АПК и интегрировать службы управления, связи и обработки данных в единый сетевой комплекс.

Другой важнейшей задачей на этапе создания условий для инновационного развития АПК является формирование системы подготовки кадров и сельскохозяйственное консультирование.

Дело в том, что реальные инновации, новые технологии в АПК не соответствуют традиционным методам преподавания в учебных заведениях по подготовке и переподготовке сельских кадров высокой квалификации, не всегда отвечают конкретным требованиям производства, по сути дела оторваны от них. Самая передовая теория должна конструктивно сочетаться с практикой. Следовательно, необходима организация инновационных образовательных структур в научных учреждениях АПК. Практическим воплощением этого будет создание учебно-производственных структур дополнительного образования и повышения квалификации, как показывает практика, по следующим направлениям:

- внутривозрастная организация агропредприятий в рыночных условиях;
- освоение современных (отечественных и зарубежных) технологий в основных отраслях АПК;
- автоматизированное управление информационными потоками внутри сельскохозяйственного предприятия.

Все эти направления полностью соответствуют основной специализации сельскохозяйственного производства северных регионов.

Одним из узловых вопросов, осложняющих общий подъем аграрного производства и возрождения сельских территорий является социальная инфраструктура. Инновации в человеческий капитал осуществляются крайне медленно. Достаточно только перечислить ряд проблем сельского жителя и станет очевидно, что без уравнивания доходов сельчан с доходами горожан, увеличения инвестиций в жилищное строительство, объекты социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры, не удастся повысить уровень и качество жизни на селе, а, следовательно, успешно осуществить инновационное развитие АПК.

На этапе развития институтов и механизмов инновационного развития необходимо осуществить мероприятия по стабилизации сельского хозяйства.

На федеральном уровне требуется разработать и принять закон «О государственном сельскохозяйственном предприятии». На уровне регионов принять закон «Об инновационной политике и стратегии в АПК».

Значимость системы страхования в АПК велика. Оно играет значительную роль ввиду многих рисков, которые возникают при реализации инновационных проектов, тем более в условиях Севера. В этой связи для интенсивного пути развития сельского хозяйства регионов Севера целесообразно чтобы правительство регионов минимизировало часть рисков. Это возможно путем страхования проектов, реализуемых на основе инновационных разработок. Для вовлечения инвесторов в реализацию инновационного проекта в сельском хозяйстве страховая сумма выделяется из средств Фонда страхования – займы правительства региона – и резервируется на депозите в банке. При наступлении страхового случая по таким объективным причинам, как увеличение стоимости проекта, увеличение сроков проекта, недостижение заданных параметров, данные денежные средства перечисляются инвестору на возмещение убытков.

Для обеспечения благоприятных условий инновационного развития в АПК регионов Севера необходимо законодательное обеспечение ряда инициатив следующего порядка. Обеспечение в аграрной политике экономических интересов фермеров в части создания приоритетов местных сельхозпроизводителей при закупках продукции в региональные фонды; участие государства в залоге сельхозпродукции (картофель, овощи) путем выделения бюджетных средств и льготного кредита; отмены сельхозорганизациям налога на пять лет. Тем самым частично решится проблема недостатка финансовых ресурсов для осуществления инновационной деятельности.

Для обеспечения более эффективного функционирования системы поддержки инновационного направления в АПК необходимо:

- освоение современных кредитно-инвестиционных механизмов – лизинга, специализированных инвестиционных институтов венчурного инвестирования;
- развитие схем кредитования предприятий АПК с обеспечением кредитов личными средствами учредителей этих предприятий;
- использование имущества неэффективных и неплатежеспособных предприятий в качестве источника ресурсного обеспечения для создания, например, особых экономических зон агропромышленного типа.

В рамках экономических зон возможна организация агротехнопарка – комплексного инфраструктурного объекта инновационной деятельности, ориентированного на интеграцию интеллектуального потенциала аграрной науки и создание условий для продвижения в агропромышленный сектор современных научных идей, технологий, методов управления. Создание системы агротехнопарков способствует скорейшей апробации передовых технологий и изучению экономической эффективности. Ключевыми источниками финансирования данного формирования могут являться средства федерального и регионального бюджета, хозяйственные договоры, средства от предпринимательской деятельности, предоставления платных научно-технических услуг, грантов разного уровня.

В северных регионах целесообразность создания агротехнопарков может быть связана с производством экологически чистых продуктов питания и других производств. Достоинство создания таких структур состоит в том, что именно совокупность институциональных структур в лице государства, бизнеса и науки оказывает влияние на инновационное развитие региона. Создание и функционирование агротехнопарков знаменует переход на качественный инновационный путь развития и, как следствие, создание высокоэффективной, конкурентоспособной региональной экономики.

Для эффективного внедрения достижений аграрной науки необходимо создание структур своевременного и качественного оповещения сельскохозяйственных производителей о новейших достижениях и возможностях их использования в практической деятельности на конкретной территории.

Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что распространение новшеств в аграрной сфере наиболее успешно осуществляется именно на основе организации региональных служб сельскохозяйственного консультирования, взаимосвязанных с органами управления АПК, научными и учебными центрами, опытными и передовыми хозяйствами. Служба аграрного консультирования выступает связующим и передаточным звеном инновационной системы АПК, доводящим нововведения до конкретного товаропроизводителя на определенной сельской территории, существенно повышая тем самым конкурентоспособность и устойчивость функционирования и развития АПК.

Структура механизма продвижения инноваций в АПК Севера представлена на рис.2.

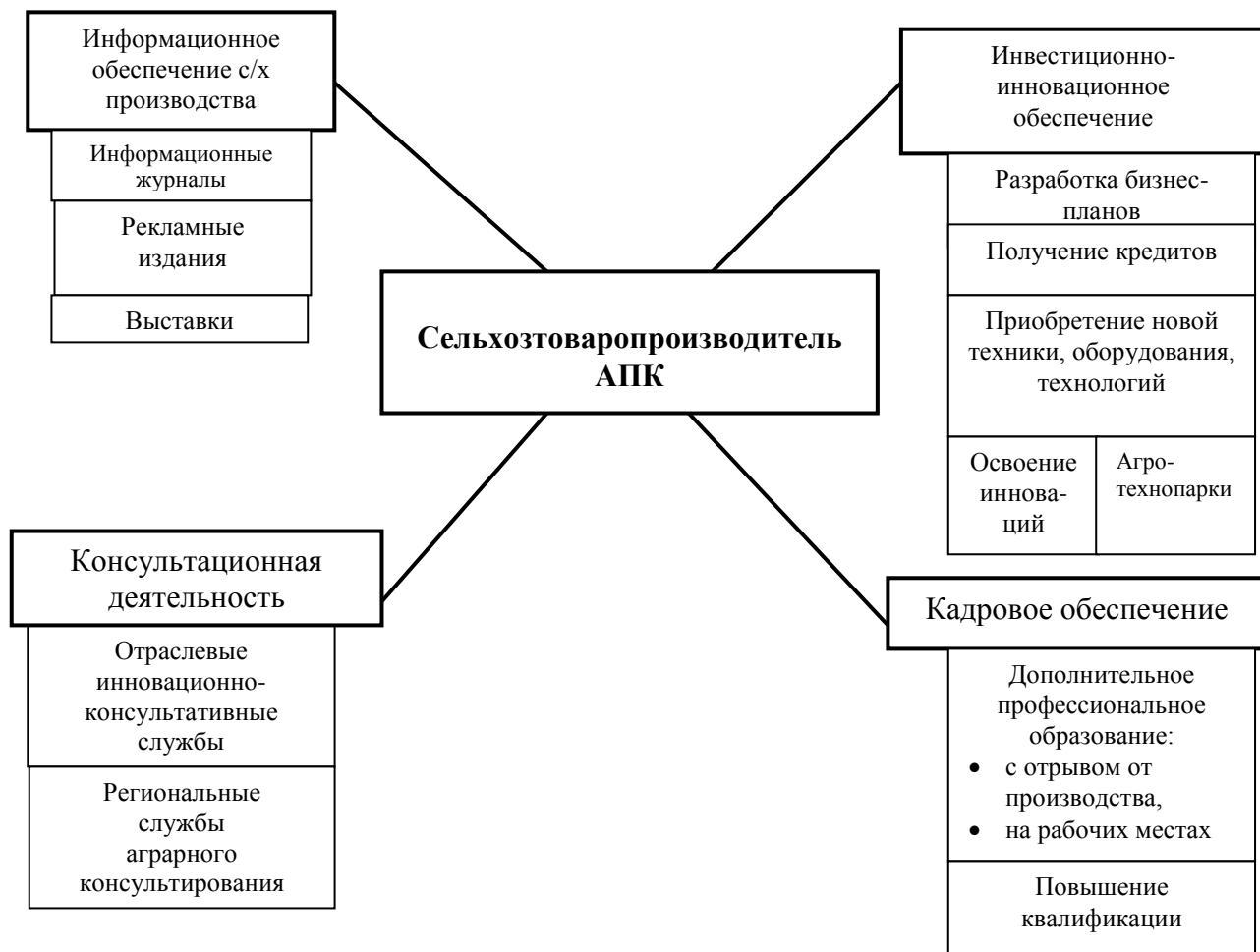

Рис.2. Структура механизма продвижения инноваций в агропромышленном комплексе Севера

Необходимым условием успешного продвижения разработок в аграрное производство является не столько эффективность технологических решений или производственные возможности, сколько уровень организации процесса продвижения от НИР до продажи продукта или технологии. В перспективе инновационная политика в аграрном секторе должна фокусироваться на создании стимулов к взаимодействию и созданию кооперативных информационных сетей, чтобы пользователи могли иметь простой доступ к ним и обмениваться информацией. Успешное продвижение инноваций также зависит от уровня открытости процессов разработки и внедрения, а также качества экспертизы разрабатываемых программ и бизнес-планов. Конечный результат – улучшение продовольственного обеспечения.

На этапе широкомасштабного инновационного развития (этап 3) реализуется стратегия модернизации и освоения инноваций практически во всех звеньях АПК. Вопрос состоит в том, что осваивать, что покупать. Для этого есть определенные возможности.

Лишь в 2008 г. учеными Российской академии сельскохозяйственных наук создано 258 сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, 24 новых селекционных форм животных и птиц, разработано 280 новых технологий, 137 единиц машин, приборов и оборудования, испытано 77 препаратов защиты растений [1].

Практическая реализация инновационного развития по отраслям производства в АПК возможна следующим образом.

В животноводстве экономика молочного скотоводства во многом зависит от инновационного развития кормопроизводства, поскольку на корма приходится приблизительно 18% производственной себестоимости молока. Освоение технологии раздачи концентрированных кормов с помощью роботов, технология заготовки силоса в брикеты фирмы «Крона» (производство Германии). Приобретение и использование современных кормоуборочных комбайнов «Ягуар-350», «Ягуар-750» (производство Германии) по заготовке сенажа и сдавливания валков позволяет полностью автоматизировать процесс заготовки кормов. Значительно облегчают процесс заготовки кормов современные пресс-подборщики и косилки производства «Джон-Дир».

В овощеводстве предлагается кассетная технология выращивания капусты и голландская технология возделывания моркови. Эффективна технология хранения овощей с применением искусственного охлаждения и климат-контроля (Голландия), а также немецкая технология возделывания картофеля и линия по предпродажной подготовке и фасовке овощей в различную тару (15-20 т/смену). Инновационные технологии уборки овощей обеспечивают доведение уровня механизации до 92%. Уровень рентабельности производства овощей с применением новейших технологий, прошедших предпродажную подготовку и фасовку, может достигать 35-37% [2].

Имеется положительный опыт внедрения передовых технологий в Северном регионе: Вологодской и Мурманской областях.

В Вологодской области Племзавод «Родина» – один из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции в России, входит в число 100 наиболее эффективных предприятий страны по производству молока, член клуба «Агро-300». В хозяйстве реализован комплекс мероприятий в молочном скотоводстве, позволяющий повысить продуктивность животных. Надой на одну корову увеличился на 44.9%, в 2007 г. производство молока на 100 га сельскохозяйственных угодий почти удвоилось при рентабельности производства на уровне 43%. Хозяйство полностью обеспечивает поголовье кормами собственного производства. Для сбалансирования рационов по сахару, протеину, минеральным веществам ежегодно закупается патока, жмых подсолнечный, трикальцийфосфат.

Применяется система кормления молодняка и коров кормосмесями, в которые входят силос, жмыхи, размолотый ячмень, патока, соль и фосфаты. Для приготовления кормосмесей закуплены кормораздатчики-смесители «Бульдог», «Сеттер» производства Италии. Применение кормосмесей позволило увеличить продуктивность коров и среднесуточные привесы молодняка. В хозяйстве 75% молодняка содержится беспривязно, поэтому и дойное стадо начали переводить на беспривязное содержание. Введена в эксплуатацию ферма с доильным залом «Европа – параллель 2x12» производства Голландии. На фермах установлены танки – охладители производства Швеции, Германии, Голландии общей вместимостью 50 т охлажденного молока при ежедневном надое от всего стада свыше 30 т. Хозяйство одним из первых не только в Вологодской области, но и в России, внедрило систему добровольного доения коров (VMS) фирмы «DeLaval», в хозяйстве впервые построена и пущена в эксплуатацию ферма на 250 коров с доением коров роботами. Их применение

обеспечивает рост средней молочной продуктивности коров более чем на 10% (при начальной средней продуктивности животных 8000 кг на одну голову) [3].

В Мурманской области в Агрокомплексе «Ковдорский» действовал биогазовый комплекс. Общая вместимость четырех реакторов биогазовых установок (БГУ) составляла более 160 м³. Экономия средств в результате отказа от услуг мазутной котельной составила не менее 15 млн руб. в год. Теплоснабжение объектов АПК на основе газового котла, работающего на полученном биогазе, дало значительную экономию топлива. Установка оснащена специальной системой подогрева массы, устройствами для подачи ее из хранилища в емкости-метантенки и извлечения готового удобрения. За счет биогаза полностью удовлетворены потребности агрохозяйства в горячем водоснабжении, отоплении, в том числе зимой, а в весенне-летне-осенний период удалось частично отключить электроотопительную систему, так как объекты могли обогреваться дешевым газом. Высокие надои в Агрокомплексе достигнуты не только за счет селекции и племенной работы зоотехников, но и благодаря скармливанию коровам хлореллы и зеленого корма, выращиваемого зимой с помощью гидропонии. Для культивирования хлореллы используют два культиватора КХ-160 производительностью 320 л суспензии в сутки. Окупаемость культиваторов – один-два месяца. Хлореллу смешивают с сухими кормами или выпаивают животным напрямую через поилки. Это увеличило рентабельность хозяйства более чем на 100% [3].

Нанотехнологии способны помочь в решении проблем повышения эффективности животноводства за счет введения в корма различных биологических добавок и использования методов генетической идентификации и геномной инженерии.

Агропромышленный союз «Возрождение», объединяющий сельские хозяйства Пушного, Лопарского и Полярных Зорь, приобрели комплект современного итальянского навесного оборудования «Волгари», позволяющего заготавливать сенаж в спрессованные и герметично упакованные 800-килограммовые цилиндры, которые могут храниться в упаковке до трех лет без потери кормовых качеств. Данная технология позволяет отказаться от комбикормов, которые сокращают жизнь коров, разрушают ее печень и костную систему [4].

Также с успехом ГОУСП «Тулума» Мурманской области использует американские и канадские технологии производства говядины. Уникальность ее состоит в том, что с момента своего рождения животные круглый год содержатся на улице в специальных больших загонах (фидлотах). На площадках находятся грубые корма. За стадом в несколько сотен голов могут ухаживать всего один-два человека. Технология требует минимальных материальных и физических затрат, и позволяет снизить зависимость от энергетиков. Все это дает возможность значительно снизить себестоимость производимого мяса.

Распространение опыта освоения инновационных технологий, широкомасштабное применение современных агротехнологий, адаптированных к условиям Севера, – необходимое условие устойчивого развития продовольственных систем.

Вместе с тем, для достижения высокой эффективности АПК, налаживания взаимовыгодных отношений производителей сельскохозяйственной продукции и предприятий переработки, поиска и освоения выгодных рынков сбыта сельхозпродукции, рационального использования вложений в расширение производства, надёжного обеспечения сельхозпроизводства материальными и финансовыми ресурсами необходимо активно использовать агропромышленную интеграцию [5].

Кроме того, необходимо также антимонопольное регулирование и регулирование пропорций внутри межотраслевого обмена, активное внедрение лизинга на сельскохозяйственную технику и стимулирование развития кооперации [6].

Таким образом, изложены основные положения формирования инновационной стратегии, обоснована необходимость системного подхода к освоению инноваций. Приведены этапы реализации концепции инновационного развития АПК Севера. Составлена структура механизма продвижения инноваций в сельскохозяйственные предприятия. Изложен опыт внедрения передовых технологий в Северном регионе.

Вместе с тем, при реализации инновационной стратегии АПК Севера необходимо учитывать основную угрозу, связанную с сокращением уровня государственной поддержки сельского хозяйства. Возможное снижение цен на нефть и объемов ее экспорта, массивные вложения в поддержку базовых отраслей промышленности и банковской системы могут привести к резкому ограничению бюджетной поддержки сельского хозяйства.

Кроме того, следует внести коррективы при вступлении России во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Литература

1. Рау В.В. Перспективные направления развития АПК. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info>
2. Трофимов А.Г. Реализация инновационной стратегии сельскохозяйственной организации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 4. С.14-19.
3. Федоренко В.Ф. Научно-информационное обеспечение инновационного развития в сфере сельского хозяйства. М.: Росинформагротех. 2011. 368 с.
4. Вишневский П. Сенокос по-итальянски // Мурманский вестник. 2011. 20 июля.
5. Советов П.М. Агропромышленная интеграция: концепции, механизмы, эффективность. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2007. С.19.
6. Марецкий Ю.А. Современное состояние и основные подходы к стратегии развития сельскохозяйственного производства Мурманской области в условиях кризиса / Север и рынок: формирование экономического порядка. 2004. № 3. С.21.

МИГРАЦИЯ И АККУМУЛЯЦИЯ УГЛЕВОДОРОДОВ ПРИ ДОБЫЧЕ СО ДНА МОРЕЙ

С.С.Туинова

кандидат экономических наук, научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация: Рассматриваются некоторые проблемы, связанные с определением миграции и аккумуляции углеводородов во время их добычи со дна северных морей. Показана коммерческая и стратегическая важность управления резервуарами, моделирования и прогнозирования для понимания перспектив безаварийного развития нефтедобывающей компании и ее прибыли, инновационная составляющая этого направления исследований.

Ключевые слова: миграция и аккумуляция углеводородов, инновационные методы прогнозирования морской добычи углеводородов.

SUBSURFACE PETROLEUM MIGRATION AND ACCUMULATION

S.S.Tuinova

PhD (Economics), researcher

Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

Abstract: The article examines some issues associated with subsurface petroleum migration and accumulation processes. The commercial and strategic importance of the reservoir management, modelling and forecasting for realising of safety and company's profit in the petroleum industry, innovation aspects of the issue are shown.

Keywords: petroleum migration and accumulation, innovations in subsurface petroleum industry prognosis.

Введение. Увеличение морской нефтегазодобычи вызвано ростом мировой потребности в углеводородном сырье и истощением его запасов на суше. В настоящее время для России особенно актуален трансфер передового зарубежного технологического и организационно-экономического опыта, а также знаний по разработке шельфовых месторождений*. Происходящие трансформации в структуре добычи углеводородов (УВ) обуславливают актуальность инновационных методов прогнозирования морской добычи углеводородов. Существуют расхождения в оценках запасов морских УВ России. Свыше 6 млн км² шельфа Мирового океана (21%) принадлежит нашей стране. При этом наиболее перспективный и доступный для бурения шельф превышает 60% площади. Суммарные извлекаемые ресурсы УВ оцениваются многими отечественными специалистами в более чем 100 млрд т условного топлива, из которых газовая составляющая достигает 80%. При этом наибольший объем УВ (около 90%) сосредоточен в арктических морях. Оценки западных экспертов намного скромнее [1].

* Из видео-интервью главного редактора интернет-портала Pro-arctic.ru Марии Кутузовой с кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН Алексеем Фадеевым. Режим доступа: <http://pro-arctic.ru/27/05/2013/video/3401#read>

Автором ставится задача не подробного технического обзора существующих на сегодняшний день методов определения миграции и аккумуляции углеводородов во время их добычи со дна морей, а определение экономико-политического состояния их доступности на территории России. Поскольку известно, что в настоящее время точное определение миграции и аккумуляции углеводородов во время их добычи со дна морей является основным условием не только определения грядущих прибылей добывающей компании, но и ее безаварийной работы, рассмотрение перспектив реализации этих важных инновационных направлений нельзя переоценить. Решение проблемы рентабельности проводимых работ по добыче УВ является сложной инновационной задачей. Многочисленные исследования выявляют [2], что существует потенциал для решения технических проблем в процессе добычи УВ со дна морей с существенным положительным эффектом для экономической и экологической ситуации, однако необходимы значительные инвестиции, продуктивное международное сотрудничество и заинтересованное государственное участие в соответствующих проектах. Данное исследование не претендует на исключительность и завершенность, это одна из многих попыток рассмотреть проблему определения миграции и аккумуляции углеводородов во время их добычи со дна морей.

Методика исследования. В работе использованы данные молодых российских специалистов, работающих на различных объектах нефтегазовой экономики России, главным образом, выпускников геологического факультета СПбГУ, а также доступные поисковые системы глобальной сети Интернет. Полученные данные проанализированы, сопоставлены данные русско- и англоязычных источников, сделаны выводы.

Результаты и обсуждение. Буровые работы на шельфе впервые начались в Арктике западного полушария почти полвека назад, а восточного – более 30 лет назад. Эти работы открыли ряд новых крупных нефтегазоносных бассейнов (НГБ) или морских продолжений НГБ, ранее открытых на суше: Бофорта–Маккензи и Свердруп (Канада), Северного склона Аляски (США), Западно-Баренцевского (Норвегия), Восточно-Баренцевского и Южно-Карского (Россия). На российском шельфе обнаружены наиболее крупные месторождения (Штокмановское, Русановское, Ленинградское, Долгинское, Приразломное и др.). Опыт освоения морских арктических и субарктических месторождений показал, что организацию морских нефтегазовых промыслов (табл.1) в условиях сложной ледовой обстановки рационально выбирать вблизи побережья с широко развитой инфраструктурой, и где можно добывать горизонтальными скважинами, пробуренными с берега или искусственных островов.

Анализ ресурсов, запасов и объемов добычи УВ в циркумарктическом регионе показал, что Россия является мировым лидером по ряду позиций:

по началу добычи на суше – с 1969 г. на Мессояхском и с 1972 г. на Медвежьем месторождениях (на 8 и 5 лет раньше, чем на Аляске);

по объемам накопленной добычи УВ на суше (в 3.5 раза больше Аляски);

по ресурсам и запасам УВ на суше и шельфе (за счет разработки Юрхаровского месторождения с 2005 г. Россия является лидером по объемам добычи УВ на шельфе Арктики, опережая суммарную добычу США и Норвегии).

Таблица 1

Морская добыча углеводородов в Арктике

Разрабатываемые НГБ	Расположение
Месторождения Северного склона (их 9)	Аляска
Месторождение Snohvit	Запад Баренцева моря
Юрхаровское месторождение	Тазовская губа, Юг Карского моря

Российский опыт по оценке и добыче УВ на арктическом шельфе позволил активизировать интерес нефтедобывающих компаний к приобретению лицензий на участки морских НГБ Арктики (табл.2).

- Нефтяной терминал «Варандей» (ОАО «Лукойл») успешно работает с 2007 г. и расположен в 22 км от берега, недалеко от Приразломного месторождения, способен отгружать на танкеры ледового класса до 12.5 млн т нефти в год.

- Морская стационарная ледостойкая платформа гравитационного типа «Приразломная» установлена в 2011 г. на Приразломном нефтяном месторождении (ОАО «Газпром») в 60 км от

берега на шельфе Печорского моря, закрытом льдом 7-8 месяцев. Планировалось начать добычу нефти в 2013 г.

Российский закон «О недрах» предполагает, что с 2008 г. новые участки на шельфе могут выдаваться только государственным компаниям с пятилетним опытом работы на российском шельфе. Таким образом, фактически монопольное право на шельфовые проекты закреплено за «Газпромом» и «Роснефтью» [3]. Однако, частные российские компании неоднократно заявляли, что хотели бы поучаствовать в освоении шельфа.

Таблица 2

Приобретение лицензий на участки северных акваторий в 2010-2012 гг.

Компания	Участок
ОАО «Газпром» и ОАО «Новатэк» ОАО «НК «Роснефть»	Обская и Тазовская губа 90 тыс. км ² в Баренцевом и Печорском морях 128 тыс. км ² в Карском море Адмиралтейский, Пахтусовский (11.3 тыс. км ²) Медынско-Варандейский (2.8 тыс. км ²) ВСЕГО 232 тыс. км ²

Некоторые проблемы изучения и освоения углеводородов арктических акваторий:

1. Сокращение площади льда из-за изменения климата, сход в море массивов льда может вызывать непредсказуемые землетрясения;^{*} и появление угрожающих размеров айсбергов.

2. Увеличение площади Северного Ледовитого океана (СЛО), изменение очертания берегов угрожает береговым объектам и судоходству в прибрежной полосе за счет возникновения ранее неизвестных мелей вследствие разрушения многолетнемерзлых (палеомерзлых) пород (ММП).

3. Сейсмическая обстановка в Арктике характеризуется неравномерным, очаговым распределением эпицентров землетрясений, из-за недостаточности сейсмологических станций в арктических регионах России нет достаточного обеспечения мониторинга сейсмической обстановки, необходимого для безопасности освоения морских месторождений Арктики.

4. Подводные выхлопы газа в результате прорыва донных отложений (оставляют на дне следы - покмарки) могут привести к серьезным повреждениям нефтегазовых промыслов и подводных трубопроводов; в результате изменения плотности воды при дегазации или выхлопе газа могут тонуть судна^{**}.

5. Смещения донных отложений – оползни – могут возникать из-за субвертикальной миграции газа из подводных месторождений (особенно вблизи побережья Кольского полуострова и Новой Земли, в Норвежском море, недалеко от полярного круга).

6. Применение дистанционного прогнозирования газов и газогидратов по BSR (Bottom Simulating Reflector – данные сейсморазведки о наличии ярких пятен и соответствующего подошве газовых гидратов сильного отражающего горизонта) затруднено и неоднозначно, поскольку геологическое строение реальной среды гораздо сложнее, чем кажется.

7. Недостаточная изученность глубоких отложений, строения дна и даже процессов, происходящих в верхней части разреза (ВЧР)^{***}.

8. Крупные поднятия придонных массивов ледогрунта и чистого льда – пинго (Pingo) – представляют высокую опасность при проведении буровых работ из-за угрозы выбросов газа с аварийными ситуациями.

9. В районе Штокмановского НГБ обнаружены останцы пинго в виде депрессии (Pingo Remnant) – покмарки гигантских размеров (впадины 700 – 1000 м в диаметре и 30 м в глубину) образуются, вероятно, за счет проседания донных отложений в процессах разложения газогидратов

* 11 октября 2010 г. в районе Русской гавани в Северной части Новой Земли ГС РАН зарегистрировала крупное землетрясение (M около 4), которое по космическим снимкам было идентифицировано как возникшее при ударе о дно отколовшегося айсберга с размерами в плане 0.8x4 км, а в высоту – предположительно около 100 м.

** Японское исследовательское судно Kaiyo-Maru №5 (Hydrographic Department of the Japanese Maritime Safety Agency) затонуло при выбросе газа из подводного вулкана в 1953 г. (погиб весь экипаж – 31 человек).

*** Например, невыявленность термобарических условий для образования газогидратов российского шельфа Арктики не подтверждает их отсутствие, а свидетельствует о недостатках поисковых работ.

или оттаивания придонных массивов палео льда и гидролакколитов. Зарубежный опыт изучения покмарок позволяет утверждать, что они появились сравнительно недавно^{*}.

10. Протяженные борозды – плугмарки – на дне над Штокмановским месторождением (на многие километры в длину, 100 – 200 м в ширину и 5 – 10 м в глубину специфической V-образной формы), вероятно, вспаханы айсбергами.

11. Газовые факелы – потоки газа в водной толще, выходящего из донных отложений; эмиссия газа преимущественно метанового состава наблюдается в морях Восточной Арктики; деградация многолетних мерзлых пород и землетрясения активизируют газовые факелы.

12. Большая часть залежей УВ на шельфе Арктики расположена в зоне аномально высокого пластового давления (АВПД - zone of Abnormally High Bore Pressure), это осложняет аварийные ситуации^{**}.

13. Разработка месторождений УВ и других минеральных ресурсов часто сопровождается техногенными деформациями в осадочных породах; возможны проседания дна, землетрясения, серьезные локальные экологические последствия. При таких деформациях происходят смятия и разрушения стволов скважин, вследствие чего могут образоваться опасные техногенные залежи нефти и газа в пластах-резервуарах, расположенных выше разрабатываемой залежи, а также выбросы УВ (сипы) в водную толщу с тяжелыми последствиями для экосистемы на локальном и региональном уровнях^{***}.

14. Кроме природных и природно-техногенных проблем освоения УВ российского шельфа Арктики, существуют серьезные антропогенные опасности, например, захоронения радиоактивных отходов в западной части Карского моря.

15. Российская нефтегазовая техника отстает от зарубежных аналогов на 20-25 лет [4], вступление в ВТО, колебание цен на УВ и мировой экономический кризис усугубляют эту ситуацию.

Перечисленные проблемы имеют природный, техногенный, антропогенный перманентный характер, и они, несомненно, могут быть дополнены в случае обнаружения новых явлений политико-экономическими проблемами, связанными с принимаемыми решениями в области налогообложения, законодательства, международной конкуренцией за морские углеводороды [5].

Таким образом, обзор русскоязычного Интернета, к сожалению, дал нулевой результат по поиску «определение миграции и аккумуляции углеводородов во время их добычи со дна морей», ни одна компания в России, к сожалению, не предлагает открыто таких услуг.

Ниже приводится интервью с выпускниками геологического факультета СПбГУ (геология нефтегазовых месторождений): геолог с двухлетним опытом работы на буровой в Охотском море (наниматель компания «Эксон Нефтегаз Лимитед» – оператор проекта «Сахалин-1» осваивает три морские месторождения: Чайво, Одопту и Аркутун-Даги на северо-восточном шельфе о.Сахалин); молодой специалист в головном офисе ОАО «Газпром Нефть» в Санкт-Петербурге по следующим вопросам:

1. Есть ли готовность у России самостоятельно добывать нефть со дна морей или это возможно только в совместной добыче с иностранными компаниями? Оцените, пожалуйста, оборудование, компьютерные программы, инструменты, специалистов, с которыми вам приходится работать.

Ответ геолога с Эксона приводится полностью: «Мозги у нас есть, опыт можно приобрести, и он приобретается в совместных проектах, но это очень дорого. Требуются огромные инвестиции. Пробурить скважину нужно несколько миллионов долларов. В России, я думаю, со всеми откатами это практически нереально. Возможно, теоретически есть небольшие частные компании, но их, очень вероятно, не пустят или задушат большими налогами. Не видно, что стимулируют развитие. Кстати, здесь на Сахалине на шельфе бурят крупнейшие компании «Эксон» (Сахалин 1) и «Шелл» (Сахалин 2), при

* Например, покмарка Figge-Мааг в Северном море в 1963 г. из-за выброса азотного газа при бурении на глубине воды 35 м (диаметр 400 м, глубина 31 м) быстро заполнялась осадками (в 1981 и 1995 гг. глубины составляли 22 и 14 м).

** Авария 20 мая 2010 г. на месторождении Масондо в Мексиканском заливе (глубина 1522 м) при бурении скважины с платформы Deepwater Horizon (оператор – ВР). Аналогичная авария 25 марта 2012 г. на газоконденсатном месторождении Elgin в английском секторе Северного моря ликвидирована более благополучно в мае 2012 г.

*** Норвежское месторождение Ekofisk открыто в Северном море в 1969 г., разработка началась в 1972 г.; при разработке было отмечено проседание дна до 9.5 м в 2010 г., что привело к необходимости вложения многих сотен миллионов долларов на реконструкцию промысла.

этом они вкладывают часть средств в социальное развитие региона. Здесь же есть «Роснефть». Их люди приезжали к нам на буровую, смотрели. Хотят тоже с берега бурить горизонтальные скважины. Нет опыта. Смотрели как все организовано. Хотели, чтобы «Эксон» пробурил для них. Были в восторге, как у нас все круто. Да, тут ведь у нас новейшие технологии применяются. Когда сказали про стоимость приблизительную, они в шоке были – аренда буровой в день стоит 400 тыс. долл. Все делают подрядчики, материалы дорогие. День бурения стоит более миллиона долларов. Расчет стоимости делается на каждый день. Слышно, что наши могут и на старом оборудовании бурить, но далеко на этом не уйдешь. Я думаю, здесь, как и везде, нужно все менять в корне».

2. Качество российского образования. Комфортно ли работать с полученными в университете знаниями на работе?

Ответ в духе советских времен: «Очень непросто. Приходишь на работу и учишься снова. Может, так везде, но за границей так позиционируют себя, что сразу для рынка готов».

Кроме того, что российские специалисты зачастую не имеют доступа к новейшим технологиям на практических занятиях, нет даже теоретической подготовки, поскольку нет соответствующего русского профессионального языка или можно говорить о его неразвитости. Молодой геолог с «Эксон» заметил, что ему пришлось выучить новый профессиональный английский, на котором он работает и составляет отчеты, но он не знает, как это будет по-русски. Возможно, поэтому, эта работа может оказаться первой открытой русской публикацией по методам моделирования и прогнозирования миграции и аккумуляции углеводородов.

Интернет-поиск по миграции и аккумуляция нефти на дне морей в аглоязычной среде (subsurface petroleum migration and accumulation) показал, что специалисты в данной области работают в компаниях США (Калифорния), Норвегии (в норвежском секторе Баренцева моря и у берегов Шотландии), в Австралии. Наибольший спектр методов для изучения указанной проблемы, по мнению автора, имеет австралийская компания SCIRO, которая предоставляет услуги независимого эксперта [6]. Здесь приведены некоторые предлагаемые SCIRO технологии: GOI™ метод (The Grains with Oil Inclusions technique); MCI™ метод (Molecular Composition of oil Inclusions technique); FOI метод (Frequency of Oil Inclusions technique); QGF метод (Quantitative Grain Fluorescence technique); QGF-E метод (Quantitative Grain Fluorescence on Extract Fluorescence technique); TSF (Total Scanning Fluorescence technique); OMI™ (Oil Migration Intervals technique); ROI™ (Resistivity from Oil-water Inclusions technique) и др. Здесь намеренно не приводятся русские эквиваленты этих названий. Автор считает, что это возможно сделать после детального изучения самих методов, а не по рекламным выжимкам сайта.

Заключение и выводы. Данная работа выполнена в рамках НИР «Теоретические и прикладные проблемы экономической безопасности регионов Севера и Арктики в условиях трансформации глобальных и национальных приоритетов хозяйствования» по разделу «Направления повышения энергетической безопасности регионов Российского Севера и Арктики, возможности освоения углеводородных ресурсов с учетом трансформации мировых рынков и политики энергосбережения».

Выполненное исследование доказывает коммерческую и стратегическую значимость управления нефтяными резервуарами, моделирования и прогнозирования миграции и аккумуляции углеводородов для оценки перспектив роста нефтедобывающей компании, ее прибыли и безопасности. При этом экологически безопасное функционирование морских нефтегазовых промыслов и их инфраструктуры на море и прилегающей суше невозможно без геолого-геофизических исследований на акваториях Арктики с картированием объектов различной природы (залежи свободных газов и газогидратов в донных отложениях, распространение палео- и современной мерзлоты, пинго и др.).

Попытки поставить под сомнение экономическую целесообразность Штокмановского проекта и способность госкомпаний в одиночку справиться с разработкой арктических шельфовых проектов имеют под собой определенное основание. «Огромное значение энергетических ресурсов Арктики для России катастрофически не соответствует уровню технологических возможностей компаний, имеющих доступ к шельфу». Важно расширять круг участников проектов по разработке континентального шельфа Арктики за счет привлечения отечественных частных компаний и прямого иностранного капитала. Это значит, «Газпром» и «Роснефть» должны перестать быть монополистами на разработку ресурсов Арктики. Увеличение уникальных научных исследований, осуществление независимой экспертизы проектов освоения минерально-сырьевых ресурсов, мониторинга сейсмической, экологической ситуации и изучение миграции и аккумуляции углеводородов как одно из приоритетных инновационных направлений поднимут престиж и благосостояние России, а также позволят поддержать безопасность и сохранить мировое лидерство в сфере энергетики.

Литература

1. Богоявленский В.И. Перспективы и проблемы освоения месторождений нефти и газа шельфа Арктики // Бурение и Нефть. 2012. ноябрь. Режим доступа: <http://burneft.ru/archive/issues/2012-11/1>
2. Актуальные проблемы развития нефтегазового комплекса России. IX Всероссийская научно-техническая конференция. ФГБОУ ВПО «РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина». Москва. 2012. 275 с. Режим доступа: www.gubkin.ru/departaments/.../Actual_2011_tez_part2.pdf
3. У «Газпрома» и «Роснефти» появился конкурент за российский шельф. Сообщение РИА Новости. 2013. 14 мая. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2013/05/14/zarub/>
4. Современные проблемы конкурентоспособности российской нефтегазовой техники (интервью с В.Я. Кершенбаумом) // Газовая промышленность. 2012. № 671. Режим доступа: http://www.gasoilpress.ru/gij/gij_detailed_work.php?GIJ_ELEMENT_ID=47259&WORK_ELEMENT_ID=47264
5. Нефтегазовое освоение Российской Арктики: налоговая и экологическая составляющие. Мониторинг федеральных СМИ: 9-15 апреля 2012 года. Опубликовано 16 апреля 2012. Режим доступа: http://www.arctic-info.ru/Analytics/Page/neftegazovoe-osvoenie-rossiiskoi-arktiki---nalogovaa--i-ekologiceskaa-sostavlausie--monitoring-federal_nih-smi-2012-9-15-aprela-
6. Официальный сайт австралийской компании SCIRO, которая предоставляет услуги независимого эксперта. Режим доступа: <http://www.csiro.au/en/Outcomes/Energy/Energy-from-oil-and-gas/Grains-with-oil-inclusions-GOI.aspx>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОХРАНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В СЕВЕРНЫХ СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ: ВРЕМЯ ПЕРЕЛОМА ТЕНДЕНЦИЙ

Г.Н.Харитонов

кандидат экономических наук, зав. сектором

Институт экономических проблем КНЦ РАН, г. Апатиты

Аннотация. На примере северных субъектов Федерации анализируются тенденции в развитии государственного управления охраной окружающей среды; сделана попытка доказать, что различные формы излишней централизации полномочий у федерального центра и отсутствие оценки эффективности деятельности органов власти субъекта Федерации в области охраны окружающей среды наносят ущерб экологической безопасности и состоянию природных экосистем в северных районах страны, где сосредоточены крупнейшие экологически опасные предприятия, на которые власти субъекта Федерации сегодня не имеют рычагов воздействия. Обосновывается вывод о том, что сохранение современного состояния регионального управления охраной окружающей среды с точки зрения конечной цели экологического управления не оправдывает расходы бюджетных средств.

Ключевые слова: государственное управление, охрана окружающей среды, субъект Федерации, полномочия, функции, сепаратизм

STATE MANAGEMENT OF ENVIRONMENTAL PROTECTION IN NORTHERN REGIONS: THE TIME OF CHANGING TRENDS

G.N.Kharitonova

PhD (Economics), head of sector

Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

Abstract. Using the case study of northern regions the trends in development of state management of environmental protection are analyze, an attempt was made to prove that various forms of excessive centralization of authorities in the federal center and lack of assessment of regional authorities efficiency in the field of environmental protection damage environmental safety and nature ecosystems in northern regions of the country, where are concentrated the largest environmentally hazardous enterprises being not influenced by the regional authorities. It is concluded that preservation of the present condition of regional management of environmental protection from the point of view of the final goal of environmental management does not justify budgetary expenses.

Keywords: state management, environmental protection, region, authorities, functions, separatism

Государственное управление экономикой в Российской Федерации, его стратегия, методы, меры и эффективность, постоянно находятся под прицелом критики всех социально ответственных слоев общества. Особенно накал критики возрастает в период экономических кризисов, которые в новейшее время в России приобрели перманентный характер.

Система государственного управления природопользованием и охраной окружающей среды (ООС) сегодня является важнейшей составной частью государственного регулирования экономики и национальной безопасности страны в целом. Поэтому регулирование природопользования и ООС входит в основные функции головных экономических министерств нашей страны: Министерства экономического развития РФ (рынок земли, таможенные пошлины на углеводороды); Министерства финансов РФ (экономическое стимулирование и платежи за природопользование и за негативное воздействие на окружающую среду); Министерство регионального развития РФ (стратегии рационального использования природных ресурсов в разрезе макрорегионов и субъектов Федерации) и др.

В связи с этим государственное управление природопользованием и ООС как составной элемент системы управления экономикой страны, высокая значимость которого определяется потребностью государства в доходах от использования природных ресурсов, принадлежащих ему, и величиной расходов для обеспечения экологической безопасности населения, сохранения природно-ресурсного потенциала страны и экологических функций природных комплексов, также подвергается критике и нуждается в совершенствовании.

Как известно, природные ресурсы человечество использовало для обеспечения своей жизнедеятельности еще до того, как возникли первые отрасли экономики, например, сельское хозяйство, и регулирование их рационального использования у некоторых народов стало традиционным, то есть существовало в виде неписанных законов и норм поведения.

Потребность в управлении охраной окружающей среды была вызвана к жизни проявлением негативных последствий развития экономики на индустриальной основе, которые повсеместно стали заметны во всех промышленно развитых странах уже к началу XX в. Однако полностью система государственного управления охраной окружающей среды с целью сохранения и улучшения ее качества сформировалась сравнительно недавно, только в 1960-1970 гг., когда получило развитие новое направление природопользования – «собственно природоохранная деятельность».

За этот исторически короткий срок новый вид государственного управления требовалось встроить в сложившуюся систему государственного управления с учетом специфики ее целей, задач и методов. Обязательным условием решения этой задачи являлось развитие теории государственного управления ООС, научное обоснование всех составных частей хозяйственного механизма, включая ответ на фундаментальный вопрос теории экономического роста: какие средства может выделять общество на цели сохранения качества окружающей среды.

Следует заметить, что первоначальной целью природоохранной деятельности было не обеспечение благоприятной окружающей среды для населения, а улучшение свойств природных ресурсов, используемых в производстве, например, пресной воды и атмосферного воздуха. К этому времени их качество в результате антропогенного загрязнения ухудшилось до такой степени, что они уже не могли использоваться в производстве без предварительной очистки.

Здесь хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в СССР функцию создания природоохранных фондов и управление этим процессом взяло на себя государство, в то время как в странах с рыночной экономикой, например в европейских странах, эта функция была полностью возложена на частный бизнес. И только после образования Европейского Союза, который во многом сегодня представляет прообраз единого государства, большинство крупных природоохранных проектов определяет и финансирует руководство ЕС. Национальные правительства и все административно-территориальные единицы стран, входящих в ЕС, от крупных до мелких, должны лишь в обязательном порядке выполнять эти решения.

Напротив, в России с началом трансформации экономики на рыночную форму хозяйства, во многом по причине сопровождающего этот процесс сильнейшего экономического кризиса, государство фактически отказалось от финансирования большинства направлений природоохранной деятельности, кроме обеспечения радиационной безопасности, вменив это в обязанности народившегося частного бизнеса.

Однако следует отметить наметившуюся в последние годы тенденцию к возвращению государственного финансирования крупных природоохранных и экологических проектов, прежде всего, в форме реализации федеральных целевых программ. Наиболее крупными и долгосрочными из них являются ФЦП «Волга», ФЦП «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие

Байкальской природной территории» на 2012-2020 гг., ФЦП «Мировой океан», ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса РФ в 2012-2020 годах». В настоящее время разрабатывается еще один из масштабных проектов за счет государственного финансирования – ФЦП «Ликвидация накопленного экологического ущерба» на 2014-2025 гг. Все эти программы могут включать мероприятия, инициируемые субъектами Федерации. Однако федеральным регулятором установлены такие требования для включения в федеральную программу этих мероприятий, что они часто невыполнимы для него (например, совместное финансирование или наличие материально-технической базы, необходимой для их реализации).

В связи с этим территориальное государственное управление ООС остается слабо взаимосвязанным с федеральным управлением в части реализации крупных природоохранных проектов, то есть федеральный регулятор самостоятельно, без учета мнения субъекта Федерации решает, какие проблемы природопользования и экологической безопасности являются первоочередными и важнейшими в том или ином регионе.

Разделение государственного управления ООС по вертикали соответствует заложенному в Конституции РФ принципу государственного управления. Однако проблема повышения эффективности разделения государственного управления ООС между федеральным центром и субъектами Федерации не была решена в СССР и продолжает оставаться актуальной в настоящее время.

Как известно, СССР не отстал от промышленно развитых стран мира, и в стране был создан хозяйственный механизм управления ООС, но его внедрение в систему государственного управления экономическим и социальным развитием происходило медленно. Только после реформы государственного планирования, которая была осуществлена в 1979 г., в методических указаниях к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР появился раздел «планирование охраны природы и рационального использования природных ресурсов» [1]. Вскоре по аналогу общенационального плана появляются методические указания для составления территориальных планов охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Вершиной совершенствования территориального планирования и управления ООС в регионах при плановой системе хозяйства явилась разработка территориальных комплексных планов охраны природы (ТерКСОП), в которых были увязаны между собой мероприятия по охране природы, развитию производительных сил и систем расселения на территории региона. Такой план был составлен в 1982 г. и в Мурманской области, однако, как и большинство аналогичных документов, он не был реализован полностью.

Территориальное планирование в СССР постоянно подвергалось критике, прежде всего, за то, что оно не обеспечивало оптимального сочетания отраслевого и территориального планирования, а территориальные планы представляли собой лишь свод показателей текущего и перспективного развития отраслей и предприятий, расположенных на территории региона.

В ныне действующей системе государственного управления в субъектах Федерации, напротив, наблюдается отсутствие увязки между территориальным управлением и управлением на уровне хозяйствующих субъектов, так называемого «федерального подчинения». Особенно это заметно в северных субъектах Федерации, где предприятия, находящиеся под надзором федеральных органов управления, составляют основу экономики регионов. Следует заметить, что почти все эти предприятия (горнодобывающие, энергетические и транспортные) относятся к «экологически опасным», то есть к объектам со значительным уровнем воздействия на окружающую среду.

Основной причиной этого является почти полная централизация экологического надзора и контроля предприятий федерального подчинения федеральным центром и фактическое отсутствие у региональных властей рычагов воздействия на деятельность этих предприятий.

В связи с этим показатели разработанных во всех субъектах Федерации стратегий и программ социально-экономического развития региона по направлению «охрана окружающей среды» в лучшем случае представляют собой экстраполяцию прогрессивных тенденций, а их достижение не согласовано по финансовым и материальным ресурсам. Региональные программы ООС и рационального использования природных ресурсов выполняются только по тем мероприятиям, заказчиком которых являются региональные органы власти. Влияние этих мероприятий на достижение цели государственного управления в регионе зависит, прежде всего, от величины средств из бюджета региона, выделяемых на их финансирование. Например, для того, чтобы построить один полигон для размещения твердых бытовых отходов, требуется величина инвестиций, в несколько раз превышающая величину бюджетных средств, выделенных на все мероприятия региональной программы по ООС.

Использование механизма государственно-частного партнерства для решения актуальных проблем ООС затруднено по причине отсутствия финансовых ресурсов у предприятий и организаций регионального подчинения.

В последние годы региональные правительства начали проводить встречи с топ-менеджерами крупных компаний, «дочки» которых функционируют на территории региона, с целью развития различных форм государственно-частного партнерства, в том числе и в области ООС. Однако в этих переговорах региональные власти находятся в унизительной роли просящего, так как фактически не имеют рычагов воздействия на предприятия федерального подчинения и в некоторых случаях вынуждены соглашаться оказывать политическую поддержку инвестиционным проектам компаний, против которых выступают общественные организации и население региона. С другой стороны, обещания крупных компаний, сделанные их наемными топ-менеджерами, не всегда выполняются или особенно легко нарушаются сегодня во время депрессивной фазы национальной и мировой экономики.

Другой актуальной проблемой государственного управления ООС и природопользованием в субъекте Федерации, которую также следует признать прямым следствием сильной централизации экологического управления в стране, то есть сосредоточением власти и контроля в сфере ООС в руках федеральных органов управления, является отсутствие взаимодействия между представителями федеральных органов власти и региональными властями.

В настоящее время на территории каждого северного субъекта Федерации федеральных чиновников насчитывается на порядок больше, чем их имеется в региональных органах управления природными ресурсами и ООС. Например, в Мурманской области представлены все федеральные службы и агентства Министерства природных ресурсов и экологии РФ [2].

Огромное количество федеральных управленцев природными ресурсами в субъекте Федерации обусловлено тем фактом, что доля федеральной собственности на природные ресурсы преобладает в северных регионах. Например, в Мурманской области более 76% земель не подлежат разграничению государственной собственности между тремя владельцами (федеральным центром, субъектом Федерации и муниципалитетами); в совместном ведении с федеральным центром находятся все водные объекты и полезные ископаемые, кроме общераспространенных, почти все лесные ресурсы, все объекты животного мира и большинство биологических ресурсов. Все они не подлежат обороту или ограничены в нем.

Первый перечень объектов федерального государственного экологического надзора был установлен Постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 777, спустя всего 10 месяцев после принятия ФЗ «Об охране окружающей среды», в соответствии с которым органы власти субъекта Федерации имели равные права с федеральными органами на его осуществление за предприятиями, оказывающими негативное воздействие на окружающую среду. В соответствии с ним федеральному государственному контролю подлежали только объекты хозяйственной и иной деятельности, находящиеся в ведении РФ, и объекты, способствующие трансграничному загрязнению окружающей среды и оказывающие негативное воздействие на окружающую среду в пределах территорий двух и более субъектов РФ [3].

Постановление Правительства РФ от 31 марта 2009 г. № 285 значительно расширило список таких объектов. В состав государственного экологического контроля были включены кроме объектов хозяйственной деятельности, то есть кроме предприятий, и природные объекты, подлежащие водному, лесному, земельному, геологическому контролю [4]. В 2011 г. статьи 5 и 6 ФЗ «Об охране окружающей среды» были дополнены абзацами, согласно которым федеральный государственный экологический надзор осуществляется в соответствии с *перечнем* объектов, установленным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, а региональный государственный экологический надзор распространяется на объекты хозяйственной деятельности «за исключением деятельности с использованием объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору» [5].

Таким образом, в управленческой практике был окончательно реализован принцип: один объект хозяйственной деятельности на территории региона подлежит одному виду государственного экологического надзора: или федеральному, или региональному. В результате, с одной стороны, навсегда ушла в прошлое централизация экологического надзора, с другой – исчезло двойное подчинение территориально уполномоченных органов федерального министерства: и федеральному министру, и региональному правительству. В связи с этим резко снизилась мотивация к взаимодействию природоохранных органов друг с другом даже по обмену информацией и опытом, не

говоря уже о координации совместных усилий для решения тесно взаимосвязанных задач по обеспечению экологической безопасности региона и рациональному использованию его природных ресурсов.

Кардинальное сокращение полномочий субъекта Федерации в области управления ООС и природопользованием внес Федеральный закон № 122 – ФЗ от 22 августа 2004 г., больше известный под названием «О монетизации льгот». Согласно этому закону полномочия субъекта Федерации заключаются уже не в «определении основных направлений ООС на территориях субъектов Федерации с учетом географических, природных, социально-экономических и иных особенностей субъектов РФ», а только в «участии в определении основных направлений ООС на территории субъекта РФ». Также субъект Федерации уже не будет участвовать «в разработке федеральной политики в области экологического развития РФ и соответствующих программ», а он должен только принимать «участие в реализации федеральной политики в области экологического развития РФ на территории субъекта РФ». Другими словами, субъект Федерации несет ответственность только за реализацию федеральной экологической политики, и если она определена федеральным регулятором без учета «географических, природных, социально-экономических и иных особенностей субъектов РФ», то региональные власти не наделены полномочиями для внесения изменений.

Соответствующие ограничения полномочий были внесены во все федеральные природоохранные акты, и эта тенденция продолжается до сих пор. Например, федеральный закон от 30.11.2011 года № 364-ФЗ ввел понятие «недра местного значения» в регулирование недропользования. В результате субъекты Федерации управляют сегодня только участками недр местного значения, а не всеми общераспространенными полезными ископаемыми, которыми они распоряжаются теперь совместно с федеральным центром.

Справедливости ради следует отметить, что федеральный центр установил механизм передачи части полномочий по управлению ООС и природопользованию субъектам Федерации, то есть обязался финансировать исполнение субъектами Федерации этих полномочий. Однако федеральным законом от 18.07.2011 N 242-ФЗ установлено, что переданные полномочия могут быть изъяты Правительством РФ по представлению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере ООС, то есть в одностороннем порядке. Про несвоевременное или неполное финансирование переданных полномочий со стороны федерального центра федеральное законодательство умалчивает, что также можно расценивать как излишнюю централизацию полномочий федерального регулятора.

Однако, несмотря на то, что, территориальные органы Министерства природных ресурсов РФ (МПР РФ) и природоохранный орган субъекта Федерации действуют в рамках единого экологического законодательства, оценки эффективности их деятельности различаются. Территориальные органы МПР РФ оцениваются по показателям качества окружающей среды региона и природоохранной деятельности на его территории в сравнении с показателями других субъектов Федерации, входящих в состав федерального округа. Однако на уровне МРП РФ сравниваются между собой обобщенные показатели по 7 федеральным округам, то есть, как принято говорить, «средние по больнице». Отсутствие резких отрицательных тенденций уже является залогом положительной оценки эффективности деятельности территориальных органов МПР РФ. Северо-Западный федеральный округ по всем показателям, характеризующим воздействие на окружающую среду, кроме «сброса загрязненных вод без очистки» имеет лучшие показатели, чем например, Уральский, Южный, Сибирский и Центральный федеральные округа, что принимается во внимание федеральным регулятором не только при разработке мер экологической политики, но и при оценке деятельности территориальных органов МПР РФ [6]. Тот факт, что в отдельном субъекте Федерации на протяжении десятков лет не улучшаются показатели состояния окружающей среды (например, в Мурманской области постоянно растет показатель «массы сброса загрязняющих веществ в водные объекты» на предприятиях, подчиненных контролю «Росприроднадзора» МПР РФ (ОАО «Апатит», ОАО «Кольская ГМК», ОАО «Ковдорский ГОК» и др.) не вызывает реакции у федерального регулятора [7].

Эффективность деятельности региональных органов исполнительной власти в сфере ООС и природопользования, включая губернатора, до 2011 г. вообще не подлежала оценке. В настоящее время в большинстве субъектов Федерации даже отсутствует статистика охраны окружающей среды в разрезе объектов хозяйственной деятельности, подлежащих региональному экологическому надзору.

Постановлением Правительства РФ № 148 от 4 марта 2011 г. был дополнен перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъекта Федерации разделом «Охрана окружающей среды», содержащим 48 показателей. В августе 2012 года новый Указ Президента РФ № 1199 отменил прежний Указ Президента и ввел новый перечень показателей для оценки эффективности органов исполнительной власти, сокращенный до 10 показателей [8]. Среди этих обязательных показателей для ежегодного отчета лично президенту страны нет ни одного показателя по ООС, хотя регионам предоставлено право по своему усмотрению дополнить этот перечень показателей. Не вызывает сомнения, что исполнительные органы власти субъектов Федерации не будут включать показатели качества окружающей среды и природоохранной деятельности в перечень показателей для оценки эффективности собственной деятельности, так как они сегодня не имеют рычагов влияния на экологическую деятельность хозяйствующих субъектов федерального подчинения.

Для подобной позиции региональные власти имеют теоретическое обоснование, вернее, отсутствие теоретической ясности по проблеме определения цели государственного управления ООС в субъекте Федерации. Согласно ст. 42 Конституции РФ, целью государственного управления ООС является обеспечение благоприятной окружающей среды для каждого человека, проживающего на территории страны и региона.

Определение «благоприятная окружающая среда», содержащееся в ФЗ «Об охране окружающей среды»: «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов» – могут понять только профессиональные экологи [5]. Поэтому потребовалось ввести в управленческую практику еще одну целевую установку для государственного управления ООС – понятие «экологическая безопасность», то есть «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной деятельности». Однако по поводу содержания этого понятия также до сих пор нет теоретической ясности. В частности, остается научной проблемой оценка состояния защищенности природной среды а, следовательно, и оценка прогресса или регресса экологической безопасности в том или ином регионе.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что управление ООС в субъектах Федерации не отвечает понятию экологической эффективности, то есть не ориентировано на достижение цели по обеспечению «устойчивого функционирования естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов». Образно современное управление ООС в субъекте Федерации можно назвать «бесцельным» и «безответственным».

Можно утверждать, что постоянно сужающийся объем полномочий региональных органов исполнительной власти в области ООС не вызывает с их стороны явления регионального сепаратизма. Проявления его имеют место в северных субъектах Федерации в стремлении получить более широкие налоговые полномочия региональной власти и собственные налоговые источники, налоговая база и ставки по которым устанавливаются субъектом самостоятельно, прежде всего, в сфере природопользования при сохранении региона в составе государства.

Известные недостатки российского федерализма: недостаточность доходной базы и доходной автономии регионов и муниципалитетов, вмешательство федеральных властей в сферу полномочий регионов, чрезмерная регламентация и контроль деятельности со стороны федерального центра, избыточный объем отчетности, неравноправие субъектов с точки зрения предметов ведения и полномочий и ряд других являются факторами, вызывающими нерациональное использование природно-ресурсного потенциала северных субъектов Федерации, сохранение в них напряженной экологической ситуации и затрудняющие экологически ориентированный рост экономики и решение взаимосвязанных проблем повышения качества и уровня жизни северян.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что децентрализация полномочий и предметов ведения на разных уровнях власти остается острой проблемой управления природопользованием в северных субъектах федерации. Настало время переломить тенденцию и приложить усилия к решению этой проблемы в рамках государственной программы реализации новой экологической политики.

По нашему мнению, повышение экологической эффективности управления ООС в северных субъектах Федерации может выступать одним из важных аргументов ускорения решения проблем децентрализации полномочий на разных уровнях власти и бюджетного федерализма. Для этого также требуется, чтобы региональные органы управления ООС в субъектах Федерации осознали и признали низкую эффективность своей деятельности в аспекте конечной стратегической цели, а, следовательно, и расходования бюджетных средств, то есть не удовлетворялись и не самоуспокаивались выполнением надзорно-контрольных функций, за которыми, как за теми деревьями, не получается видеть леса.

Литература

1. Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР. М.: Экономика, 1980. С.493-508.
2. Официальный портал органов государственной власти и местного самоуправления Мурманской области. Режим доступа: http://new.gov-murman.ru/vlast/organy_gosudarst/
3. Постановление Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 777 «О перечне объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Постановление Правительства РФ от 31 марта 2009 года № 285 «О перечне объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Федеральный закон № 7 от 10 января 2002 года «Об охране окружающей среды». Консультант Плюс.
6. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2011 году». М.: МПР РФ. С.232-234.
7. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2011 году. – Мурманск: Рекламное агентство XXI век. 2012. С.110.
8. Указ Президента РФ от 21.08. 2012 № 1199 «"Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации"». Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1623676>.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.В.Иванова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассматриваются вопросы лицензирования недропользования как элемента управления минеральными ресурсами в Российской Федерации. Анализируется современное состояние системы лицензирования пользования недрами в РФ в целом и в Мурманской области как регионе, экономика которого в значительной степени базируется на эксплуатации минерального сырья, в частности.

Ключевые слова: минеральные ресурсы, лицензирование, управление недропользованием

CURRENT STATE OF MINERAL RESOURCES USE LICENSING IN THE RUSSIAN FEDERATION

L.V.Ivanova

PhD (Economics), senior researcher
Luzin Institute for Economic Studies, KSC of RAS

Abstract. The article considers issues of mineral resources use licensing as an element of mineral resources management in the Russian Federation. The current state of the system of subsoil use licensing is analyzed in the Russian Federation as a whole and the Murmansk region as the region economy of which is to a considerable extent based on exploitation of mineral resources in particular.

Keywords: mineral resources, licensing, subsoil use management

Минерально-сырьевой комплекс России традиционно остается доминирующей отраслью экономики и базовым сектором для формирования бюджета государства. Эффективное функционирование комплекса формирует предпосылки для развития других секторов промышленности и непроизводственной сферы, создания значительных социально-экономических эффектов для всего общества. От состояния и развития отрасли зависят национальная безопасность страны и благосостояние ее населения.

По сырьевому потенциалу недр Российская Федерация занимает одно из первых мест в мире. В России открыто более 20 тыс. месторождений полезных ископаемых. В недрах РФ выявлены и разведаны многочисленные месторождения нефти, природного газа, каменного угля, руд черных, цветных, редких и благородных металлов, редкоземельных элементов, горно-химического нерудного технического сырья, драгоценных и поделочных камней и минеральных материалов. Россия также

занимает ведущие позиции в мире по прогнозным запасам и объемам добычи важнейших видов полезных ископаемых. Рациональное использование ресурсов недр создает предпосылки для развития других отраслей производственной, а также непромышленной сферы, способствует появлению значительных социально-экономических эффектов для всего общества.

Большинство стран мира, обладающих высокоразвитым минерально-сырьевым сектором экономики, прошли длительный путь по созданию правил и процедур организации финансирования, механизмов привлечения инвестиций, образованию различных организационных форм предприятий, специализирующихся на освоении минерально-сырьевых ресурсов в рамках правового поля рыночной экономики.

Россия на протяжении всего периода становления рыночной экономики в практике управления и использования минерально-сырьевого потенциала также сталкивалась и продолжает сталкиваться с целым рядом проблем различного, прежде всего, институционального характера.

Экономические интересы являются частью не только национальных, но и региональных интересов. Основой социально-экономической безопасности любого региона являются ресурсы, среди которых наиболее значимыми являются минерально-сырьевые. Эффективное использование различных ресурсов позволяет регионам реализовывать разнообразные экономические интересы и иметь возможность экономической самостоятельности.

В структуре природно-ресурсного потенциала Мурманской области минеральное сырье занимает ведущее место. Недр на территории области содержат многочисленные и разнообразные месторождения твердых полезных ископаемых и подземных вод. Минерально-сырьевая база горнодобывающих предприятий Мурманской области представлена крупнейшими (в том числе уникальными) эксплуатируемыми месторождениями апатит-нефелиновых, медно-никелевых, железных и редкометалльных руд, флогопита, вермикулита, мусковита, кварц-полевошпатового и камнесамоцветного сырья, а также магнезиальных огнеупоров (оливиниты), запасы которых учитываются государственными балансами.

Для эксплуатации месторождений полезных ископаемых и их дальнейшей переработки в регионе создан мощный горнорудный комплекс, включающий ряд крупных горно-обогатительных предприятий, эксплуатирующих запасы минерального сырья, имеющего стратегическое значение, а также предприятия, занимающиеся отработкой месторождений общераспространенных полезных ископаемых.

Роль государства в отношении к недрам двояка: оно обязано обеспечить выявление и оценку реально содержащихся в них ресурсов, сформировать на этой основе пригодную к практической эксплуатации минерально-сырьевой базы и организовать ее рационально освоение. Рамочные условия и правовая основа реализации функций государства в сфере хозяйственного управления недрами определяются соответствующим законодательством. Последовательность в становлении модели государственного устройства сферы недропользования обеспечивается институциональными условиями. Взаимодействие государства и недропользователей проявляется в разнообразных формах: лицензии, концессии, соглашения о разделе продукции (СРП), договора риска, сервисные соглашения.

Лицензионная система предоставления прав на пользование недрами экономики в России занимает важное место среди форм регулирования добывающего сектора для целей разведки и разработки месторождений полезных ископаемых. Государство распределяет лицензии на конкурсной и аукционной основе. Положительными сторонами аукционной системы являются немедленное поступление средств в государственный бюджет и поощрение роста экономической эффективности компаний недропользователей. К недостаткам системы относятся задержки ввода в разработку менее привлекательных объектов, а также относительно более слабый последующий государственный контроль.

В эволюции государственной системы лицензирования пользования недрами в РФ можно выделить четыре этапа:

1. 1992-1995 гг. – начальный этап, на котором в соответствии с «Положением о порядке лицензирования пользования недрами» и действовавшей на тот момент редакцией Закона РФ «О недрах» практически вся минерально-сырьевая база, находившаяся в промышленном освоении, была без конкурсов и аукционов бесплатно передана действующим недропользователям.

2. 1996-2002 гг. – конкурсный этап, на котором участки недр передавались пользователям через конкурсы при невысоких разовых платежах.

3. 2003-2008 гг. – аукционный этап, характеризующийся предоставлением доступа к недрам преимущественно через аукционы.

4. С 2009 г. – современный этап, отличающийся рядом проблем, касающихся потенциала разведанных месторождений, запасы которых учтены Государственным балансом запасов полезных ископаемых, а также нераспределенного фонда недр [1].

Для Мурманской области проблемы современного этапа также актуальны, поскольку истощение минерально-сырьевой базы горнопромышленного комплекса относится к наиболее серьезным проблемам недропользования в регионе. Кроме того, в области имеется нераспределенный фонд недр, в состав которого наряду с месторождениями и рудопоявлениями традиционных для области видов минерального сырья входят месторождения жильного кварца, высокоглиноземного сырья (кианит), редкометалльных пегматитов, а также ряд перспективных проявлений других минералов.

В настоящее время предоставление недр в пользование оформляется специальным государственным разрешением в виде лицензии. Согласно Закону «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ФЗ № 99 от 04.05.2011 г.), лицензия – это специальное разрешение на осуществление конкретного вида деятельности при обязательном соблюдении лицензионных требований и условий, выданное лицензирующим органом юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю [2].

Статья 11 Закона «О недрах» (ФЗ № 2395-1 от 21.02.1992 г.) определяет «лицензию на пользование недрами» как документ, удостоверяющий право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах в соответствии с указанной в ней целью в течение установленного срока при соблюдении владельцем заранее оговоренных условий. Между уполномоченными на то органами государственной власти и пользователем недр может быть *заключен договор*, устанавливающий условия пользования таким участком, а также обязательства сторон по выполнению указанного договора. Лицензия удостоверяет право проведения работ по геологическому изучению недр, разработке месторождений полезных ископаемых, использованию отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств, использованию недр в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых, образованию особо охраняемых геологических объектов, сбору минералогических, палеонтологических и других геологических коллекционных материалов [3].

В лицензии содержатся следующие сведения: данные о пользователе недр и органах, предоставивших лицензию, основание предоставления лицензии; данные о целевом назначении работ, связанных с использованием недрами; пространственные границы участка недр, предоставляемого в пользование; границы земельного отвода или акватории; сроки действия лицензии и сроки начала работ; условия платежей, взимаемых при использовании недрами, земельными участками, акваториями; согласованный уровень добычи минерального сырья, право собственности на добытое минеральное сырье; соглашение о праве собственности на геологическую информацию; условия выполнения установленных законодательством, стандартами (нормами, правилами) требований по охране недр и окружающей природной среды, безопасному ведению работ; порядок и сроки подготовки проектов ликвидации или консервации горных выработок и рекультивации земель.

Условия пользования недрами, предусмотренные в лицензии, сохраняют силу в течение оговоренных в лицензии сроков либо в течение всего срока ее действия. Изменения этих условий допускаются только при согласии пользователя недр и органов, предоставивших лицензию, либо в случаях, установленных законодательством.

Лицензии на пользование участками недр выдаются:

федеральным органом управления государственным фондом недр или его территориальным органом совместно с органом исполнительной власти соответствующего субъекта РФ (в отношении участков недр, расположенных на территориях субъектов РФ);

федеральным органом управления государственным фондом недр или его территориальным органом /совместно с органом исполнительной власти соответствующего субъекта РФ/ по согласованию с федеральным органом государственного горного надзора или его территориальным органом;

федеральным органом управления государственным фондом недр или его территориальным органом (в отношении участков недр внутренних морских вод, территориального моря и континентального шельфа РФ).

Лицензии на пользование участками недр могут предоставляться для осуществления как отдельного вида пользования участками недр, так и для нескольких видов пользования участками недр (совмещенные лицензии).

Организационное обеспечение государственной системы лицензирования возлагается на федеральный орган управления государственным фондом недр – Министерство природных ресурсов и экологии РФ – и его территориальные органы, которые осуществляют подготовительную работу, связанную с проведением конкурсов (аукционов) и предоставлением лицензий, согласовывают

условия лицензии с государственными органами управления промышленностью, земельными, водными и лесными ресурсами, государственными органами охраны окружающей природной среды, органами государственного горного надзора, а в части, касающейся платы, – с государственными органами управления экономикой. Оформление, государственная регистрация и выдача лицензии на пользование недрами осуществляются Минприроды РФ или его территориальным органом. Порядок лицензирования пользования участками недр устанавливается федеральным законом.

Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере государственного регулирования отношений недропользования осуществляется Конституцией Российской Федерации и принятыми в соответствии с ней федеральными законами. Субъекты Российской Федерации принимают свои законы и иные нормативные правовые акты в целях регулирования отношений недропользования в пределах своих полномочий. Органы местного самоуправления вправе осуществлять регулирование отношений недропользования в пределах предоставленных им действующим законодательством полномочий.

Поскольку административные барьеры являются одним из важнейших препятствий на пути развития российской экономики, Министерство природных ресурсов и экологии РФ ведет активную работу по снижению барьеров в сфере недропользования. Закон «О недрах» регулярно обновляется. Так, например, в апреле 2011 года был принят Федеральный закон от 05.04.2011 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 19.1 Закона Российской Федерации "О недрах"», позволяющий недропользователям без получения дополнительной лицензии добывать на своем участке недр общераспространенные полезные ископаемые и подземные воды, необходимые для целей обустройства месторождения, формирования добычной инфраструктуры. В декабре 2012 г. были внесены изменения в закон о недрах, которые предоставляли право на пользование недрами исключительно через аукцион. 3 января 2013 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в Закон РФ «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации. В субъектах РФ также осуществляются попытки совершенствования системы управления недропользованием, частью которой является лицензирование, путем внесения изменений в местные законы о недропользовании. В Мурманской области к таковым можно, например, отнести Закон Мурманской области «О полномочиях органов государственной власти Мурманской области в сфере недропользования», принятый Мурманской областной Думой 22 октября 2009 года, а также Закон Мурманской области от 11 июля 2012 г. "О внесении изменений в Закон Мурманской области "О полномочиях органов государственной власти Мурманской области в сфере недропользования"

На территории Мурманской области лицензирование пользования участками недр федерального значения проводится Отделом геологии и лицензирования Департамента по недропользованию по Северо-Западному федеральному округу. Отдел был создан 1 апреля 2012 года в результате реорганизации и прекращения деятельности Управления по недропользованию по Мурманской области в соответствии с приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 23 декабря 2011 года № 966 «Об утверждении Схемы размещения территориальных органов Федерального агентства по недропользованию», приказом Федерального агентства по недропользованию от 17.01.2012 года № 29 «О реорганизации Департамента по недропользованию по Северо-Западному федеральному округу». Лицензирование пользования участками недр федерального значения в Мурманской области в последние годы характеризовалось показателями, представленными в таблице.

Динамика наличия лицензий на пользование участками недр федерального значения на начало года

Лицензии	2007 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.
Углеводородное сырье	3	2		1
Твердые полезные ископаемые	62	54	37	45
Подземные воды	31	42	6	7
на лечебные грязи	1	1		
Использование отходов горнодобывающих производств (хвостов, отвалов)	2	2	1	1
Благородные металлы			10	10
Всего	99	101	55	54

Лицензирование пользования участками недр, содержащими общераспространенные полезные ископаемые, относится к компетенции регионального уровня. В Мурманской области этими вопросами занимается региональный орган власти, который в различные годы именовался по-разному: Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области, Комитет природопользования и экологии Мурманской области, Комитет промышленного развития, экологии и природопользования Мурманской области. В настоящее время это Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области.

Динамика наличия лицензий на пользование участками недр, содержащими общераспространенные полезные ископаемые на начало года такова: в 2007 г. было выдано 17, в 2008 – 12, в 2010 – 9, в 2011 – 27 лицензий.

Лицензии были выданы на использование следующих видов полезных ископаемых: песок, песчано-гравийные смеси, строительный камень, облицовочный камень, торф.

Федеральный Закон «О недрах» и Положение «О порядке лицензирования пользования недрами» выделяют несколько оснований для прекращения права пользования недрами, которые условно можно разделить на две большие группы:

1. Прекращение пользования недрами
2. Досрочное прекращение пользования недрами.

Каждая из групп содержит целый ряд оснований для прекращения действия лицензий. В Мурманской области сокращение количества лицензий происходит вследствие аннулирования в связи с переоформлением, нарушением условий предоставления права пользования недрами, а также по причине выработки запасов [3, 4].

В 2010 г. Федеральное агентство по недропользованию и его территориальные органы рассмотрели 341 представление о нарушениях правил пользования недрами; было направлено уведомлений по 209 лицензиям (из них, по твердым полезным ископаемым (ТПИ) – 109, углеводородам (УВ) – 41; подземным водам – 56), прекращено право пользования недрами по 90 лицензиям (из них ТПИ – 29, УВ – 16, подземные воды – 45) [5].

В Мурманской области в 2010 г. Управлением по недропользованию было аннулировано 11 лицензий, из них 5 лицензий в связи с отказом недропользователя, 5 истечением установленного срока действия, 1 – невыполнение условий пользования недрами.

Комитетом природопользования и экологии Мурманской области была аннулирована 1 лицензия в связи с истечением установленного срока действия, приостановлено действие 1 лицензии [6].

В 2011 г. Комитетом промышленного развития, экологии и природопользования Мурманской области было аннулировано 4 лицензии в связи с переоформлением, 10 лицензий в связи с нарушением условий предоставления права пользования недрами, 1 лицензия – по причине выработки запасов [7].

Сегодня проблема административных барьеров продолжает оставаться актуальной, поэтому в ближайшее время предполагается внесение дополнительных изменений в действующее законодательство о недрах. В частности, система лицензирования недропользования в РФ продолжает совершенствоваться. Однако на сегодняшний день можно констатировать, что лицензия в недропользовании – это не только документ, направленный на возникновение имущественных обязательств правоотношений, не только инструмент распоряжения государства как собственника принадлежащим ему имуществом, выражающий его волю, но и инструмент воздействия государства на развитие минерально-сырьевого сектора и развитие экономики страны в целом.

Литература

1. Влияние системы лицензирования на воспроизводство минерально-сырьевой базы (на примере твердых полезных ископаемых) / Н.К.Никитина, С.Е.Никитин // Минеральные ресурсы России: экономика и управление. 2011. № 6. С.40-46.
2. Закон РФ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/license/>
3. Закон РФ «О недрах». Режим доступа: от 21.02.1992 N 2395-1 <http://www.consultant.ru/popular/nedr/>
4. Положение «О порядке лицензирования пользования недрами». Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121901>
5. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2010 г. Режим доступа: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=128810>
6. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2011 году. Режим доступа: <http://priroda.gov-murman.ru/07.eco/00.condition/condit.html>
7. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2012 году. Режим доступа: <http://priroda.gov-murman.ru/07.eco/00.condition/condit.html>